О
ПОЗНАНІИ
САМАГО СЕБЯ,

или

Разсужденія о естествѣ и пользѣ сей важной науки, съ показаніемъ средствъ къ достиженію оной, и съ присовокупленіемъ примѣчаній

о

Естествѣ человѣческомъ.

сочиненіе

ІОАННА МАСОНА.

The proper Knowledge of Mankind is Man. Pope.

Вновь переведено съ Нѣмецкаго на Россійской Е. Л.

Въ трехъ частяхъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ Медицинской типографіи,
1819 года.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобъ по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Ноября 30 дня 1818 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. Ив. Тилковской.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая нами книга въ первый разъ была переведена на Россійскій языкъ въ Москвѣ 1783 года. Сіе изданіе, не смотря на заключающіяся въ немъ нѣкоторыя темноты въ смыслѣ, принято было публикою съ такою благосклонностію, что по сіе время вышло уже въ свѣтъ до трехъ ея переводовъ, которые однако все еще наполнены погрѣшностями. Нѣкто изъ любителей сего рода сочиненій, видя оную часто въ рукахъ благомыслящихъ читателей и слыша ихъ желаніе видѣть ее въ лучшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ, принялъ на себя трудъ посвятить досужные часы свои на усовершенствованіе оной. При переводѣ онъ

всемѣрно старался уничтожить недостатки устарѣлаго слога и погрѣшности противъ смысла; сверхъ того прибавилъ онъ въ приличныхъ мѣстахъ нѣкоторыя свои замѣчанія.

Въ такомъ видѣ сообщая публикѣ сію полезную, и во всѣхъ Государствахъ уважаемую книгу, трудившійся долгомъ поставляетъ предъувѣдомить Читателя о существенномъ ея достоинствѣ. Кто желаетъ быть истиннымъ человѣкомъ и Христіаниномъ, тотъ необходимо долженъ имѣть ее. Это есть основательное руководство къ высочайшей и труднѣйшей наукѣ—*познанію самаго себя*, своихъ склонностей и проч., безъ которой мы всегда ошибаемся въ своихъ предпріятіяхъ и обязанностяхъ, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни — ошибаемся, и причины нашихъ горестей, нашихъ несчастій, происходящихъ отъ одного невѣденія нашего о *самихъ себѣ* приписываемъ другимъ обстоятельствамъ. Изъ сего всякой ясно видѣть можетъ, сколь полезна сія наука для нашего благополучія. Я почитаю ее изъ всѣхъ пер

вою, что въ полной мѣрѣ чувствовали древніе испытатели человѣческаго сердца, знаменитый Англинскій Стихотворецъ *Попе* и безсмертный нашъ *Херасковъ*, сказавъ:

— Съ неба сошло само-познаніе. Ювен.
— Собственное познаніе человѣческаго рода, есть человѣкъ. *Попе.*
— Наука важная, некончимая ввѣкъ, есть самый человѣкъ.
Херасковъ.

Дѣйствительно *познаніе самаго себя* —низходитъ съ неба; ибо одно небо, или высочайшая мудрость, имъ управляющая, даруетъ сіе высокое достоинство человѣку—поступками приближающемуся къ оной, яко къ первоначальному своему источнику; и такъ какъ человѣку никогда не можно сравниться съ его Создателемъ, то и наука его о *познаніи себя* некончимая *ввѣкъ*. По крайнѣй мѣрѣ мы сколько можно должны стараться чувствами своими и дѣлами приближиться къ немерцающему, чистому началу своему, и тѣмъ заслужить какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни то неизъяснимое бла-

женство, котораго никакая суетность на земли, замѣнить не въ состояніи. Что можетъ сравниться съ небесными чувствованіями невиннаго человѣка! Что можетъ быть сладостнѣе его надежды на улыбающуюся къ нему вѣчность! Всякой изъ насъ сотворенъ съ симъ Божественнымъ основаніемъ; но къ нещастію часто отъ самыхъ пеленъ закоренѣлыя заблужденія заглушаютъ въ насъ сей гласъ Природы.

Чтобы возбудить сладостный гласъ сей въ помраченномъ сердцѣ твоемъ, Читатель! чтобы обратиться на путь истинный и почувствовать себя свыше животныхъ, коихъ дѣлами своими человѣкъ по большой части, со всѣмъ умомъ своимъ бываетъ ниже, просмотри сію книгу, мудрыми и добронравными людьми въ теченіе многихъ лѣтъ усовершенствованную. Прочти ее нѣсколько разъ со вниманіемъ. Чѣмъ болѣе въ нее углубишься, тѣмъ больше будешь чувствовать удовольствія. Какъ основательно открываетъ она всѣ тайные изгибы, всѣ змѣиные, обманывающіе насъ извороты

пороковъ въ нашемъ сердцѣ! Съ какою тонкою проницательностію обнажаетъ гнусность нашего невѣжества о самихъ себѣ! Какъ усмиряетъ враговъ твоихъ, въ тебѣ самомъ живущихъ, и какъ чувствительно тебѣ будетъ развитіе чистаго ума твоего изъ подъ тяжкаго бремени мрачныхъ заблужденій, его обложившихъ. Однимъ словомъ, если ты хочешь быть умнымъ и безпорочнымъ, свободнымъ отъ общественныхъ нарѣканій и счастливымъ, повторяй сію книгу, и исполняй въ точности наставленія, въ ней написанныя. Она во всѣхъ обстоятельствахъ укрощаетъ бурныя движенія сердца, обращаетъ тебя въ самаго себя и успокоиваетъ отъ всѣхъ горестей. Она одна замѣняетъ многіе томы нравоучительныхъ писателей, которые часто тонкими Софизмами своими и иносказаніями вовлекаютъ только въ умственный Лабиринтъ, изъ котораго и сами извлечь насъ не въ состояніи. Вникни, благосклонный Читатель, въ сущность унаки о самомъ себѣ, въ сей книгѣ изо-

браженной — и ты узнавъ себя лучше, согласишься, что ничего нѣтъ превосходнѣе, какъ быть истиннымъ человѣкомъ и Христіаниномъ.

О
ПОЗНАНІИ
САМАГО СЕБЯ.

ГЛАВА I.

Важность и свойство сего познанія.

Душѣ человѣческой сродно имѣть желаніе познанія, и ничто такъ не обнаруживаетъ настоящаго свойства и положенія духа, какъ тотъ особливой родъ познанія, который для него всего пріятнѣе.

Мы видимъ, что низкіе и малодушные люди по большей части занимаются бездѣлицами: напримѣръ дѣти. Нечувствительная душа довольствуется только тѣми вещами, кои служатъ къ препровожденію времени, или къ увеселенію вообразительной силы. Любопытный находитъ величайшее удовольствіе въ раска-

захъ; остроумный и проницательный человѣкъ въ Геометрическихъ доказательствахъ и въ наукахъ Математическихъ; свѣтской человѣкъ выше всѣхъ познаній считаетъ познаніе свѣтское; но мудрый и благочестивый мужъ познаніе Бога и собственной души своей, предпочитаетъ всѣмъ прочимъ наукамъ.

Душа непрестанно стремится къ тому или другому роду познанія, и ежели примѣчать къ какому, то легко узнать можно господствующую ея склонность и темпераментъ.

Сіе желаніе познанія удобно ведетъ насъ на пути ложныя, такъ какъ и другія природныя склонности, если ими худо управляютъ. Когда сіе желаніе стремится къ неистиннымъ предметамъ, или когда ему слѣпо слѣдуешь, то оно перераждается въ суетное и наказанія достойное любопытство. Несчастный сему примѣръ мы находимъ въ Священномъ Писаніи съ нашими Праотцами случившійся; плачевныя отъ того событія весьма видны на всѣхъ людяхъ.

Слѣдующее отдѣленіе содержитъ въ себѣ познаніе самаго себя. — Разсужденіе объ ономъ чѣмъ болѣе обращается въ мысляхъ моихъ, тѣмъ больше кажется мнѣ важнѣе и пространнѣе. Оно столько важно, что каждая отрасль сего разсужденія является необходимо нужною для

управленія души нашей и жизни; толь пространно, что чѣмъ внимательнѣе разсматриваемъ различныя онаго вѣтьви, тѣмъ больше ихъ находимъ толь же тѣсно съ оными соединенными, какъ и другіе; и въ семъ такое же видимъ содержаніе, какое простое зрѣніе вещей имѣетъ къ зрѣнію въ увеличительныя стеклы. Чѣмъ лучше стеклы, и чѣмъ прилѣжнѣе мы испытываемъ, тѣмъ болѣе чудесъ открываемъ, и тѣмъ удивленія достойнѣйшія открытія дѣлаемъ въ извѣстныхъ свойствахъ, частяхъ, или въ существенности оныхъ, никогда и помышленія нашего на себя не обращавшихъ; ибо если кто желаетъ достигнуть справедливаго о себѣ познанія, тотъ долженъ человѣческую мысль съ разными ея силами и дѣйствіями совершенно испытать и открыть всѣ ея потаенныя направленія и лабиринтовые ходы; въ противномъ случаѣ знакомство съ самимъ собою будетъ весьма пристрастно и недостаточно, а сверхъ того сердце наше будетъ еще насъ и обманывать. И такъ при исполненіи сего предложенія не меньше опасно и то, что съ ододной стороны не получишь никакого удовольствія, ежели о сей вещи легко судить будешь, а съ другой впадешь въ тонкое разсужденіе общей пользы и съ лишкомъ филосо-

фическое разсмотрѣніе; я буду имѣть въ глазахъ оба сіи пути и стараться итти по среднему.

Познай самаго себя.

Есть полезнѣйшее и важнѣйшее правило въ цѣломъ нравоученіи. Весьма то извѣстно, въ какомъ великомъ почтеніи у древнихъ было сіе правило, и коль высоко почитали они должность испытанія самаго себя, сколько для онаго было сіе необходимо.

Ѳалесъ, (а) одинъ изъ семи мудрецовъ, былъ почитаемъ первымъ изобрѣтателемъ сего правила. Онъ обыкновенно говаривалъ, что самая трудная для человѣка вещь въ свѣтѣ, есть узнать самаго себя. Потомъ было оно принято Хилономъ Лакедемонскимъ, и стало однимъ изъ тѣхъ трехъ правилъ, которыя по свидѣтельству Плиніеву, въ Дельфахъ были начертаны золотыми буквами. Въ послѣдствіи времени сему правилу весьма удивлялись; многіе часто употребляли его; (б) наконецъ почита-

---

(а) Онъ былъ знаменитѣе всѣхъ мудрецовъ, и славился около 3330 года міробытія; жилъ во времена Іосіи, Царя Іудейскаго.

(б) Отринь то, что тебя не составляетъ; да упражняется всякъ въ своемъ званіи.

лось оно Божескимъ изреченіемъ; ибо думали, что сначала дано было отъ Аполлона.

Сему общему мнѣнію Цицеронъ приписываетъ слѣдующее основаніе: оно содержитъ въ себѣ толь великій смыслъ и толь великую премудрость, что кажется не возможно припи-

---

Живи самъ съ собою, и старайся узнать коль тѣсно твое жилище. Пер. Сат. 4.

. . . Не ищи себя внѣ, Пер. Сат 1.

Совѣтуйся самъ съ собою, и скажи себѣ, кто ты. Ювен. Сат. 1

Толцы внутрь себя самаго. Гор. кн. I. сат. 3. Брань бо есть познаніе своихъ пороковъ. Циц. въ письмахъ къ Аттику кн. 2.

Не надобно думать что слова сіи (познай себя), сказаны единственно для уничтоженія гордости; но и то имѣютъ цѣлію, чтобъ мы познавали и свои добродѣтели. Циц. въ письм. къ Мар. Квин. брату своему. книг. III. пис. 6.

Всякому то наипаче знать прилично, что дѣйствительно къ сему принадлежитъ. Почему да познаетъ всякъ свой разумъ и да будетъ строгимъ судіею своихъ добродѣтелей и пороковъ. Циц. о должн. Кн. I.

Должно прежде вникнуть въ самую внутренность природы вещей и разсмотрѣть, чего она требуетъ; иначе познать самихъ себя мы не можемъ. Циц. о конц. кн. 5.

сать изобрѣтеніе онаго смертному. (в). И присвоеніе правила сего Аполлону было можетъ самою начальною того причиною, что оно было написано золотыми буквами надъ дверями Дельфійскаго Храма.

Трудно рѣшить, для чего сіе изящное правило въ Христіанствѣ не столь высоко почитается, какъ нѣкогда у язычниковъ.

Человѣческая природа и нынѣ та же, какою была прежде; сердце столь же обманчи-

---

(в) Ибо сія, (т. е. философія) при всемъ томъ, что научаетъ насъ и другихъ вещей познанію, научаетъ также и тому, что всего труднѣе, т. е. правилу, какъ познавать самихъ себя. Сіе правило толь важно и толь сильно, что оно не человѣку какому либо, но самому Дельфійскому Божеству было приписано. Циц. о закон. книг. I.

Какъ сіе правило казалось больше отъ Бога произшедшимъ, нежели отъ людей, то и приписано было Дельфійскому Аполлону, который повелѣваетъ намъ познавать самихъ себя. Циц. о конч. кн. 5. гл. 16.

Сію то силу имѣетъ правило Аполлоново, въ которомъ онъ совѣтуетъ всякому познать себя. И такъ познаніе сего (т. е. духа нашего) не есть заповѣдь остроумнѣйшаго какого либо духа, но точно Божеская, наипаче, когда познаніе самаго себя вмѣняется не иначе какъ въ познаніе Бога. Циц. Тускул. книг. 5.

во, и нужда бдѣть надъ нимъ, стараться узнавать его, примѣчать за нимъ такъ же велика. И мы не меньше язычниковъ увѣрены, что сіе правило Божественно. Нѣтъ, еще большее имѣемъ въ томъ увѣреніе, нежели они; язычники воображали, что оно сошло съ небесъ, а мы знаемъ вѣрно. Ибо оной святой Уставъ предложенъ намъ въ различномъ свѣтѣ, и разнымъ образомъ истолкованъ Духомъ Святымъ въ откровеніи, которое благоволилъ Богъ даровать намъ, яко наставникъ нашей должности и блаженства. Въ семъ откровеніи, какъ въ зеркалѣ, можемъ себя видѣть, познавать, что есть человѣкъ. (г)

Откровеніе научаетъ насъ познанію самихъ себя, проникаетъ въ сокровеннѣйшая сердечная, обличаетъ въ насъ всякое притворство, открываетъ внутреннѣйшее, испытываетъ душу и духъ наиподробнѣйшимъ образомъ, и есть строгій судія мыслей и намѣреній сердечныхъ. (д). Откровеніе показываетъ намъ, съ какою точностію и попеченіемъ должны мы испытывать и изслѣдывать духъ нашъ, смотрѣть за

(г) Іаков. гл. 1. ст. 23.

(д) Живо бо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра и проч. Ко. Евр. гл. 4. ст. 12.

собою, бдѣть за нашими поступками, дабы достигнуть до сего важнаго самихъ насъ познанія, къ которому весьма часто призываетъ откровеніе: испытывайте самихъ себя, — Себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте: или не знаете себе; (е) яко Іисусъ Христосъ въ васъ есть: (ж) Спаситель упрекаетъ учениковъ своихъ недостаткомъ въ познаніи самихъ себя тогда, когда они не знали какого они духа, у Луки гл. 9. ст. 55. Ежели кто, отъ незнанія самаго себя, вознепщуетъ о себѣ многое, будучи очень малъ (з), тотъ обма-

---

(е) Себе искушайте 2. къ Коринф. гл. 13 ст. 5. Каждый Христіанинъ долженъ самъ себя испытывать и можетъ знать самъ о себѣ, строго ли онъ поступаетъ въ своемъ испытаніи. Частыя увѣщанія Св. Писанія содержатъ обѣ сіи вещи, т. е. что къ познанію о самомъ себѣ достигнуть можно, и что объ ономъ стараться должно. Для чего бы Апостолъ поощрялъ къ изслѣдыванію и испытанію самаго себя, если бы по таковомъ испытаніи и изслѣдываніи не возможно было достигнуть познанія о самомъ себѣ.

(ж) 1. къ Коринф. гл. 11 ст. 26.

(з) Да и внутренно достойному думать о семъ не должно; ибо подобное самоуваженіе вовлечетъ въ сѣти обмана и сдѣлаетъ *недостойнымъ*. Безпристрастное понятіе самаго себя приноситъ непосредственное утѣшеніе.

нывается; но каждый да испытаетъ дѣла свои и тогда безъ гордости утѣшится самъ собою, а не другимъ кѣмъ. Слова Апостола Павла въ посланіи къ Гал. глав. 6. ст. 3 и 4. Аще бо кто мнитъ себѣ быти что, ничто же сый, умомъ мнитъ себѣ. Дѣло же свое да искушаетъ кійждо, и тогда въ себѣ точію хваленіе до имать, а не во иномъ. Здѣсь предполагается вмѣсто сужденія о другихъ, испытаніе самихъ себя, дабы не впасть въ непростительное буйство, въ которомъ мы другихъ за тѣ же самые пороки хулимъ, коимъ подвержены сами, къ Римл. гл. 2. ст. 21 и 22. Чему легко подпасть можетъ человѣкъ, непознающій самъ себя. Малая погрѣшность ближняго къ большему претыканію намъ служитъ, нежели собственное наше великое преступленіе; сіе буйство, то есть незнаніе самаго себя, и лицемѣрство обличаетъ съ приличною строгостію Спаситель у Матѳ. гл. 7. ст. 3. 5.

Коль важнымъ почиталось сіе правило въ ветхомъ законѣ, явствуетъ изъ слѣдующихъ изреченій: всяцѣмъ храненіемъ блюди сердце твое. Притч. Сол. гл. 4. ст. 23. Искуси мя Боже и увѣждь сердце мое, истяжи мя и разумѣй стези моя. Пс. 138. ст. 23. Искуси мя Господи, и испытай мя, разжги утробы моя и сердце мое, т. е. очисти сердце мое и чрево мое. Псал.

25. ст. 2. Да испытаемъ и разыщемъ существо наше. Плачь Іерем: гл. 3. ст. 40. Помыслите, помыслите народы ненаказанные. Соф. гл. 2. ст 1.

И все сіе весьма нужно для достиженія къ такому познанію самаго себя, которое есть единственное основаніе истиннаго спокойствія. (и).

Если бы люди были удостовѣрены болѣе въ важности и необходимости сего познанія самаго себя, и если бы имѣли къ нему надлежащее уваженіе; если бы знали они истинное средство достигнуть онаго; когда бы старались только съ усердіемъ и прилѣжностію ежедневно распространять его, и надлежащимъ образомъ чувствуя изящество сего познанія, представляли себѣ плачевныя слѣдствія невѣденія о самомъ себѣ: то весьма скоро примѣтили бы счастливую перемѣну въ нравахъ и мысляхъ человѣческихъ. Но коль горестная противоположность! Они не хотятъ мыслить, не хотятъ обращать прямо мыслей своихъ на тѣ вещи, кои болѣе всего то заслуживаютъ и требу-

---

(и) Климентъ Александрійскій говоритъ, что Моисей чрезъ употребительное въ писаніяхъ его изреченіе: вонми себѣ, внемли себѣ, Исходъ гл. 34. ст. 12. Второзакон. 4. 9. Означаетъ не иное что, какъ ту мысль, какую древніе подъ симъ познай себя, разумѣли.

ютъ ихъ вниманія. Чрезъ сіе неприличное человѣку нечувствіе, чрезъ сіе уклоненіе отъ размышленія о самомъ себѣ, попадаютъ они слѣпымъ и непримѣтнымъ образомъ на опаснѣйшую дорогу невѣрія и безбожія, какъ случилось нѣкогда съ Іудеями, коихъ ужасной неблагодарности и отпаденію самъ Богъ у Исаіи гл. 1. ст. 3. не находитъ причины иной, кромѣ сей: Израиль же мене не позна, и людіе мои не разумѣша. (i) Познаніе самаго себя есть такое съ самимъ собою знакомство, которое намъ показываетъ, что мы, что дѣлаемъ, чѣмъ быть и что дѣлать должны, если хотимъ здѣсь быть спокойны и полезны, и нѣкогда жить счастливо. Средствомъ къ сему верховному блаженству, есть испытаніе самаго себя; предметъ, или цѣль онаго есть господствованіе надъ самимъ собою, и наслажденіе самимъ же собою. Это состоитъ особливо въ познаніи нашей души, которое получишь, если старательно

(i) Люди ни о чѣмъ столько не безпечны, какъ о знаніи собственнаго своего характера, или свойства. Не понимаю, отъ чего сія наука въ такомъ пренебреженіи. Мы теряемъ большую часть жизни на изученіе безполезныхъ вещей, но о томъ со всѣмъ не заботимся, чтобъ узнать самихъ себя, и открыть сокровенная сердечная.

примѣчать станешь различныя ея силы, способности, страсти, ея склонности, дѣйствія, состояніе, счастіе и сложеніе, или темпераментъ ея; ибо душа человѣческая есть собственно человѣкъ. См. Матѳ. гл. 16. ст. 26. сравни съ Лук. гл. 11. ст. 25. (к). Тѣло есть только домъ, но душа владѣтель, въ немъ живущій; тѣло есть орудіе, душа художникъ онымъ управляющій. (л).

(к) Я не думаю, чтобъ Аполлонова заповѣдь, въ которой онъ напоминаетъ всякому познавать себя, предписывала намъ познаніе о членахъ нашихъ, или о ростѣ и видѣ: мы не тѣла, и я, который тебѣ сіе говоритъ, не тѣлу твоему говорю, ибо заповѣдующій говоря: познавай себя, разумѣетъ: познавай душу твою. Тѣло наше есть какъ бы нѣкоторой сосудъ, или вмѣстилище души нашей. Все, что ни дѣлаетъ душа твоя, дѣлаешь ты. Циц. запросовъ Тускулан.

(л) 2. Коринф. гл. 5. ст. 1. Земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы храмину нерукотворенну вѣчну на небесѣхъ.

Никогда не гордись окружающимъ тебя вмѣстилищемъ и сими обдѣланными орудіями; ибо они подобны стругу, и только тѣмъ разнятся, что срослись. Марк. Антон. гл. 1. х. §. 37.

Сія наука, объясненная въ слѣдующемъ отдѣленіи, заключаетъ въ себѣ три особливыя свойства, отличающія ее отъ всѣхъ другихъ и дающія ей надъ всѣми другими преимущество.

I. Всѣ равно могутъ хорошо ее постигнуть.

Къ достиженію посредственной степени познанія самаго себя не требуется сильной памяти, ни великихъ природныхъ дарованій, ни глубокаго и проницательнаго разума, такъ какъ требуютъ того прочія науки, въ коихъ цѣли своей большая часть людей достигнуть не можетъ. На пути къ предлагаемой нами науки не предстоитъ ни малѣйшей невозможности, происходящей отъ недостатка въ случаяхъ; надлежащія средства и наставленія ко пріобрѣтенію оной достаточны. Всякой, имѣющій обыкновенныя способности, имѣетъ способъ и случай достигнуть ея святилища, если только соберетъ бродящія мысли свои, обратитъ ихъ на самаго себя, возъимѣетъ рачительное примѣчаніе надъ сердечными движеніями, и захочетъ сравнить ихъ съ своимъ предписаніемъ.

II. Сія наука для всѣхъ равно нужна и для каждаго величайшей важности. (м).

(м) Лишь въ добродѣтели прямое есть блаженство,
И въ знаніи себя есть наше совершенство.
Попе. Опытъ о чел.

Пользы другихъ наукъ расположены по разнымъ обстоятельствамъ жизни: однѣ нужнѣе тому, другія другому; но сія равно необходима всякому, имѣющему безсмертную душу, ищущему и желающему своего благополучія.

III. Другія науки могутъ учинить человѣка тщеславнымъ; но сія содержитъ его всегда въ смиреніи.

Отъ недостатка въ семъ познаніи происходитъ, что люди гордятся тѣми познаніями, кои они имѣютъ. Науки дѣлаютъ гордыми, говоритъ С. Павелъ, къ Коринѳ. 1. гл. 8. ст. 1. низкая степень въ наукахъ часто производитъ сіе дѣйствіе въ слабыхъ душахъ. Причина же, для чего высшія степени въ наукахъ не такъ часто возраждаютъ подобныя дѣйствія, есть та, что они духовныя дальновидности столь много расширяютъ и увеличиваютъ, что вмѣстѣ съ собою приносятъ и нарочитую степень познанія самаго себя; ибо чѣмъ большее кто имѣетъ познаніе, тѣмъ больше усматриваетъ, сколь многаго еще недостаетъ у него къ познанію, и сіе то содержитъ его въ смиренномудріи.

Теперь, читатель мой, кто бы ты ни былъ, до твоего чина, состоянія, преимуществъ свѣтскихъ, какія бы они ни были, мнѣ дѣла нѣтъ! Ежели ты боишься смотрѣть въ сердце твое, и не имѣешь желанія къ познанію самаго себя,

то не читай далѣе, положи книгу сію; ибо въ ней ты не найдешь ничего ласкающаго твоему самолюбію; но можетъ быть то, что его унизитъ. Если же ты желаешь учиться сей важной наукѣ, и не хочешь долѣе быть въ безъизвѣстности о самомъ себѣ, то продолжай и смотри образъ твой отверстыми очами; можетъ быть онъ тебѣ покажется въ неожидаемой мерзости; не досадуй и слушай съ терпѣніемъ; между тѣмъ, съ Божіею помощію, я постараюсь предложить тебѣ о сердцѣ твоемъ въ слѣдующей главѣ, и искусно поведу тебя къ истинному самаго тебя познанію.

ГЛАВА II.

О различныхъ вѣтвяхъ познанія самаго себя. Намъ должно знать, какія мы творенія, и что будемъ.

Для яснѣйшаго и порядочнаго о семъ предложеніи понятія; я хочу поставить здѣсь на замѣчаніе разныя степени познанія самаго себя, или предложить нѣкоторыя главныя онаго части. Изъ чего легко усмотрѣть можно будетъ, что познаніе самаго себя есть гораздо пространнѣйшая и важнѣйшая наука, нежели какъ мы воображаемъ.

I. Знать самихъ себя, есть вѣдать, съ важностію размыслить, какія мы творенія, и что мы будемъ.

1. что мы?

Человѣкъ есть существо многосложное, (тройственный ипостасъ) или изъ трехъ различныхъ частей сложенное твореніе, какъ то: изъ тѣла, составляющаго земную или смертную часть его, изъ души, которая есть часть животная и чувствующая, и изъ духа или мысли, яко изъ разумной и безсмертной его части (н).

(н) Я думаю, что сіе ученіе не только по опытамъ, но и по важности своей есть неоспоримо. Оно почти всѣми древними Философами принято было, какъ то: Пиѳагорейцами, что можно видѣть изъ Ямвлиха; Платониками, какъ то явствуетъ изъ Немезія, Саллюстія, Лаерція; Стоиками, какъ то видно изъ Антонина, который говоритъ ясно: три вещи принадлежатъ къ человѣку: тѣло, душа и духъ; и если по онымъ сдѣлать расчисленіе свойствъ, то чувствіе будетъ принадлежать тѣлу, желаніе душѣ, а умъ духу. Тѣло, душа, духъ, тѣлесныя чувства, душевныя стремленія, законы разума. Ясно и то, что сіе мнѣніе есть большей части Церковныхъ Отцевъ. Но всего важнѣе то, что сіежъ самое утверждаетъ Св. Писаніе, которое говоря о первоначальномъ образованіи человѣка, упоминаетъ о трехъ различныхъ час-

Каждая изъ сихъ трехъ частей имѣетъ свою опредѣленную должность, и человѣкъ тогда по-

тяхъ существа его. Быт. гл. 2. ст. 7. Еврейское, Эферъ минъ гаадама, персть отъ земли, или тѣло: Еврейское, нефешъ хая, живая душа, или часть животная и чувствующая, и Еврейское, нишматъ хаиймъ, духъ, и дуновеніе жизни, т. е. духъ, или умная душа. Также и Св. Апостолъ Павелъ раздѣляетъ человѣка на духъ, душу и тѣло. 1. къ Солуняномъ гл. 5. ст. 23. И всесовершенъ вашъ духъ и душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа да сохранится.

Мое о семъ примѣчаніе состоитъ въ томъ, что сіе разсужденіе можетъ служить къ совершенному опроверженію предразсудковъ, коими нѣкоторые заражены относительно извѣстія, подаваемаго намъ Священнымъ Писаніемъ о таинственномъ образѣ существованія Божественнаго существа, коего всякій человѣкъ, (сотворенный по образу Божію) нѣкоторой родъ Символа въ трегубомъ раздѣленіи собственнаго своего существа въ себѣ имѣлъ. И когда человѣкъ каждую минуту чрезъ опыты истиннымъ сего не находитъ, то и ученіе Св. Писанія о Троицѣ можетъ ему показаться толь же сокровеннымъ и непостижимымъ.

Человѣкъ имѣетъ три части: духъ, душу и тѣло, и по сему онъ есть образъ Пресвятыя Троицы. Августинъ въ трактатѣ о Символѣ.

ступаетъ приличнымъ ему образомъ, когда употребляетъ каждую изъ нихъ по приличію къ отправленію собственнаго ея званія и содержитъ ихъ въ естественной подчиненности. Но не довольно знать о семъ, какъ о простомъ только умственномъ размышленіи, а должно, слѣдуя сей мысли, разсмотрѣніе объ оной простирать такъ далеко, что бы познаніе самихъ себя практически и при всякомъ случаѣ можно было содѣлать дѣйствующимъ.

Мы не всѣ тѣло, или просто животныя. Видимъ, что мы благороднѣйшаго существа, нежели бездушныя и неразумныя творенія. Можемъ не только двигаться и свободно дѣйствовать; но сверхъ того примѣчаемъ въ себѣ способность къ размышленію, къ изученію и разсужденію; видимъ въ себѣ также и различныя дѣйствія духовныя, о коихъ неразумные скоты никакихъ не имѣютъ въ себѣ знаковъ. И такъ души наши должны быть превосходнѣйшаго существа, нежели ихъ души; а изъ возможности размышленія, которою одарены наши, доказывается, что онѣ суть невещественныя бытія, слѣдовательно и по ихъ собственному существу удобны къ безсмертію.

А что души подлинно безсмертны, или что онѣ никогда не умрутъ, о томъ свидѣтельству-

етъ намъ Св. Писаніе болѣе, нежели сколько мы представить себѣ можемъ (о).

И такъ въ слѣдующей бесѣдѣ углубимся въ размышленіе о самихъ себѣ гораздо болѣе.

„Обрати взоры твои, о душа моя! на лѣта „протекшія; увидишь, что ты была ничто! —

(о) Поелику природа охотно переходитъ легчайшимъ образомъ отъ одной степени существъ къ другой, и поелику Nexus utrisque generis, или союзъ обоихъ родовъ различныхъ тваряхъ въ обоюдной природѣ является такъ, что весьма трудно опредѣлить точку окончанія нижняго царства и начало высшаго, или гдѣ точно кончилось на пр. царство растѣній, и начинается царство животныхъ, и симъ качествомъ своимъ, или свойствомъ соединяетъ неодушевленное царство растѣній съ царствомъ животныхъ, а сіе съ царствомъ умнымъ, то для чегожъ бы не принять душу животныхъ за союзъ вещественныхъ и невещественныхъ существенностей, или вещества и духа, или за среднее между сими обоими? Великое несходство существа обѣихъ сихъ субстанцій, т. е. матеріи и духа, сколько я усматриваю, не можетъ быть ни малѣйшимъ основательнымъ противорѣчіемъ въ разсужденіи сего положенія, ежели мы не выводя слѣдствія изъ нашего невѣденія о существѣ духа только то примѣчаемъ, коль близки они другъ со другомъ въ другихъ случаяхъ сходятся, и коль тѣсно соединены въ человѣкѣ.

„И какъ же отъ сего небытія ты воспряну-
„ла? — Сама себя произвесть не могла ты; сіе
„совершенно не возможно. — Совершенно из-
„вѣстно, что оное всемогущее, самостоятель-
„ное и безконечное Существо, сотворшее міръ,
„и тебя изъ ничего сотворило. Изъ небытія
„въ бытіе тебя призвало; даровало тебѣ сію
„возможность разсужденія и заключенія, нынѣ
„употребляемыя тобою къ испытанію цѣли и
„блаженства существа твоего. — Оно-то, ду-
„ша моя, сотворило тебя разумною и безсмерт-
„ною. Оно, яко въ темницу, заключило тебя
„въ сіе тѣло, въ которомъ способности твои
„находятъ препоны, стремленія твои портят-
„ся, и свобода твоя изчезла. — Оно поставви-
„ло тебя на свѣтъ сей, который, по всѣмъ
„обстоятельствамъ, долженъ назваться состоя-
„ніемъ краткаго наказанія и опытовъ. Но по-
„что оно поставило тебя на землѣ сей, имѣя
„возможность сотворить тебя свободнымъ,
„неограниченнымъ и благополучнымъ духомъ? ---
„Укроти однако мысли сіи. --- Онѣ весьма близ-
„ки къ гордому любопытству. Нужнѣйшее и
„важнѣйшее испытаніе есть то, къ какому кон-
„цу существо сіе тебя здѣсь опредѣлило? и че-
„го ожидаетъ отъ времени твоего здѣсь пре-
„быванія? --- Какое званіе препоручено тебѣ въ
„жизни сей, подобной ристалищу, на которое

„взираетъ и самъ Подвигоположникъ, и Ангели „и человѣки? Подвигъ, коимъ я долженъ здѣсь „заниматься, безъ сомнѣнія важенъ, ибо касает„ся вѣчности (п). И въ чемъ же иномъ состо„итъ оный, какъ не въ томъ, чтобъ я жилъ „сообразно званію умнаго и разумомъ одаренна„го существа, и чтобъ такъ поступалъ, какъ „прилично творенію къ безсмертію опредѣ„ленному.

„Скажи мнѣ, о душа моя! (ибо теперь я воз„намѣрился лучшее свести съ тобою знаком„ство; долго ты была мнѣ неизвѣстною; такъ „должно мнѣ испытать тебя и предложить те„бѣ нѣкоторые трудные вопросы,) скажи мнѣ „доколѣ твои желанія будутъ ограничиваться „чувственнымъ удовольствіемъ; чѣмъ ты разн„ствуешь отъ скотовъ умирающихъ? Ставъ не„вольницею плотоугодія, не посрамляешь ли „себя такимъ рабствомъ. Не становишься ли

(п) Сказываютъ, что одинъ изъ величайшихъ Латинскихъ стихотворцовъ вопрошенъ будучи, для чего онъ весьма старался о точности распоряженія своего стихотворенія, о правильности характеровъ, и чистотѣ въ слогѣ, отвѣтствовалъ: пишу для вѣчности. Когда такъ, то не къ большемуль бдѣнію, и предосторожности въ жизни сей обязываетъ насъ сіе: живу для вѣчности.

„на единую степень съ низшимъ родомъ су-
„ществъ, созданныхъ для услугъ твоихъ? Хо-
„чешь ли посрамить себя, и порицать дѣло
„рукъ Создателя твоего? Помысли о небесномъ
„произхожденіи твоемъ; помысли, что ты духъ.
„И такъ угнетай плотскія приманчивыя усла-
„жденія, и не отваживайся ничего такого дѣ-
„лать, что можетъ уменьшить природное твое
„величество, посрамить высокое произхожде-
„ніе, и обезчестить благородную твою приро-
„ду. — Но я долженъ еще подтвердить тоже.
„Помысли, говорю я, о душа моя! что ты без-
„смертный духъ. Умираетъ тѣло твое, но ты,
„ты вѣчно пребывать должна, и твое вѣчное
„пребываніе получитъ свойство свое отъ обра-
„за твоего поведенія, и отъ привычки полу-
„ченной тобою отъ здѣшняго сообщества тво-
„его съ плотію и кровію. Не дѣлай теперь ни-
„чего такого, на что по прошествіи миліо-
„новъ лѣтъ съ удовольствіемъ воззрѣть не мо-
„жешь. Ибо знай, душа моя, что ощущеніе
„бытія твоего, и размышленіе о способно-
„стяхъ твоихъ не оставятъ тебя вмѣстѣ съ
„тѣломъ твоимъ, но послѣдуютъ и за предѣлы
„смерти, и будутъ тебѣ средствомъ или не-

„изглаголаннаго веселія, или безсмертнаго му-
„ченія въ ономъ разлученномъ состояніи (р).

2. Для достиженія совершеннѣйшаго познанія себя самихъ, должно намъ стараться свѣдать не токмо то, что мы нынѣ, но и то, что будемъ.

О сколь отмѣнныя вскорѣ мы будемъ творенія отъ тѣхъ, каковы теперь существуемъ. И такъ вперимъ взоръ нашъ въ предъидущее, и станемъ чаще взирать на смерть, не можетъ ли она проникнуть мракъ онаго прехожденія и сокрыть за собою находящееся состояніе. Состояніе сіе сокрыто отъ очей нашего духа, и великій Богъ не благоволилъ уяснить его толь много, чтобы докучное и испытующее душевное желаніе могло быть удо-

(р) Поелику намѣреніе настоящаго разсужденія состоитъ не въ томъ, чтобы входить въ тонкое и философическое изслѣдованіе естества души человѣческой; но чтобы людей заставить примѣчать внутреннія дѣйствія и склонности оной: (что почти есть нужнѣйшая часть самопознанія) и для того желающіе получить точнѣйшее свѣденіе о ихъ природѣ и произхожденіи, и дальнѣйшее познаніе о различныхъ мнѣніяхъ древнихъ по сему предмету, могутъ читать Nemesius de Nat. hom. c. 1 и трактатъ, подъ названіемъ the governement of the Thougts Cap. 1. и Chambers ciclopaediam подъ словомъ soul.

вольствовано познаніемъ онаго. Но мы коль можно употребимъ себѣ въ пользу малый свѣтъ, вознесенный писаніемъ и здравымъ разсудкомъ надъ симъ темнымъ и важнымъ предметомъ.

„О душа моя! собери расточенныя мысли „твои и представь себѣ, что съ тобою то„гда будетъ, когда ты, яко чистый и безтѣ„лесный духъ, входить будешь въ тотъ міръ, „въ неизвѣстный тебѣ духовный міръ, удержи„вая при себѣ чувство бытія твоего; въ тотъ „міръ, въ которомъ никакой тѣлесный пред„метъ не коснется оку твоему; въ тотъ міръ, „въ которомъ любезный твой сотоварищь, тѣ„ло приближиться къ тебѣ не можетъ, но „въ которомъ однакоже и безъ него будешь „ты вкушать всѣ чистѣйшія удовольствія, „или претерпѣвать всѣ мучительнѣйшія стра„данія; когда ты сядешь въ ладію смертную, „темно будетъ преплытіе твое, и брегъ, на „который пренесена ею будешь, найдешь со „всѣмъ неизвѣстнымъ и страннымъ. — Еще не „является то, что мы будемъ.“ (c).

(c) Ты опредѣленъ къ разлукѣ, о духъ мой! еще мрачныя произшествія, и дальнѣйшія тайны ожидаютъ тебя. Коль ужасная перемѣна! коль непонятное изхожденіе! не вѣдаешь, гдѣ и какъ ты будешь. Оставишь ли земное жилище и смертный покровъ твой, не вѣдаешь темное гдѣ?

Откровеніе, въ коемъ благоугодно было Богу оказать людямъ волю Свою, было опредѣлено къ тому наиболѣе, чтобы содѣлать насъ способными къ будущему блаженству, и приготовить намъ пути къ оному, а не на тотъ

Тамъ временность превращается въ вѣчность. Тамъ исполненный ужаса и трепета, почувствуешь то, чего никогда не чувствовалъ. О какова судьба твоя, духъ мой! ужаснись и трепещи. Былиль въ сердцѣ твоемъ смертныя помышленія? Не чудно, ежели и самое дерзновеніе отъ блѣдныхъ содрагается трупов, и трепещетъ отъ смертныхъ сопутниковъ. Смерти предъидутъ скорби, за нею слѣдуетъ страшный мракъ. О вы, отшедшіе духи! скажите, скажите, что теперь чувствуете, и что мы нѣкогда должны чувствовать, когда время и міръ отбѣжитъ отъ глазъ нашихъ. Мы вами сохраняемся, сохраните насъ отъ приближенія къ смерти. Скажите же намъ, что есть смерть? Не страшитъ уже васъ неизвѣстность. Желаете ли вы видѣть остатки духовъ безъ жалости оною поглощенными. Когда всемощная рука проведетъ насъ чрезъ юдоль смертную, когда болѣзнь и старость похититъ жизнь? Когда духъ по трепетномъ сраженіи ко брегу приближится, откуда исполненный ужаса возведетъ очи свои въ вѣчность и посреди страха и надежды, волнуемый пресмыкающимся любопытствомъ, взираетъ въ сокровенное небо.

конецъ, чтобы оно изъяснило намъ особливую славу таковаго благоденствія, или ясно предложило, въ чѣмъ состоитъ оно. Сіе оставило оно (откровеніе) величайшею тайною, дабы весьма любопытному нашему изслѣдованію о свойствахъ оной славы положить предѣлы; и чтобъ тѣмъ горячѣе обратить къ тому наши мысли, въ чѣмъ болѣе для насъ нужды, то есть, къ приготовленію насъ къ толикому блаженству. Но въ чѣмъ состоитъ сіе пріуготовленіе, то намъ не можетъ быть неизвѣстнымъ, если только захотимъ имѣть довѣренность, или къ нашей Библіи, или здравому разсужденію. Ибо то и другое увѣряетъ насъ, что творящее насъ богоподобными, есть единое средство, дѣлающее насъ способными къ его общенію. — Остановимся здѣсь. Заключимъ величайшее наше въ томъ стараніе, чтобъ быти святыми, якоже и Онъ святъ есть. И тогда, тогда только можемъ быть увѣренными въ общеніи съ Тѣмъ, въ Его же свѣтѣ мы узримъ свѣтъ. И въ чѣмъ бы наше будущее блаженство ни состояло, но мы тамо будемъ блаженны, и гораздо счастливѣе, нежели какъ теперь вообразить себѣ можемъ; хотя и не знаемъ какимъ образомъ то совершится, ибо сего Богъ не открылъ намъ.

ГЛАВА III.

О различныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ мы находимся въ разсужденіи Бога, Христа Спасителя и намъ подобныхъ твореній.

II. Познаніе самаго себя требуетъ, чтобъ мы проникли въ различныя отношенія, въ каковыхъ находимся съ другими существами, такъ же и въ разныя обязанности изъ того произходящія.

и 1. Первое и главнѣйшее наше стараніе есть то, чтобы мы всегда имѣли предъ глазами то отношеніе, въ какомъ находимся съ Даровавшимъ намъ бытіе.

Мы творенія руку Его, и предметы Его попеченія. Сила Его содержитъ существо, которое произвела Его благость. Любовь Его доставляетъ намъ благополучіе житія сего, милость же Его печется о благоденствіи лучшей для насъ жизни. — Мы не просто Его творенія, но умныя, и одаренныя разумомъ. Не естьли то преимущество существа нашего, что мы способны познавать Сотворшаго насъ, и пребывать въ Его общеніи? — Мы какъ разумныя творенія Божія находимся особливо въ двоякомъ съ Нимъ отношеніи, коего частое напо-

миновеніе къ правильному познанію самаго себя необходимо нужно. Ибо Онъ, поелику Творецъ нашъ, то и Царь и Отецъ. И мы, поелику творенія Его, то и подданные царства Его, и дѣти въ дому Его.

1. Яко подданные Его царства, мы обязаны:

1) Законамъ царства Его чистосердечно повиноваться. — Преимущества же, одобряющія предъ нами законы сіи, болѣе нежели всякія человѣческія учрежденія, суть многочисленны: — они установлены для пользы каждаго, и всѣхъ вообще, и имѣютъ цѣлію споспѣшествованіе какъ настоящему, такъ и будущему нашему благополучію. — Они провозвѣщены чисто и ясно, не трудны къ уразумѣнію, и крупными, чоткими буквами въ сердцѣ каждаго написаны; ихъ премудрость, правота и необходимость вскорѣ усматривается. — Они впечатлѣваются сильнѣйшими причинами подвигнуть человѣческое сердце. — И естьли нѣкоторыя изъ оныхъ трудны, въ такомъ случаѣ подаетъ намъ дѣйствующая Благодать Божія руку свою, споспѣшествующую повиновенію нашему и укрѣпляющую насъ въ семъ послушаніи. Сіи-то суть преимущества законовъ Божіихъ предъ человѣческими, кои не имѣютъ въ себѣ толикихъ качествъ къ снисканію себѣ повиновенія.

2. Яко подданные Его долженствуемъ охот-

но оказывать наше повиновеніе, коимъ мы обязаны верьховной Его власти. Послушаніе сіе состоитъ не въ иномъ чѣмъ, какъ только въ покореніи сердечномъ, при которомъ смиренно признаемъ, что мы во всѣхъ случаяхъ рабы Его, всяческая отъ руку Его имѣющіе. Свѣтскіе Государи должны довольствоваться согласіемъ устъ нашихъ и наружнымъ признаніемъ владычества ихъ; ибо они, кромѣ касающагося до наружности, ничего повелѣть не могутъ: но Богъ, зрящій и вѣдущій сердца тварей Своихъ, ничего принимать не хочетъ, что не происходитъ отъ внутренности нашей. Онъ желаетъ отъ всей души нашей поклоненія, которое Ему и принадлежитъ по высочайшему праву для того, что Онъ сотворилъ душу, даровалъ ей способности познавать и покланяться Ему. — 3. Яко вѣрные рабы, мы должны Ему съ радостію платить дань, Имъ отъ насъ требуемую. Сія не равняется дани земныхъ Царей, по содержанію силы своей столько отъ подданныхъ своихъ зависящихъ, сколько сіи зависятъ отъ нихъ, въ разсужденіи покровительства имѣній своихъ: но дань, Богомъ отъ насъ требуемая, есть дань хвалы и почтенія, въ коихъ Онъ не имѣетъ нужды; ибо могущество Его независимо и честь непоколебима, и Онъ безконечно всемощенъ охранять честь

повсемственнаго владычества Своего. Но мы Ему должны естественнѣйшею данію, яко творенія Его, ибо хвалить Его, есть возвѣщать хвалу Его; прославлять Его ничто иное, какъ разширять славу Его; и почитать Его, есть дѣлать достойными почтенія Его самаго и пути Его въ глазахъ другихъ. И такъ какъ сіе есть естественнѣйшая плата, коею творенія должны Творцу своему: то сія есть и дань, коей отъ каждаго изъ нихъ, Онъ столько требуетъ, сколько оно, по собственному своему дарованію и силѣ, заплатить въ состояніи. — 4. Яко послушные рабы, должны мы съ удовольствіемъ и надеждою подвергнуть себя образу и чину Его правленія, какъ бы оно для насъ темно, сплетѣнно и трудно къ изъясненію ни казалось. Всѣ правительства имѣютъ свои Государственныя тайны, кои частные подданные проникнуть не могутъ; а по тому и не могутъ они надлежащимъ образомъ заключать о мудрости, или правости нѣкоторыхъ явныхъ учрежденій, ибо не знаютъ ни побудительныхъ причинъ, ниже намѣренія ихъ; такъ же и для того, что не извѣстна имъ годность средствъ, происходящая изъ особливаго положенія вещей въ настоящемъ теченіи. И коль все сіе справедливѣе въ разсужденіи правленія Божія міромъ, Его же премудрость

совершенно намъ непостижима, и *Его же путіе не суть, яко путіе наши!* а по сему какъ бы ни казались намъ вещи, но мы, яко послушные рабы, должны пребывать спокойными; должны положиться на премудрость и правосудіе Создателя нашего, съ такимъ притомъ увѣреніемъ, что Царь и Судія міра, справедливо поступитъ. — Впрочемъ 5) обязаны мы, яко добрые рабы царства Его, отдавать служителямъ Божіимъ должное почтеніе и повиновеніе, и особливо тогда, когда они оказываютъ Ему нерушимую вѣрность и чистую и непритворную ревность къ Его чести; когда они ищутъ не столько своей собственной пользы, сколько Господа ихъ. Слуги свѣтскихъ Государей дѣлаютъ сіе очень часто, и то было бы счастіемъ, если бы всѣ служители и посланники небеснаго Царя, пребыли совершенно чисты отъ сего обвиненія. — Нѣтъ ничего необыкновеннѣе, когда честь земнаго Монарха оскорбляется его Министрами. Поруганіе и хула, на нихъ непосредственно возводимыя, обращаются посредственнымъ образомъ на самаго Государя. Сіе таковымъ и признается. Равнымъ образомъ это есть ясный знакъ распутнаго и худомыслящаго о Богѣ и законѣ Его, если кто служителей Евангелія безъ различія дѣлаетъ предметами посмѣянія. Сіе можетъ назваться неприлич-

нымъ поступкомъ вѣрныхъ подданныхъ царства Его. — Наконецъ, яко добрые рабы, обязаны мы дѣлать всевозможное поспѣшествованіе благу царства Его, защищая премудрость правленія Его, приводя къ сему другихъ, хотябы притомъ являлись еще и большія темности и неудобства; избавляя оную отъ хулы щастливыхъ злодѣевъ, и отъ сомнѣнія и страха угнѣтенныхъ праведниковъ: сіе есть доказывать свойство вѣрнаго раба Царя небеснаго. И кто сію часть своего характера забываетъ, или противно ему поступаетъ, тотъ показываетъ великое о себѣ незнаніе.

2. *Но яко творенія Божія, мы не только его подданные царства Его*, но яко дѣти *въ дому Его*. И на сіе наше отношеніе и обязанности онаго должны мы взирать прилѣжно, если хотимъ достигнуть истиннаго самихъ себя познанія. — Чрезъ твореніе мы Его дѣти, и въ семъ разсужденіи Онъ подлинно Отецъ нашъ. *И нынѣ, Господи, Отецъ нашъ еси Ты, мы же бреніе: Ты Творецъ, мы дѣла руку Твоею вси.* И со всѣмъ въ особливомъ смыслѣ мы Его дѣти по избранію. *Вси бо вы сынове Божіи есте вѣрою во Христа Іисуса.*—Отсюда слѣдуетъ: 1) что мы имѣемъ великую обязанность любить Его, яко Отца нашего. Дѣтская къ родителямъ любовь основывается на благодарности за по-

лученныя благодѣянія, за кои никогда отплатить не возможно. Благодарность сія должна сообразоваться благодѣяніямъ. Какаяжъ обязанность естественнѣе, какъ любить нашихъ благодѣтелей? То какою жъ любовію и благодарностію должны мы Тому, отъ котораго получили величайшія благодѣянія, да и самое бытіе, и все то, что къ удовольствію онаго относится! — 2.) яко дѣти, должны мы почитать Его, то есть съ прославленіемъ объ Немъ и за Него говорить, и всего того со тщаніемъ убѣгать, что можетъ обезчестить святое имя и пути Его. *Сынъ славитъ Отца:—и аще Отецъ есмь Азъ, то гдѣжь слава Моя?* — (Малах. I. ст. 6). 3) Яко Отца нашего, мы должны просить Его обо всемъ нужномъ. Къ кому дѣти должны имѣть свое прибѣжище въ скорьби и печали, кого просить о избавленіи отъ опасности, какъ не отца! — И 4) мы должны столь много надѣяться на Его могущество, премудрость и на Отеческую любовь, что Онъ конечно призритъ, защититъ и все то сотворитъ, что для насъ есть наилучшее. А въ чѣмъ сіе состоитъ, то вѣдаетъ Онъ лучше нашего. Заботиться о будущемъ; быть не довольными и печалющимися объ отвращеніи будущаго зла, находясь подъ покровительствомъ и попеченіемъ небеснаго Отца, не есть посту-

пать прилично сынамъ. Земные отцы не могутъ отвратить всѣхъ немощей, коихъ они въ разсужденіи дѣтей опасаются, ибо ихъ проницаніе и силы ограничены; но Всемогущій и премудрый Отецъ нашъ сіе можетъ. У родителей не достаетъ можетъ быть любви и нѣжности; но у Небеснаго Отца въ семъ недостатка быть не можетъ. Іоан. 49. ст. 15. — 5) Яко дѣти, должны мы спокойно предаться судьбамъ Его, и никакъ не желать проникнуть въ премудрость всей воли Его. Не пристойно было бы и непослушливо отъ сына, если бы онъ всегда противился волѣ родительской, сомнѣвался о ихъ мудрости, или бы повелѣніямъ ихъ не слѣдовалъ для того только, что онъ не можетъ проникнуть въ ихъ намѣренія. Еще безумнѣе и непристойнѣе таковой поступокъ относительно къ Богу, ни кому о дѣлахъ своихъ отчета не дающему; *Его же* суды непостижимы, и пуніе неиспытанны. — Іов. 33. ст. 13. къ Тим. II. ст. 22. — Наконецъ, яко дѣти, должны мы съ терпѣніемъ подвергать себя Его наказанію и наученію. — Земные родители могутъ иногда съ сердцовъ тѣлесно наказывать дѣтей своихъ, или находя въ томъ свое удовольствіе; но Небесный Отецъ своихъ дѣтей наказуетъ для ихъ же пользы, (ко Евр. 22 ст. 10.) и только въ случаѣ ну-

жды, (I. Петр. Посл. Гл. 1. ст. 6.) и никогда столь много, сколько заслуживаетъ ихъ злоба. (I. Ездры Глав. 9. ст. 13.) И такъ пребудемъ въ смиреніи и повиновеніи къ Отеческому Его съ нами поступку. — Вотъ въ чѣмъ состоитъ дѣтское умствованіе! Таковую мысль мы имѣть должны и наблюдать таковое поведеніе въ разсужденіи Бога, когда желаемъ показать себя сынами Его.

Сіи-то суть сугубыя и преимущественныя отношенія, въ которыхъ мы, яко творенія, находимся къ Богу. Не поступать вышеизъясненнымъ образомъ, есть показывать, что мы объ оныхъ несвѣдущи, или что мы еще не довольно размыслили о нашихъ обязанностяхъ, коими должны Ему, яко рабы и яко дѣти, или что мы не научились еще познавать ни Бога, ни самихъ насъ. И такъ видимъ, какъ познаніе о себѣ самихъ ведетъ насъ прямо къ познанію Бога. Коль справедливо примѣчаніе покойнаго, смиреннаго и достопочтеннаго Богослова, что „*тотъ, кто себя не знаетъ, не знаетъ и Бога,* „*и слѣдовательно во всѣхъ* вещахъ невѣжда; и „потому какъ его мудрымъ и благополучнымъ „назвать можно? (1)

---

(1) См. Бакстерову дедикацію къ его трактату о преимуществахъ познанія самаго себя.

Но 2) *Въ познаніи себя самихъ*, есть еще важнѣйшее отношеніе, о которомъ мы часто разсуждать должны; и сіе есть то, *въ которомъ находимся со Іисусомъ Христомъ, Искупителемъ нашимъ.*

Въ первомъ находились мы со всѣми человѣками вообще; но сіе намъ только, яко Христіанамъ, свойственно, и открываетъ новое поле должностей и обязанностей, кои человѣкъ никогда забыть не можетъ, ежели постыднымъ образомъ не забудетъ прежде самаго себя. Яко Христіане, мы называемся учениками, послѣдователями и рабами Христовыми, Имъ искупленными.

И 1) яко ученики, мы должны быть отъ него научаемы; должны мысли наши въ принадлежащемъ до Религіи почерпать единственно изъ Евангелія, и никакъ не обращаться къ своемысленнымъ человѣческимъ заключеніямъ, кои столько же слабы и обманчивы, сколько мы сами. *Не называйте никого учителемъ* въ мірѣ. Ежели нѣкоторые отличными именами, такъ какъ прежде Коринѳяне, называться хотятъ, за что Апостолъ ихъ порицаетъ, говоря: *азъ есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ Кифинъ;* то должны памятовать, что мы ученики Христовы, и въ семъ токмо смыслѣ воспоминать о имени Его. Дѣйствительно для Него оскорбительно, если мы хо-

нимъ отличаться другимъ кѣмъ. Въ таковомъ именъ различіи и прилѣпленіяхъ, есть много плотскаго, какъ то извѣстно многимъ праведнымъ душамъ, о чемъ никто лучше не научаетъ насъ Св. Апостола Павла, коего, противъ воли его, хотѣли сдѣлать начальникомъ таковаго раздѣленія I. Коринф. 3. ст. 4. *Мы же Христовы*; наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ сіе высокое названіе чтить согласнымъ съ нимъ житіемъ, и непоколебимо прилѣпиться къ Евангелію Его, единственному правилу нашея вѣры, вождю нашея жизни и основанію надежды нашея. Сего ради должны мы претерпѣвать великое презрѣніе и худое о насъ заключеніе развратныхъ и суевѣрныхъ людей. — 2) *Мы*, яко Христіане, *послѣдователи Христовы*, и потому обязаны Ему подражать, и итти по изящному примѣру, намъ отъ него предложенному. Онъ оставилъ намъ образъ, чтобы слѣдовали по стопамъ Его, (I. Петр. 2. ст. 21) стараться, чтобъ и въ насъ было тоже святое успокоеніе, какое Онъ имѣлъ; и чтобъ мы показывали оное такимъ же образомъ, какъ и Онъ, и въ подобныхъ случаяхъ. Къ сему Онъ призываетъ насъ. Иначе никто иной быть Христіаниномъ не можетъ, развѣ когда бываетъ подражателемъ Христовымъ, и непрестанно старается о совершен-

номъ подобіи оному Высочайшему совершенному образцу всеобщаго совершенства, который въ Себѣ Онъ намъ представилъ. — 3) *Мы*, яко Христіане, *рабы Христовы*, и всѣ должности, коими рабы своимъ господамъ обязаны, должны въ высочайшей степени исполнять предъ Нимъ. Онъ желаетъ, чтобъ мы пребывали всегда вѣрны, въ служеніи Его, усердны и непрестаннобъ стремились къ споспѣшествованію Его чести и блага, къ чему, по сему отношенію, мы обязаны, и къ чему насъ безконечно обязываетъ незаслуженная нами, безпредѣльная Его милость и любовь. Наконецъ, сверхъ всего того, мы искупленные Его рабы; и по сему имѣемъ наипобудительную причину, Его любить и Ему во всемъ вѣрить.

Сіе требуетъ точнѣйшаго изслѣдованія; ибо человѣческая натура сіе представляетъ намъ съ другой стороны, на которую мы часто взирать должны, ежели хотимъ научиться познавать себя самихъ, т. е. яко погибшихъ, испорченныхъ и прежній образъ потерявшихъ твореній. Чувствуемъ, особливо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, внутреннее бореніе добраго существа со злымъ, (что въ Св. Писаніи называется духомъ и плотію) ясно въ самихъ насъ, что кажется не было неизвѣстно разумнѣй-

шимъ язычникамъ (1). Сіе есть, говорю я, ясное доказательство, что человѣческое естество, какимъ нибудь образомъ пришло въ злое или худое состояніе, (и какъ сіе случилось, о томъ пространно вразумляетъ насъ Св. Писаніе) и что оно больше уже не таково, каково съ начала вышло изъ рукъ Создателя. И такъ слова Св. Апостола Павла, имѣвшія особливо цѣлію своею Іудѣевъ, могутъ по справедливости быть обращены на нынѣшнее состояніе человѣческаго рода вообще. Ни одного нѣтъ праведнаго, — *Вси уклонишася, вкупѣ непотребни быша, нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единаго*. Къ Римл. Гл. 3. ст. 10. 12.

Оскорбительная мысль, но неложная истинна, и одна изъ первоначальныхъ истинъ въ той наукѣ, о которой мы разсуждаемъ! Весьма нужно намъ имѣть сіе предъ глазами, ежели мы хотимъ быть увѣрены о должности и обязанностяхъ, коими должны Христу, яко великому Искупителю. Яко ходатай, является Онъ къ утѣшенію и одобренію человѣковъ при таковомъ ихъ всеобщемъ поврежденіи.

Два плачевныя слѣдствія паденія человѣческаго суть: (къ Римл. Гл. 3. ст. 10. 12.) что

---

(1) Вредное, злое стремленіе намъ бываетъ природно. Сіе есть злый источникъ бѣдствія и грѣховъ.

съ самаго дѣтства нашего возстаютъ въ душѣ нашей развратныя склонности, кои вскорѣ становятся порочными обыкновеніями, ослабляютъ и уклоняютъ насъ отъ велѣній совѣсти и разума. Сіе называется общимъ словомъ: *господство грѣховное.* И 2) мы подвержены немилости Божіей и наказанію законовъ Его, что обыкновенно *проклятіемъ* грѣховнымъ именуется. Нынѣ же, въ разсужденіи обоихъ сихъ, Христосъ, яко *Агнецъ Божій, пришелъ отъяти грѣхи міра*, т. е. отъять у него дѣйствіемъ благодати, господствующую силу, а пролитіемъ за спасеніе наше крови своея проклинающую его власть; освятить насъ духомъ своимъ и оправдать смертію своею: первымъ усыновляетъ Онъ насъ Богу, а послѣднимъ примиряетъ Бога съ нами (1); и Онъ есть оправданіе и сила наша. Умеръ Онъ да обрѣтетъ блаженство наше, коего мы лишились; ниспосылаетъ Благо-

---

(1) Сими словами не то хочу я сказать, яко бы Богъ къ намъ не былъ милосердъ, и совершенно непримирителенъ до тѣхъ поръ, пока Онъ страданіемъ Сына Своего укрощенъ не былъ; ибо въ противномъ случаѣ какъ бы Онъ Христа, яко усыновленія нашего жертву, могъ опредѣлить на смерть, ежели бы смерть Христова не была яснымъ доказательствомъ, что Богъ съ нами дѣйствительно хотѣлъ примириться.

дать и Духа Своего, да сотворитъ насъ способными къ пріобрѣтенному блаженству. Толь совершенно есть спасеніе Его! толь истинно средство, имъ учрежденное и принаровленное къ болѣзни, нами на себя навлеченной! „О Ты! „прехвальный Спасителю бѣдныхъ и нещастныхъ твореній! сколь неизглаголанно велики „суть обязанности, коими я Тебѣ долженъ, но „горе мнѣ, толь мало познающему обязанности „сіи! Плачевный знакъ поврежденія, обрѣтаемый „мною въ естествѣ моемъ, есть подлая неблагодарность сердечная, дѣлающая меня толь „нечувствительнымъ къ Твоему помилованію, „достойному удивленія. Доколѣ я не познаю „Тебя, не могу узнать самъ себя; и когда разсуждаю самъ о себѣ, то какъ бы я желалъ „всегда о Тебѣ мыслить! о когда бы вседневное „увѣреніе о слабости и о должномъ наказаніи „моемъ могло меня и съ мыслями моими привести къ Тебѣ, и ежели бы каждая о Тебѣ „мысль воспаляла въ моемъ сердцѣ горячее къ „Тебѣ усердіе благодарности, о Божественный „сострадущій. О Человѣколюбче и Избавителю „нашъ!“

Кто по сему называется Христіаниномъ, то есть, кто говоритъ, что Евангеліе Христово признаетъ Онъ за Божественное откровеніе, и яко единое правило вѣры и пути своего; но

вмѣстѣ и человѣческимъ положеніямъ отдаетъ большее почтеніе, нежели ученію Христову. Кто теряетъ изъ виду своего примѣръ Христовъ, долженствующій оживлять Христіанскую жизнь его, не радитъ о своемъ служеніи чести и благѣ, и ласкается полученіемъ блаженства, не помышляя о заслугахъ и усыновленіи Христовомъ, тотъ забываетъ, что онъ Христіанинъ; тотъ не мыслитъ, въ какомъ онъ отношеніи къ Христу находится, (что составляетъ большую часть его характера) и слѣдовательно впадаетъ въ глубокій ровъ незнанія самаго себя.

3) Познаніе самаго себя требуетъ сверхъ того надлежащаго вниманія къ различнымъ отношеніямъ, въ каковыхъ мы находимся съ твореніями, намъ подобными, и къ должностямъ оттуда произтекающимъ.

Еслибъ мы сами себя знали, то помнили бы о снисхожденіи, благосклонности и любви, которою обязаны къ низшимъ насъ; не забывали бы о благопріятствѣ, дружбѣ, которую должны оказывать равнымъ себѣ; помышляли бы о приличномъ почтеніи, послушаніи и благорасположеніи къ нашимъ начальникамъ, и наконецъ о томъ чистосердечіи, честности и благонамѣреніи, кои вообще ко всѣмъ должны чувствовать и изъявлять самымъ дѣломъ.

Особливыя, при сихъ отношеніяхъ требуемыя должности, толь многочисленны, что ихъ описать здѣсь не возможно. Довольно если мы скажемъ, что неуважающій различныхъ отношеній жизни, въ коихъ онъ къ другимъ находится, и нестарающійся наблюдать благопристойность и воздавать всякому свое, что неминуемо сими отношеніями требуется, можетъ по справедливости обвиненъ быть незнаніемъ самаго себя.

И сіе само по себѣ толь ясно и всѣмъ извѣстно, что если о комъ говорится, что онъ безъ надлежащей пристойности ведетъ себя съ своими начальниками, тотъ не знаетъ самъ себя. Взаимнымъ образомъ, для чего съ таковою же справедливостію не сказать и о тѣхъ, кои худо обходятся съ подчиненными своими? Я очень знаю, что сіе изреченіе не столь часто въ послѣднемъ случаѣ употребляется; но не вижу, для чего и онъ не почитается обыкновеннымъ и яснымъ доказательствомъ незнанія самаго себя, такъ какъ предъидущее обстоятельство. Въ обоихъ случаяхъ я думаю, люди обыкли опускать сіе больше въ должностяхъ и въ отношеніяхъ низшихъ себя, нежели тѣхъ, кои выше ихъ, для того, что можетъ быть ихъ отъ того удерживаетъ стараніе угодить высшимъ себя, и могущія произ-

течь оттуда пріятныя слѣдствія, принуждая отдавать онымъ надлежащее и ожидаемое ими почтеніе. А какъ ничто сему подобное не воздерживаетъ ихъ отъ преступленія должности, которою они обязаны низшимъ себя, (и они неудовольствія ихъ не боятся) то при извѣстныхъ воспаленіяхъ и бываютъ способнѣе поступать съ ними неприличнымъ образомъ. Если кому благоразуміе и познаніе самаго себя, внушаетъ, (къ чему онъ особливое вниманіе имѣть долженъ) не разрушать свою должность, которую онъ большею частію забывать привыкъ, то ему должно такъ же и въ разсужденіи обязанностей своихъ къ низшимъ себя, кои преступить находится онъ по большей части въ опасности, быть столько же осторожнымъ и еще тѣмъ сильнѣе прилѣпиться къ симъ необходимымъ воззваніямъ закона и совѣсти; если же кто сего не дѣлаетъ, а попускаетъ себя воспаляться жаромъ неукротимой страсти, чрезмѣрной строгости, тиранства и насилія противу тѣхъ, коихъ Богъ и природа вручили его власти, тотъ конечно не знаетъ самъ себя, не знаетъ собственной своей особливой слабости, неискусенъ въ должности своего отношенія, тотъ мыслитъ о себѣ не иначе, какъ съ тою увѣренностію, что единственно хочетъ, но не имѣетъ истиннаго понятія о

управленіи самимъ собою; ибо не достаетъ у его сей науки; почему неспособный господствовать надъ самимъ собою, не будетъ никогда управлять другими.

И такъ, если мы хотимъ познавать самихъ себя, то должны взирать на себя, яко на творенія, яко на Христіанъ, и яко на человѣковъ; имѣть предъ глазами своими произтекающія изъ того должности къ Богу, ко Христу, и къ ближнимъ, и тѣмъ соблюсти благопристойность тѣхъ отношеній и исполнить обязанности оныхъ.

ГЛАВА IV.

Мы должны надлежащимъ образомъ сохранять степень и состояніе, на которое Провидѣніемъ поставлены, и уважать по приличію, къ украшенію онаго относящееся.

III. Человѣкъ, познавающій самъ себя, будетъ уважать и соблюдать тотъ чинъ и состояніе, въ которомъ угодно было Провидѣнію его поставить; такъ же будетъ видѣть, въ чѣмъ состоитъ званіе и благопристойность сего состоянія; увидитъ, какъ ему проходить должность свою, и какого свойства долженъ будетъ

придерживаться; усмотритъ, съ какою пристойностію и умѣніемъ проходитъ онъ званіе свое, или удерживаетъ свой характеръ.

Если кто приметъ на себя такой чинъ, или вступаетъ въ такую должность, которая ему не отвѣствуетъ, то сіе называется притворное состояніе. И отсюду происходитъ, что всякое принужденное состояніе дѣлаетъ весьма смѣшнымъ, и подвергаетъ человѣка всеобщему и должному пренебреженію; по тому что оно есть знакъ невѣдѣнія о самомъ себѣ. Отъ чего происходитъ, что многіе толь сильно желаютъ быть чѣмъ нибудь почитаемы, будучи однако ничѣмъ; и преимущества ищутъ въ такихъ вещахъ, въ коихъ никакого найти не могутъ. Отъ чего сія странность, если не отъ того что они пропускаютъ тѣ вещи, въ коихъ могли бы имѣть сіи преимущества? Отъ чего они противятся намѣренію природы *и предвидѣнію* как не отъ того, что хотятъ быть инымъ чѣмъ нежели къ чему назначены? Откуда говорю все сіе происходитъ, какъ не отъ того, что не знаютъ они ни себя самихъ, ни состоянія жизни, въ коемъ находятся, ниже званія собственнаго своего характера.

Весьма справедливо примѣчаніе, и прекрасно остроумное доказательство одного языческаго нравоучителя, если не ошибаюсь, то сей т

атель есть Императоръ Римскій Маркъ Антонинъ. Онъ говоритъ о томъ точно сими словами, въ концѣ сочиненія: — „Онъ называетъ человѣческую жизнь театромъ, а людей „дѣйствующими лицами, представляющими разныя роли, данныя имъ отъ господина, стоящаго за кулисами, и за каждымъ изъ нихъ примѣчающаго. Нѣкоторымъ досталась роль кратковременная, инымъ продолжительная; однимъ „низкая, а другимъ знатная. — Не тотъ сходитъ „съ мѣста зрѣлища провождаемъ рукоплесканіемъ, кто игралъ значительную роль, но тотъ, „кто игралъ лучше свою роль. И такъ долгъ „нашъ стараться, показанныя намъ роли играть хорошо; не отъ насъ то зависитъ, какую играть намъ ролю, не отъ насъ, но отъ „Бога.“ (1) Но никто не можетъ хорошо играть роли своей, если играетъ безъ примѣчанія, если не знаетъ, что при игрѣ прилично, и тѣмъ меньше, если хочетъ играть ту ролю, къ которой не опредѣлила его Природа. Недостатокъ въ познаніи о самомъ себѣ, служитъ всегдашнею причиною, что люди не сходно поступаютъ съ своимъ характеромъ, (свойствомъ):

(1) Житіе есть театръ; не въ томъ достоинство, чтобъ дѣйствовать долго, но чтобъ хорошо.—Не то хорошо, чтобъ жить, но то, чтобъ жить добродѣтельно.

Если ты находишься въ низкомъ состояніи то знай, что Провидѣніе зоветъ тебя къ прилѣжанію, спокойному житію, къ смиренію, терпѣнію, надеждѣ и къ смиренномудрому въ немъ увѣренію. Живучи такимъ образомъ, просіяешь ты въ низкомъ твоемъ состояніи и будешь не только любезнымъ предъ Богомъ и человѣками, но и безопаснымъ, довольнымъ, и сильнѣйшимъ надъ собою господиномъ, нежели тѣ, кои обрѣтаются въ возвышенномъ состояніи, гдѣ страхъ быть свергнутыми, во все тебѣ неизвѣстный, никогда ихъ не оставляетъ.

Если же Провидѣніе призвало тебя представлять лице знаменитое, въ которомъ ты можешь быть свѣту полезнѣе, тогда первое стараніе твое да будетъ поощрять твоимъ примѣромъ къ добродѣтели. Тогда процвѣтай преимущественно въ тѣхъ добродѣтеляхъ, кои наиболѣе украшаютъ состояніе твое, какъ то въ благосклонности, любви, благоразуміи, умѣренности, въ твердости и въ непорочной честности; вооружи душу твою неустрашимою бодростію къ низложенію всѣхъ препятствій, да совершишь тѣ намѣренія, коихъ видишь и возможность и надежду, и коихъ пользу для рода человѣческаго ощущаешь въ своемъ сердцѣ.

Познаніе самихъ насъ скажетъ намъ, какое званіе мы должны проходить въ жизни; а по-

тому сей же способъ научитъ насъ, кому и въ чѣмъ подражать намъ должно. Не слѣдуетъ примѣры поведенія брать съ тѣхъ, коимъ опредѣлены другія званія; развѣ въ томъ только, что вообще служитъ къ украшенію и подражанію. Ежели поступимъ противнымъ образомъ, то покажемъ принужденное наше состояніе и слабость, и сдѣлаемся презрительными, ибо поступимъ неприлично нашему характеру; что пристойно одному, то другому неприлично и смѣшно. Мы не должны слѣпо и тѣмъ послѣдовать, кои состоятъ съ нами въ одинаковомъ чинѣ, и одного съ нами характера, но соглашаться съ ними только въ тѣхъ предметахъ, кои сходны съ характеромъ; ибо не должно смотрѣть на лице, но на характеръ, и столько лицу подражать, сколько оно сходно дѣйствуетъ съ своимъ характеромъ.

Сія предосторожность относится наиболѣе до молодыхъ людей, имѣющихъ обычай слѣдовать слѣпо ихъ начальникамъ, а особливо тѣмъ, кои въ званіи ими носимомъ, имѣютъ нѣчто особливое; юноши, по недостатку въ прозорливости постигнуть пристойное, слѣдуютъ самимъ слабостямъ своихъ начальниковъ. Пристрастіе къ особѣ сихъ послѣднихъ, заставляетъ первыхъ почитать недостатки оныхъ совершенствомъ; отъ чего сіи послушники ста-

новятся вдвое смѣшными: первое по тому, что поступаютъ не сходно съ своимъ характеромъ; второе, что простосердечно и рабски подражаютъ начальникамъ въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ и сіи ужасно ошибаются. И такъ, чтобы съ пристойностію удерживать намъ свой характеръ, должно соображаться единственно съ законами собственной нашей осторожности.

Кратко сказать, какъ во всѣхъ вещахъ никто успѣть не можетъ, то должны мы взирать, какое званіе проходить намъ прилично въ томъ состояніи, въ которое поставило насъ Провидѣніе, и оставаться при ономъ, какого бы рода оно ни было, стараясь принести пользу.

ГЛАВА V.

Каждый человѣкъ долженъ собственныя свои дарованія и способности точно знать, умѣть употреблять, и возвышать ихъ наилучшимъ образомъ.

IV. Не можно сказать, что такой-то человѣкъ знаетъ себя, если онъ не вѣдаетъ точно своихъ дарованій и способностей; если не

знаетъ на какой конецъ ихъ получилъ, и какимъ образомъ наилучше возвысить ихъ и употребить къ тому намѣренію.

Благоразумный и самъ себя познающій человѣкъ, вмѣсто того, что бы стремиться къ тѣмъ дарованіямъ, коихъ онъ не имѣетъ, старается употребить на доброе тѣ, кои у него во власти; поелику Провидѣніе подаетъ ему къ тому случай, въ которомъ онъ полезнѣйшимъ быть можетъ.

Прежде Духъ Божій къ созиданію церкви служителямъ оной, раздѣлилъ разныя духовныя дарованія (см. къ Кор. 1. гл. 12 ст. 8. 10.) такъ и нынѣ угодно Богу награждать человѣковъ разными естественными дарами къ пользѣ общества. И каждый имѣетъ собственный свой даръ отъ Бога; *овъ убо сице, овъ же сице.* 1. Кор. гл. 7 ст. 7. По сему каждый долженъ искать дарованія Божія, въ немъ состоящаго, и не выпускать его. 1. Тим. гл. 4 ст. 14. 2. Тим. гл. 1. ст. 6. Ибо оно на то и дано ему, чтобы употреблялъ его, и не только за злоупотребленіе, но и за пренебреженіе онаго дастъ отвѣтъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ рѣшеніе о неполезномъ ономъ рабѣ, скрывшемъ въ платѣ свой мнасъ: см. у Лук. 19. ст. 20. 24. и о томъ, который скрылъ талантъ свой въ землю. См. у Мат. гл. 25 ст. 25. 30.

Человѣкъ считающій себя выше, нежели должно, или предпринимающій то, что мѣшаетъ ему произвесть и случай и способность, доказываетъ симъ образомъ великое о самомъ себѣ невѣденіе. Но благоразумный, прежде нежели что предпріиметъ: осторожно разсудить старается, довольно ли у него способностей къ произведенію въ дѣйствіе задуманнаго намѣренія, и послужитъ ли исполненіе онаго къ его чести, да не падетъ подъ бременемъ предпріятія своего и да не навлечетъ на себя справедливаго нареканія въ скоропостижности, тщеславіи и суемысліи. См. Лук. 14. ст. 28. 32. (1.)

Ни что столько не обыкновенно, какъ нѣкоторыхъ о себѣ мечтаніе, что превосходя другихъ въ одномъ, превзойдутъ и въ другомъ. Будучи не довольны достоинствами, отъ каждаго имъ приписуемыми, стремятся и къ тѣмъ,

---

(1) Положи мѣрило устамъ твоимъ, и примѣняйся къ нему, какъ въ величайшихъ, такъ и въ малѣйшихъ дѣлахъ. Ювен. сат. 11.

Долго размышляйте о томъ, что вы можете принять на себя и чего нѣтъ. Гор. объ искуствѣ стих.

При всякой вещи прежде разсуждайте, потомъ предпринимайте; тогда испытайте собственную вашу способность, и смотрите, удобны ли вы предпріять дѣло сіе.

кои имъ не принадлежатъ. Для чего риторъ хочетъ быть почитаемъ за стихотворца? Для чего славный богословъ хочетъ присвоять себѣ достоинство политика, и благоразумный мужъ старается быть остроумнымъ? Сія слабость, произтекая отъ невѣденія о самомъ себѣ, часто какъ нѣкая зараза, великимъ мужамъ пріобщается. Рѣдко природа соединяетъ всѣ дарованія въ одномъ человѣкѣ, но раздѣляетъ ихъ бережливою рукою. — (1) Иной извѣстную уже славу свою затмилъ сею слабостію. (2)

---

(1) Въ родѣ человѣческомъ не было еще примѣра, чтобы всѣ дары природы были соединены въ одномъ твореніи. Разнообразіемъ вся цѣпь содержится.

(2) Не всѣ, все могутъ. Виргилій.

Цецилій, славный учитель Грамматики, въ Сициліи жившій во время Августа, и написавшій трактатъ о *возвышенномъ*, (который хулится Лонгиномъ) былъ мужъ скоропостижнаго и отважнаго духа, преступающаго во всякихъ случаяхъ предѣлы посредственности; а особливо выше мѣры вознесся въ сравненіи Демосѳена съ Цицерономъ, на что Плутархъ сдѣлалъ разумное и чистосердечное примѣчаніе: еслибы всякому удобно и обычайно было познавать самаго себя, то рѣченіе *познай самаго себя*, вѣроятно считалось бы Божественнымъ.

ГЛАВА VI.

Мы должны вѣдать немощи наши, и то, въ чемъ отъ природы имѣемъ недостатокъ, знать такъ же, въ какихъ достоинствахъ предъ другими преимуществуемъ.

V. Для достиженія совершеннаго о самихъ себѣ познанія должны мы взирать не только на дарованія и способности наши, но такъ же и на погрѣшности и недостатки, дабы могли усматривать, въ чемъ наша слабость и въ чемъ сила. — Въ противномъ случаѣ мы подвергаемся, подобно Сампсону, безчисленнымъ искушеніямъ и безпокойствамъ.

Каждый имѣетъ свои недостатки, каждый благоразумный человѣкъ знаетъ оные, и конечно будетъ прилагать сугубое стараніе о исправленіи оныхъ.

Благоразуменъ тотъ, кто умѣетъ скрывать свои слабости; но сего прежде не льзя исполнить, пока ихъ не узнаешь, а узнать ихъ не можно, не достигнувъ высочайшей степени въ наукѣ познанія самаго себя.

Удивительно, какого труда нѣкоторымъ людямъ стоитъ обнажить себя предъ другими, оказать свои глупости, и предъявить цѣлому

свѣту такія вещи, коихъ постыдились бы они сами, если бы думали, что они одни только ихъ имѣютъ; но это такъ. Нѣкоторые и такихъ вещей стыдятся, кои служатъ имъ къ славѣ; а другіе напротивъ того и постыдныя дѣла свои похваляютъ. Смот. Филиппис. гл. 3. ст. 19.

Величайшая слабость человѣка состоитъ въ томъ, что обнаруживаетъ онъ собственныя свои слабости, и что пріятно ему, когда люди о нихъ знаютъ. Къ тому приводитъ суетность. Кто не знаетъ своихъ способностей, тотъ предпринимаетъ дѣла, превосходящія силы и прозорливость его, чѣмъ ко вреду своему онъ показываетъ свѣту двѣ вещи, о коихъ прежде никто не зналъ, то есть свои недостатки, и незнаніе о самомъ себѣ; ибо чрезъ то заключить можно, что онъ слѣпъ въ разсужденіи обоихъ сихъ предметовъ.

Ложно судятъ, (хотя и очень часто,) что имѣть порокъ во нравѣ не такъ стыдно, какъ имѣть его въ разумѣ. Ибо то не составляетъ человѣку дѣйствительнаго стыда, или порока, что не имѣетъ онъ великаго разума, только бы не предавался тщеславію почитать себя великимъ мужемъ; (что также было бы смѣшно, какъ и то, если бы человѣкъ малорослый и безсильный хотѣлъ представлять испо-

лина.) Разума сами себѣ дать мы не можемъ. Но недостатокъ въ нравѣ можетъ всякой исправить, толькобъ старался познать его, и надлежащимъ образомъ примѣтить. И по тому доброй славѣ нашей болѣе вредитъ господствующая надъ нами сердечная слабость, или неукрощенная какая либо страсть, нежели слабость разума или прозорливости. — Но болѣе всего относится къ стыду человѣческому то, что при обладаніи великимъ разумомъ, имѣетъ неукротимое сердце. Ибо силы разума и разсудка или смыслъ, подаютъ ему великую помощь къ обузданію страстей его. И ежели онъ, не смотря на то, имъ покаряется, то показываетъ, что или пренебрегая природный свой талантъ, или во зло его употребляя, охотно предаетъ себя тиранству лести и страстей своихъ, хотя природа и снабдила его силами, посредствомъ коихъ конечно онъ получилъ бы легчайшую побѣду.

Разумный человѣкъ имѣетъ свои слабости также какъ и глупый. Разность только въ томъ, что слабости умнаго ему очень извѣстны, и отъ свѣта сокрыты; слабости же другаго извѣстны свѣту, но отъ него сокрыты. Мудрый зритъ свои преступленія, но другіе ихъ видѣть не могутъ; глупый слѣпъ и не видитъ въ своемъ характерѣ недостатковъ, кои всѣмъ въ гла-

за мечутся. Изъ сего явствуетъ, что познаніе самаго себя дѣлаетъ главное различіе между умнымъ и глупымъ, ежели слово сіе примется въ нравственномъ смыслѣ.

ГЛАВА VII.

О ПОЗНАНІИ НАШИХЪ ГРѢХОВЪ, НЕДОСТАТКОВЪ ВЪ ТЕМПЕРАМЕНТѢ.

VI. Познаніе самаго себя показываетъ человѣку, какимъ въ особенности грѣхамъ онъ подверженъ, и открываетъ ему не только что смѣшно, но и то, что грѣшно въ его поведѣніи и бытіи. Наружныя дѣянія человѣка обыкновенно сказываютъ намъ самимъ яснымъ образомъ, каково внутреннее расположеніе его мыслей. И изъ извѣстныхъ грѣховъ житія его, можно узнать владычествующій порокъ его нрава. Если онъ подверженъ пьянству и гнусному сладострастію: то слѣдуетъ, что чувственность есть господствующій вкусъ его. Если покоренъ мщенію и жестокости: то гнѣвъ и злоба царствуютъ въ его сердцѣ. Ежели онъ наглъ, дерзокъ и смѣлъ: то видно, что честолюбіе есть тайная его пружина. Если коваренъ, льстивъ, и обращается въ плутовствѣ и обма-

нахъ: но можно заключить, что основаніемъ нраву его служитъ злобная лесть. И сіе тайное расположеніе мыслей заслуживаетъ наказаніе по мѣрѣ преступленія границъ разсудка и добродѣтели, происходящаго отъ внѣшнихъ оныхъ дѣяній.

Каждый человѣкъ имѣетъ нѣчто особливое въ своемъ нравѣ, столько же его означающее, сколько и особливое свойство тѣла его. Оба сіи признаки, т. е. свойственныя ему нравственныя и тѣлесныя качества, дѣлаютъ его не только къ одному роду грѣховъ склоннѣе, нежели къ другому, но производятъ и исполненіе иныхъ добродѣтелей удобнѣе, нежели другихъ (*).

(*) Люди, въ разсужденіи тѣлъ своихъ и тѣлесныхъ похотѣній, другъ другу нарочито подобны; но въ разсужденіи душъ своихъ, склонностей и желаній, часто такъ другъ отъ друга разнствуютъ, какъ будто они творенія со всѣмъ особаго рода; ими управляютъ толь различныя намѣренія, подкрѣпляютъ толь ихъ разныя удовольствія, оживляютъ толь различныя надежды, движутъ толь разныя причины, и различаютъ другъ отъ друга толь отмѣнныя нравы и склонности, какъ будто бы они не одного рода. И сіе простирается до такой степени, что какъ я почти думаю, между Ангеломъ и мудрымъ и лучшимъ человѣкомъ, или между діаволомъ и сквер-

И такъ тѣ грѣхи, къ коимъ люди имѣютъ сильнѣйшія склонности, и тѣ восхищенія, коимъ они наислабѣйшимъ образомъ могутъ противиться, не несправедливо называются грѣхами ихъ сложенія. Они такъ же именуются особливыми ихъ грѣхопаденіями; Священное Писаніе называетъ оные собственною ихъ злобою, Псал. 18. ст. 13. и такими грѣхами, кои къ нимъ всегда прикованы. Ев. 12. ст. 1.

„Равно какъ съ соками тѣлесными, изъ коихъ „одинъ имѣетъ перевѣсъ, случается тоже и

нѣйшимъ человѣкомъ не великая есть разность. Если вникнуть въ ихъ нравъ и склонность, то въ ихъ степеняхъ такая же разность, какая между одними людьми съ другими. Да и могули мыслить иначе, когда примѣчаю, какими легкими путями всегда слѣдуетъ Природа, какъ переходитъ отъ одного порядка, или чина существъ къ другому. И—когда разсужу о ужасномъ различіи, являющемся между видовъ человѣческаго рода почти во всѣхъ вещахъ, касающихся до душъ ихъ? Ибо есть люди, коихъ Натура, какъ нѣкто говоритъ, кажется, нарочно сотворила развращенными; они повреждены въ ихъ мыслепроизводствахъ, безумны въ заключеніяхъ, непорядочны въ дѣяніяхъ, и порочны въ распоряженіи движеніями своего нрава. Напротивъ въ другихъ находимъ все то любви достойнѣйшее и изящное, что человѣка при несовершенствѣ его смертности можетъ украсить и возвысить.

„съ пороками нрава; ибо и здѣсь одинъ имѣет
„большую власть, надъ нами господствуетъ, и
„владѣетъ нами. Сей главный порокъ въ согрѣ
„шающемъ тѣлѣ есть то, что сердце въ на
„шемъ естественномъ животѣ, или плотской
„системѣ, онъ первой начинаетъ жить, и уми
„раетъ послѣдній. Пока живетъ, даетъ всему
„согрѣшающему тѣлу и жизнь и бодрость; а
„когда умираетъ, то съ нимъ же умираетъ и
„грѣховное тѣло. Онъ тотъ грѣхъ, къ кото
„рому естественная наша склонность нас
„устремляетъ, къ которому обстоятельства
„нами руководствуютъ, и котораго привычка
„дѣлаетъ насъ рабами; грѣхъ, предъ которымъ
„не только наши добродѣтели, но и пороки
„наши вѣтрилы свои опускаютъ и смиряются,
„грѣхъ, который мы, если забудемъ Бога и
„совѣсть, всякими изобрѣтенными лукавствами
„и тонкостями извиняемъ и сокрываемъ. Но
„если съ чистымъ сердцемъ призовемъ Бога и
„припомнимъ совѣсть, то сперва грѣху проти
„вимся, а наконецъ побѣждаемъ. Однимъ сло
„вомъ, сей есть тотъ грѣхъ, который господ
„ствуетъ въ невозрожденномъ, и который ча
„сто мучитъ и возрожденныхъ. (О еслибъ сего
„мнѣ болѣе не говорить уже!) и нарушаетъ
„покой ихъ.“

Иные болѣе склонны къ грѣхамъ плотскимъ,

какъ то: къ чувственности, невоздержанію, нечистотѣ, лѣности и къ чрезвычайностямъ скотскихъ удовольствій. Другіе напротивъ того къ грѣхамъ духовнымъ: къ гордости, злобѣ, скупости, любочестію, гнѣву, мщенію, ненависти и проч. И я увѣренъ, что мало такихъ, кои, по точномъ изслѣдованіи самихъ себя, не нашли бы себя подверженными одному какому либо изъ сихъ грѣховъ болѣе, нежели всѣмъ вообще. Нѣкоторые чаще примѣчаютъ сіе въ другихъ, не видя того сами въ себѣ. Но если кто владычествующаго надъ собою грѣха не знаетъ, то пребываетъ въ великомъ о самомъ себѣ невѣденіи. Сіе означаетъ, что онъ цѣлую жизнь провелъ не входя самъ въ себя; ибо того не знаетъ, что до него принадлежитъ и о чемъ можетъ сказать ему всякой, побывшій съ нимъ хотя полчаса времени. Отсюда происходитъ та великая слабость, что попрекаютъ другихъ тѣмъ самимъ порокомъ, въ которой они можетъ быть погружены еще больше. Что Св. Апостолъ Павелъ хулитъ въ посланіи къ Римл. Гл. . ст. 1.

Правда, досадно и непріятно быть обвинителемъ собственныхъ дѣлъ своихъ, изыскивать собственные пороки, и обращать взоръ свой на то, чего не можно видѣть безъ стыда и огорченія. Сіе подобно тому, когда старую ра-

ну разбередишь; но лучше разстрогать рану, нежели допустить ее до гніенія. Раны въ совѣсти, такъ же какъ и въ тѣлѣ, худо изцѣливаются, если не испытаешь ихъ до основанія: а сего безъ боли дѣлать не можно. Человѣкъ, упражняющійся въ испытаніи самаго себя, не долженъ сердиться, ежели и худое о себѣ свѣдаетъ (*).

И такъ не закрывай очей своихъ отъ любимаго грѣха твоего, или трепещи открывать его. Для чего ищешь ты сокрыть, или извинить его, и оставляешь змѣю сію гнѣздиться въ груди твоей и лобызать сердце твое? — „Нѣкоторые дѣлаютъ съ своими грѣхами тоже, что „иныя женщины съ своими лицами. Когда уже „поблекла красота ихъ, то онѣ стараются со„крыть сіе отъ себя ложными зеркалами, а „отъ другихъ разными притираньями. Подобнымъ „образомъ многіе ищутъ утаить отъ себя грѣ-

(*) О прегорестное состояніе! когда посмотрю въ самаго себя, не могу себя терпѣть: когда не посмотрю, то не могу познать себя. Когда проникаю въ самаго себя, устрашаетъ меня собственный взоръ мой; когда не проникаю, тяготитъ меня собственное осужденіе. Когда взираю на себя, мерзость вижу нестерпимую; когда не взираю, то смерть не избѣжна.

Ангельмъ.

хи свои ложными толкованіями, а отъ другихъ извиненіями, или ложнымъ видомъ добродѣтели." Но сей есть величайшій обманъ какой только они себѣ сдѣлать могутъ. Прит. гл. 28. ст. 13. Кто скрываетъ грѣхи свои, тотъ не будетъ счастливъ. Самое опасное лакательство давать грѣхамъ хорошія имена, чтобы утаить чрезъ то существо ихъ. Положи лучше руку на сердце твое, и положи ее на пазуху себѣ, чтобъ она, когда вынешь, чиста была какъ снѣгъ, подобно Моисеевой (*).

Для узнанія грѣховъ, гнѣздящихся въ нѣдрахъ нашихъ, посмотримъ, какіе суть въ мірѣ тѣ предметы, или увеселенія, кои наиболѣе приносятъ намъ удовольствія. Сіе конечно проведетъ насъ прямымъ путемъ къ откровенію

---

*) Познаніе грѣховъ, есть первый шагъ къ исправленію: ибо невѣдущій о согрѣшеніи своемъ, не допуститъ обличать себя. И такъ вы должны сперва узнать себя, и потомъ можете себя исправить. Нѣкоторые пороками своими хвастаются, такъ если надежда, чтобъ имъ пришло на умъ исправляться тогда, когда они пороки свои ставятъ на мѣсто добродѣтели? И такъ порицай себя сколько можешь; испытывай себя сколь можно точнѣе. Прежде будь собственнымъ своимъ обвинителемъ, потомъ судіею, и наконецъ челобитчикомъ, и скрѣпя сердце, причиняй себѣ эту докуку. Сен. Пис. 28.

таящагося въ утробѣ нашей грѣха; и посмотримъ, какія суть должности, проповѣдуемыя намъ Божіимъ Словомъ, и отъ коихъ мы наиболѣе отвращаемся. Сіе конечно поможетъ намъ открыть обременяющіе насъ грѣхи, чего безъ изслѣдованія мы не примѣтимъ. И симъ способомъ можемъ успѣть въ знатной части познанія самихъ себя (*).

(*) Великое доказательство исправленія есть то, когда видишь пороки свои, кои прежде были не извѣстны. Сенек. въ писм. 6.

Господствующій въ человѣкѣ грѣхъ обыкновенно происходитъ отъ господствующей надъ нимъ страсти, надъ которой ему должно имѣть строгое смотрѣніе, и которой свойство и сила весьма прекрасно описана недавно умершимъ Англійскимъ стихотворцомъ Попе.

Читай Опытъ его о Человѣкѣ, Письмо 2.

Всѣ страсти прелестью своею привлекаютъ,
Которую онѣ вездѣ распространяютъ.
Но только не равны въ насъ впечатлѣнья ихъ,
Мы и въ предметахъ зримъ различность чувствъ своихъ:
Едина страсть себѣ другую покаряетъ.
Чему Мойсеевъ жезлъ примѣръ намъ здѣсь являетъ.
Какъ симъ другихъ волхвовъ зміи поглощены,
Такъ страсти главною бываютъ снѣдены.
Въ природѣ корень ихъ привычка напаяетъ,
А остроуміе ихъ нѣжитъ и питаетъ;

ГЛАВА VIII.

Познаніе о нашихъ опаснѣйшихъ искушеніяхъ къ познанію самаго себя необходимо нужно.

VII. Человѣкъ, знающій себя, знаетъ и то, что наиболѣе прельщаетъ его, и вѣдаетъ, когда и при какомъ обстоятельствѣ онъ можетъ предъ собою провиниться.

Читатель! если ты хочешь познать самъ себя, то долженъ употребить къ сему все свое изысканіе; а если никогда сего ты не дѣлалъ, то остановися, прочтя главу сію, и начни таковой подвигъ теперь же. Помысли, въ какой бесѣдѣ удобнѣе ты лишаешься власти и господства надъ собою; при какихъ случаяхъ склоненъ быть тщеславнѣйшимъ, и больше неосторожнымъ, больше горячимъ и скоропостижнѣйшимъ. Убѣгай сего общества, убѣгай слу-

---

Нашъ разумъ въ пламѣ ихъ сильнѣйшій жаръ творитъ.
Онъ крылья ихъ перитъ, верхи ихъ главъ остритъ.
И какъ лучь солнечный сквозь уксусъ проницаетъ,
Лютѣйшу остроту чрезъ то въ немъ умножаетъ.

чаевъ, ежели хочешь сохранить чистую совѣсть. Что наиболѣе похищаетъ время и спокойствіе твое? Если хочешь надлежащимъ образомъ первое употребить въ пользу, и сохранить второе, такъ о твоей потерѣ сожалѣть станешь, и случаевъ къ тому столько убѣгать будешь, какъ дороги, преисполненной разбойниковъ.

Особливо долженъ ты примѣчать случаи, обыкновенно тебя руководствующіе къ любимымъ твоимъ порокамъ. Берегись того источника, изъ котораго они произтекаютъ, и обстоятельствъ, имъ благопріятствующихъ. Неминуемо они происходятъ отъ твоего сложенія или темперамента, дѣлающаго тебя къ нимъ склоннымъ. И по сему таковой темпераментъ, или хотѣніе, должно быть охраняемо яко опаснѣйшій постъ съ великимъ бдѣніемъ. И случаевъ, и обстоятельствъ, благопріятствующихъ таковымъ твоимъ склонностямъ, долженъ ты сердечно остерегаться, яко сильнѣйшихъ твоихъ искушеній, остерегаться и убѣгать ихъ. Ибо средство къ низложенію грѣховной склонности, есть во первыхъ то, чтобъ убѣгать извѣстныхъ случаевъ, поджигающихъ оную, и второе, чтобъ укрощать первыя ея побужденія (*). И когда сія склонность не сы-

(*) Брегися зла началъ; ужъ поздно изцѣлиться,
Коль твердо корень въ насъ пороковъ укрѣпится.

щетъ случая, то вскорѣ потеряетъ силу свою, и не одержитъ обыкновенной своей побѣды.

Вѣрнѣйшее средство къ побѣжденію есть иногда удаленіе отъ сраженія; непріятель, бродя тщетно за тобою, ослабѣетъ. Не счастливѣе Фабій употребилъ военную сію хитрость противъ Аннибала; сколько удачно воспользуется ею Христіанинъ противу своихъ собственныхъ пороковъ, только бы соблюлъ прилѣжно всѣ свои преимущества. Опасно доходить до сраженія съ сильнѣйшимъ тебя непріятелемъ, или стать въ такое положеніе, изъ котораго безъ вреда выдти нѣтъ никакой надежды.

Въ разсужденіи познанія самаго себя, и господства надъ собою, весьма важно знать, всѣ изгибы и пути грѣховные, и примѣчать, гдѣ мы къ нимъ весьма часто приближаемся; а потомъ ввѣрять стражу *разсудку и совѣсти* надъ тѣми пронырствами, надъ тѣми обыкновенными ухищреніями пороковъ, отъ которыхъ, когда попадешь въ нихъ, не скоро освободишься.

„Осторожность всегда необходима, а особливо при первыхъ нападеніяхъ. Ибо тогда

При всякомъ случаѣ будь мужественъ, готовъ
Разсудкомъ заглушать прелестный гласъ грѣховъ.

„легче отбить непріятеля, если мы его нико-
„гда къ себѣ допускать не будемъ, а тотчасъ,
„какъ онъ приближится, устроимъ силы свои,
„какъ войска, и выдемъ съ нимъ сразиться внѣ
„стана. — Ясная очевидность, что и съ раз-
„ными искушеніями надобно поступать такъ
„же, и прилѣжно примѣчать, какимъ обра-
„зомъ и сколь близко они къ намъ прибли-
„жаются. — Первое мыслямъ представляюще-
„еся есть простое только помышленіе; сія
„бездѣлица возрастаетъ и становится живымъ
„представленіемъ; Сіе возвышается чувствен-
„нымъ удовольствіемъ; потомъ слѣдуютъ злыя
„вождѣленія; а когда сіи укоренятся, то ни-
„чего болѣе уже не достаетъ, кромѣ согласія
„воли, и дѣло сдѣлано.—Первые шаги къ оному
„по видимому не заслуживаютъ нашего внима-
„нія и для того на нихъ не смотрятъ такъ,
„что непріятель часто уже вблизи находится,
„да и прошелъ всѣ преграды, а мы еще объ немъ
„и слуху не имѣемъ.“ (*)

У людей есть особливые грѣхи, легчайшими способами ихъ прельщающіе: подобно сему у нихъ есть и особливыя искушенія, легчайшими способами ихъ побѣждающія. Одному можетъ быть то великимъ искушеніемъ, что для дру-

---

(*) Stanhope's Thomas à Kempis p. 22.

таго ничто; и если кто не знаетъ, какія предстоятъ ему искушенія, тотъ долженъ быть весьма несвѣдущъ въ упражненіи заниматься самимъ собою.

Коварный врагъ людей ищетъ постепенно свести ихъ ко грѣху: такъ вводитъ онъ ихъ мало по малу и въ искушеніи. Онъ даетъ какъ грѣху иной видъ: такъ и искушеніямъ, зная совершенно, что ежели хотя однажды опасность грѣховную увидишь, то будешь ее остерегаться. Когда мы хотимъ основательно познать самихъ себя, то должны не только вѣдать о нашихъ обыкновенныхъ искушеніяхъ, дабы непримѣтнымъ образомъ не впасть въ грѣхъ, но должны намъ свѣдомы быть и предшествовавшіе слѣды искушеній нашихъ и обстоятельства ихъ пріуготовившія; ибо на вещи, вводящія насъ въ искушеніе, такъ же взирать должно, какъ и на самыя искушенія, по тому что и онѣ непосредственно къ грѣху насъ приводятъ. Человѣкъ, знающій самъ себя, будетъ столько же остерегаться отдаленныхъ отъ него искушеній, сколько и близкихъ къ себѣ: на прим. онъ видитъ, что сообщество съ гнѣвливымъ, есть для него искушеніемъ, (какъ то признаетъ и Соломонъ въ притчахъ гл. 22. ст. 24. 25). По чему убѣгать будетъ не только сего сообщества, но и тѣхъ случаевъ, при коихъ ему можно

не быть съ симъ гнѣвливымъ человѣкомъ. Да и конецъ молитвы *Отче нашъ* обязываетъ человѣка быть осторожнымъ сколько противъ искушеній, столько и въ самыхъ искушеніяхъ. И никто не можетъ сердечно просить Бога, да не введетъ его во искушеніе, если самъ не воспріиметъ труда убѣгать онаго. (*)

ГЛАВА IX.

Познаніе самаго себя открываетъ тайныя предъубѣжденія сердца.

VIII. Въ познаніи самаго себя второе важно то, чтобъ знать собственныя свои предъубѣжденія, или тѣ предварительныя тайныя помышленія сердца своего, кои хотя глубоки и сокровенны такъ, что едва ли могутъ быть примѣтны, но со всѣмъ тѣмъ часто бываютъ толь сильны и толь великій перевѣсъ имѣ-

---

(*) Старинная пословица говоритъ: береженаго и Богъ бережетъ; на Бога надѣйся, а самъ не плошай; ибо Высочайшее Существо будучи само Премудрость и дѣятельность, любитъ и въ произведеніяхъ своихъ тѣ же качества. На тотъ конецъ мы здѣсь поставлены: *Снѣси хлѣбъ твой въ потѣ лица твоего.*

ютъ, что берутъ полную и непримѣтную власть надъ врагомъ нашимъ.

Я не знаю ни одного обстоятельства, при которомъ познаніе о самомъ себѣ являлось бы въ превосходнѣйшемъ сіяніи, какъ при семъ послѣднемъ. И какъ сей кругъ содержитъ въ себѣ существо предлагаемаго мною предмета, и есть тотъ, на который люди рѣдко обращаютъ вниманіе, соразмѣрное важности его, то съ позволенія твоего, читатель мой, я говорить о немъ буду нѣсколько подробнѣе. На сіи предъубѣжденія взирать можно въ разсужденіи нѣкоторыхъ мнѣній, въ разсужденіи особъ, и въ разсужденіи вещей.

I. Касательно нѣкоторыхъ мнѣній. Сіе извѣстное примѣчаніе очень хорошо выразилъ одинъ изъ славныхъ писателей такимъ образомъ:

Мы вступаемъ въ міръ съ такимъ малымъ началомъ познанія, возрастаемъ съ толикими впечатлѣніями суевѣрія и невѣжества; бесѣды, обыкновенія и пріятное удовольствіе и проч. толь великое имѣютъ надъ нами дѣйствіе, что не удивительно, если люди привыкаютъ къ единообразному размышленію, что сія привычка со временемъ укрѣпляется и утверждается; и такимъ образомъ сердца облекаются въ толь сильныя предразсужденія, чрезъ которыя лучь ис-

тинны, или свѣтъ разума, едва проникнуть мо жетъ.

Нѣтъ человѣка, который бы не былъ при лѣпленъ болѣе къ однимъ, нежели къ другим мнѣніямъ въ Философіи, Политикѣ, или Рели ліи, т. е. ежели онъ мыслилъ о сихъ наукахъ Должно испытать слѣдующій вопросъ: какъ мы доходимъ до сихъ заключеній? Отъ чего прилѣ пляемся къ симъ особливымъ мнѣніямъ? Надле жащимъ ли образомъ мы ихъ достигли, или на сильно получили отъ тѣхъ, кои воспользова лись нашимъ легкомысліемъ тогда, какъ мы ещ и разсуждать не были въ состояніи? Сіе весь ма вѣроятно; ибо впечатлѣнія, получаемыя нам въ нѣжной юности, возрастаютъ съ нами, и мы всего меньше печемся отъ нихъ освободиться. Н какъ бы ихъ ни получили, все должны испытывать ихъ на оселкѣ здраваго разсудка, правильнаго со браженія и яснаго Божественнаго писанія. Есл они не выдержатъ сего строжайшаго опыта, т надлежитъ оставить ихъ, яко не истинныя подложныя положенія, въ кои ввели насъ обман чивый видъ и сходство ихъ съ истинною.

И поелику разумъ и Священное Писаніе мо гутъ обнаружить предъубѣжденія наши, то они одни могутъ способствовать избавиться от ихъ ослѣпленія. По сей единственно нити, от ринувъ всѣ прочія правила, всѣ другіе виды свѣ

ша, мы обязаны учреждать всѣ наши мнѣнія о вещахъ, до закона касающихся.

Но судить о Священномъ Писаніи и о разумѣ по нашимъ понятіямъ, и симъ подвергать оныя, всегда остерегаться должно; въ противномъ случаѣ наше умствованіе послужитъ единственно къ укрѣпленію нашихъ предразсудковъ, и отнюдь не къ искорененію оныхъ. Ибо, что безъ помощи чрезмѣрныхъ метафоръ и риторическихъ ухватокъ, ясно доказано быть не можетъ, то уже должно быть намъ подозрительно.

Одинъ изъ церковныхъ учителей сказалъ: что не любитъ онъ плутовства въ Богословіи.

2. Человѣкъ обыкновенно или возстаетъ противъ однихъ, или другихъ одобряетъ; взираетъ съ предубѣжденіемъ на однѣ мнѣнія, а другихъ не пріемлетъ. И тоже предразсужденіе, которое заставляетъ его съ людьми поступать не по разсудку, велитъ ему опровергать и мнѣнія, не слѣдуя же разсудку.

На примѣръ: какая тому причина, что мы не можемъ себя принудить оказывать всѣмъ людямъ равную любовь, но къ иному чувствуемъ оную болѣе, а къ другому меньше. Причиною тому: сходство во вкусѣ и нравѣ; или въ поступкахъ сихъ людей нѣчто такое что ласкаетъ нашей суетности; или нѣчто трога-

ющее наше воображеніе; или ихъ обхожденi
разумъ нашъ исправляющее; или причиною т
что отъ природы есть люди плѣняющаго нр
ва; или благодѣянія полученныя, или впредь уп
ваемыя; или нѣкоторыя превосходныя, либо из
щныя сердечныя ихъ свойства, нами въ ни
познаваемыя; или ничто изъ сказанныхъ; и
неизвѣстной намъ самимъ причинѣ, однихъ м
любимъ больше, а другихъ меньше. Такія и
слѣдыванія покажутъ намъ, сообразно ли дост
инству мы любимъ и почитаемъ; или любовь
почтеніе наше происходитъ отъ нѣкотора
невольнаго дѣйствія инстинкта, слѣпаго пред
убѣжденія, а можетъ быть еще отъ чего н
будь худшаго.

Такимъ же образомъ мы должны поступат
и въ разсужденіи неблагосклонности нашей, ил
недоброжелательства, которое иногда къ к
му нибудь ощущаемъ. Если хотимъ познать с
михъ себя, то и сіе должны испытывать вы
шепоказаннымъ образомъ, и усматривать н
только мнимую, но истинную причину небл
госклонности или любви нашей, и видѣть спр
ведливость оной. —Видѣть, различествуетъ л
образъ мыслей другаго человѣка съ моимъ, от
личаются ль его поступки и разговоры от
моихъ словъ и дѣлъ, и слѣдовательно мнѣ н
нравятся? Или въ самомъ дѣлѣ я имъ обижен

либо поруганъ? Положивъ такимъ образомъ выдетъ, что мое къ нему недоброжелательство происходить будетъ изъ одной отъ сихъ причинъ, и болѣе отъ моего безумнаго къ нему предубѣжденія, нежели отъ его въ разсужденіи меня порока.

Ибо, что касается до образа его мыслей, словъ и дѣлъ, то можетъ быть они правильнѣе, нежели мои мысли, разговоры и поступки, и привычка одна виною, что я собственныя мои предпочитаю ему свойственнымъ. Да хотя бы его мысли, дѣла и слова не справедливы были, но можетъ быть онъ не имѣлъ равнаго со мною преимущества и средствъ къ изощренію своего разсудка, къ исправленію своего поведенія, слѣдовательно пороки его извинительны. А можетъ быть еще, что онъ украшенъ такими превосходными дарованіями, какихъ и я не имѣю (*). — „Онъ, скажешь ты, не только что невѣжа, и худыхъ нравовъ, но тщеславенъ до крайности, надменъ и кичливъ.“ — Пусть такъ, однако можетъ быть онъ въ томъ не виноватъ. Его природа тому виною. И по сему онъ болѣе достоинъ сожалѣнія, а не гнѣва. И ежелибъ я отъ природы

*) Коль ты ни прозорливъ, но свойства человѣка
Не можно вдругъ познать, коль рабъ сего ты вѣка.

былъ подобнаго ему нрава, то при возможномъ стараніи о исправленіи самаго себя не успѣлъ бы нисколько. А сверхъ того если не могу и избрать такого человѣка въ число своихъ пріятелей и собесѣдниковъ, то не долженъ оказывать ему недоброжелательства, но обязанъ о немъ, какъ о нещастномъ сожалѣть, за него молиться, и благодарить Бога, что я не подверженъ равному съ нимъ несчастію. — „Но онъ „не видитъ погрѣшностей своего сложенія, и „кажется, что и видѣть не хочетъ.“ — Такъ но тѣмъ болѣе онъ несчастливъ, и слѣдовательно тѣмъ большаго достоинъ сожалѣнія.

Что касается до другихъ причинъ недоброжелательства, какъ на прим. „Онъ частыя мнѣ „дѣлалъ обиды“ то сперва посмотримъ.

1. *Имѣлъ ли онъ подлинное намѣреніе обидѣть.* Не приписываешь ли злобѣ того, что единственно нраву приписывать должно? Часто находятъ тамъ дѣйствіе, гдѣ не было причины. Не почитаю ли я себя обиженнымъ прежде нежели меня еще хотѣли обидѣть. Въ такомъ случаѣ виноватъ я, а не онъ, и слѣдуетъ негодовать на себя, а не на него (*). — Впрочемъ

(*) Не допускай сердца твоего воспаляться бездѣльною обидою, ибо сіе означаетъ гордую душу и безуміе; доброе сердце и просвѣщенный разумъ

2. Не самъ ли я къ тому побудилъ его, зная его сложеніе? И такъ я же и въ этомъ виноватъ. Я зналъ, или могъ знать, врожденную его гордость, горячность его и развратность; для чего же огорчалъ его? Хотящій безъ всякой нужды раздражить льва, не долженъ уповать такъ легко отъ него отдѣлаться, какъ Герой Ламанхской. Но

3. Положимъ, что я не наступательно дѣйствую, однакожъ можно спросить, какъ я очутился съ нимъ имѣть дѣло? Кто меня ввелъ въ искушеніе? Онъ съ своей стороны поступилъ по своему сложенію; но я не соображался съ правилами здраваго разсудка, подавъ ему къ тому случай; я зналъ его, такъ для чегожъ я его не убѣгалъ, какъ такого звѣроподобнаго человѣка, который ищетъ вредить по природному своему стремленію! Если я стану дразнить рукою осу, она меня ужалитъ, какже мнѣ на то сердиться? Если же

4. Не могъ я убѣгать бесѣды его, *то для чего не остерегался?* Для чего подвергся таковой опасности не вооружившись? Или

5. Положимъ, что онъ меня и въ правду, и

должны быть вмѣстѣ. Смертный удобно заблуждается: будь великодушенъ, прощай какъ Богъ. Ему это пріятно, какъ родителю сходство съ нимъ его дитяти.

не за дѣло обидѣлъ, да и безъ всякаго моего предъ нимъ проступка, и не имѣя отъ меня ни малѣйшаго побужденія, то не умножаетъ ли сіе моей чувствительности! не огорчительно ли сіе болѣе мнѣ, нежели кому другому? Или столько ли огорчительно будетъ, когда уже минетъ сердце? — И наконецъ вообще, развѣ я прощать никого не долженъ? Какъ же мнѣ быть въ состояніи творить молитву *Отче нашъ*, и читать на оную толкованіе Спасителя у Еванг. Мат. Гл. 6. ст. 14. 15. съ непримиримыми устами и сердцемъ? Не надѣюсь ли я, что мнѣ отпустятся десять тысячь талантовъ; а я слугѣ своему не могу отпустить тритцати грошей? Не знаю, раскаялся ли онъ, и простилъ ли его Богъ, въ прощеніи коего я имѣю несравненно большую нужду, нежели самой злѣйшій мой непріятель имѣетъ надобность въ моемъ прощеніи (*). Та-

(*) Нѣкто меня презираетъ: что же? Еслибъ онъ еще болѣе узналъ меня, то можетъ быть еще болѣе презиралъ бы. Но я себя знаю лучше, нежели онъ знать можетъ, и для того самъ себя я болѣе презираю. Если бы впрочемъ презрѣніе его въ семъ случаѣ и не было основательно, то за то въ другомъ уже было бы весьма основательно. И для того я не только терпѣть оное долженъ, но и прощать. Должно презирать самое

овыя размышленія весьма полезны къ укроще-
ію предубѣжденій нашихъ о многихъ, и къ
пкрытію истиннаго ихъ источника, также и
ъ удержанію худыхъ отъ оныхъ послѣдствій.

Коль счастливъ былъ бы Христіанинъ, ес-
и бы памятовалъ и употребилъ въ свою поль-
у хотя половину тѣхъ прекрасныхъ изреченій,
ои говаривалъ всегда изящный языческій Им-
ераторъ и Философъ Маркъ Антонинъ. Нѣко-

презрѣніе, говоритъ Сенека. Но я съ нимъ не согласенъ, ибо за презрѣніе платить презрѣніемъ приличнѣе Стоику, нежели Христіанину.

Разумнымъ и остроумнымъ назвали отвѣтъ, данный нѣкоторымъ Философомъ другу его, совѣтовавшему отмстить за сдѣланную обиду. „Какъ, говорилъ онъ, ежели Оселъ меня ногою ударитъ, то не уже ли и мнѣ вездѣ за это бить его?“ Можетъ быть въ семъ отвѣтѣ болѣе остроты, нежели премудрости. Кажется, будто въ немъ дѣйствительно заключается нѣкоторое великодушіе, но не показываетъ ли такъ же гордости и высокомѣрія. Мы должны учиться у Всесвятаго нашего Іисуса Христа, который не токмо кротокъ, но и смиренъ. Намъ должно обиды прощать, а о слабостяхъ сожалѣть, но не нелюбить враговъ нашихъ, или презирать ихъ. Любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ.

торыя изъ нихъ я предложилъ въ примѣчаніях моихъ для пользы читателя (*).

(*) По утру не забудь сказать самъ себѣ: сегодн встрѣчусь я съ грубымъ, неблагодарнымъ сварливымъ, обманчивымъ, ненавистнымъ страннымъ человѣкомъ. Всѣ сіи дурныя ег свойства происходятъ отъ невѣденія различит худое съ добрымъ. И какъ я столько счастлив что усматриваю естественную красоту добра го дѣла и скверность худаго; и какъ человѣк меня оскорбляющій, мнѣ близкой родственникъ ибо хотя не отъ одной крови и не изъ одно фамиліи со мною рожденъ, но въ разсужденіі души единаго со мною, то есть Божескаго про изхожденія. И наконецъ; поелику я увѣренъ, что мнѣ никто дѣйствительнаго оскорбленія сдѣ лать не можетъ, по тому что никто прину дить меня не можетъ сдѣлать дурное дѣло, по симъ причинамъ не могу ли я себя побѣдить и его не ненавидѣть, или на него не злиться Марк. Ант. Разм. книг. 2. 8. 1.

Ты хочешь проститься со свѣтомъ, а еще не научился быть каждому другомъ, и не знаеш что одно есть средство быть мудрымъ, то есть, что надобно сдѣлаться сперва честным человѣкомъ. Кн. 4. 8. 37.

Желать невозможнаго, есть глупость. А вѣдь не возможно, чтобъ злые люди не дѣлали ху дыхъ дѣлъ. Кн. 5. §. 17.

Преимущество человѣческой природы пред скотскою, состоитъ въ томъ, чтобъ любить

3. Мысли наши очень часто предубѣждены бываютъ въ противность, или нѣкоторыхъ ве-

---

тѣхъ, кои насъ оскорбляютъ. Помысли 1) что обидящій тебѣ близко съ родни. 2) Что онъ для того такъ и поступаетъ, что лучше поступать не знаетъ. 3) Что можетъ быть у него и на мысли нѣтъ тебя обидѣть. 4) Что вы оба вскорѣ оставите міръ, а особливо 5) что тебѣ никакого стыда онъ не причиняетъ; ибо твой разумъ есть тотъ же, каковъ былъ и прежде. Кн. 7. §. 22.

Помни послѣдній часъ, и не отмщай другому за пороки, оставь это до того мѣста, гдѣ будутъ отдавать отчетъ за оные. Кн. 7. §. 29.

Воздавай худымъ людямъ не такъ, какъ они съ другими людьми обходятся. Гл. 7. §. 55.

Боги безсмертны: и такъ сколько тысячь лѣтъ сносятъ они беззаконія міра сего, но что еще больше, они премного о немъ пекутся: а ты не хочешь, составляя въ ономъ цѣломъ частицу, сойти съ театра; становишься нетерпѣливымъ, хотя и ты такъ же безсмертенъ. Кн. 7. §. 70.

Не огорчайся никогда, ибо досаждать тебѣ не престанутъ, хотя бы ты съ сердцовъ лопнулъ. Кн. 8. §. 4.

Исправляй того, кто охотно обижаетъ, если можешь: если жъ не можешь, то знай, что терпѣніе для того тебѣ и дано, чтобы сносить досады; что и Боги съ таковыми имѣютъ тер-

щей и дѣлъ, или ходатайствуютъ за оныя такъ, какъ и за нѣкоторыхъ людей и ихъ мнѣнія.

пѣніе и имъ даруютъ иногда здоровье, честь и благополучіе. Кн. 9. §. 11.

Если люди худо съ тобою обходятся, пренебрегаютъ тобою и тебя порочатъ, то посмотри въ ихъ малыя души, испытай ихъ внутренняя, и изслѣдуй разумъ ихъ: тогда увидишь, что тебѣ мысли и слова ихъ не могутъ причинить ни малѣйшаго безпокойства. Кн. 9. §. 27.

То для человѣка наилучшее, что пошлетъ ему Богъ, и то время лучшее, въ которое онъ посѣщаетъ насъ печалію. Кн. 10. §. 2.

Иногда трудно быть увѣрену, подлинно ли мы обижены, или нѣтъ; ибо дѣла людскія часто являются худшими, нежели они въ самомъ дѣлѣ: и прежде, нежели можемъ справедливо заключать, мы должны быть знающи о многихъ вещахъ. Кн. 11. §. 18.

Разсуди, сколь часто болѣе вредитъ тебѣ гнѣвъ и досада твоя, нежели самыя тѣ вещи, кои тебя раздражаютъ. Кн. 11. §. 18.

Ежели ты думаешь, что тотъ-то проступился, то скажи самому себѣ: по чему я знаю, что онъ проступился? Но положимъ, что онъ и согрѣшилъ, то совѣсть его уже угрызаетъ, и слѣдовательно онъ уже самъ собою наказанъ. Кн. 12. §. 16.

Къ сему я присовокупляю еще два мѣста изъ Священнаго Писанія, кои важнѣе всѣхъ приведенныхъ здѣсь разсужденій. Притч. XIX. ст.

Не находишь ли иногда, что съ нѣкоторыми мѣстами, временами и упражненіями соединены скучныя, непріятныя воображенія, причиняющія въ насъ тайное отъ оныхъ отвращеніе? Сіи происходятъ отъ напамятованія нѣкоторыхъ непріятныхъ случаевъ, прежде съ нами сбывшихся, и впредь въ подобныхъ же обстоятельствахъ встрѣтиться могущихъ, при всѣмъ нашемъ стараніи. Но часто они бываютъ не иное что, какъ только одно ложное представленіе воображенія, которое истреблять должно; ибо оно можетъ насъ до того довести, что мы забудемъ должность нашего званія.

Когда примѣтимъ за собою тайное отвращеніе отъ нѣкотораго исправленія должности, и когда сердце начинаетъ помышлять о извиненіи и о причинахъ къ оному, чтобы оправдать небреженіе, тогда размысли съ прилѣжаніемъ о вещи: сойди къ источнику таковаго нехотѣнія, и открой, что именно то, что въ

---

11. Милостивъ мужъ долготерпитъ. И ему похвалою служитъ не смотрѣть на проступки. Римл. XII. 10. 21. Аще убо алчетъ врагъ твой, ухлѣби его. Аще ли жаждетъ, напой его; сіе бо творя, угліе огненно собираешь на главу его. Не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое.

душѣ твоей причиняетъ отвращеніе, вещь ли самая или поступокъ твой, или нѣкоторыя опасныя обстоятельства, съ оными соединенныя, или непріятныя слѣдствія, кои можетъ быть изъ того произтечь могутъ, или находишь себя на тотъ разъ къ исполненію несклоннымъ. Ибо все сіе можетъ находиться единственно въ твоемъ воображеніи; а пропускать ради сего настоящую должность, есть дозволить собою править химерѣ, а не тому, что въ самомъ дѣлѣ въ насъ находится; воображенію, а не разуму, и болѣе склонности, а не совѣсти.

Собери всѣ обстоятельства, могущія устрашать тебя, и поставь ихъ на опаснѣйшую сторону, чтобъ заградить себѣ дорогу къ извѣстной должности, на пр. „Это трудно, къ „сему не достаетъ у меня способности; по „крайней мѣрѣ сего теперь не хочется; а сверхъ „того сіе соединено съ опасностію моей особы, чести, или спокойствія; и препятствія, „кои мнѣ встрѣчаются, весьма велики". Но несмотря на сіе спроси самъ у себя: ясно ли видишь ты званіе промысла? Сіе дѣло сущая ли есть твоя должность? Таково ли оно, что разумъ твой, и Священное Писаніе, твой чинъ, состояніе, или твои личныя обязательства требуютъ исполнить его? Ежели оно таково: то всѣ вышеупомянутыя причины или доводы

щетны и обманчивы. И тебѣ ничего болѣе не остается, какъ вооружась бодростію въ надеждѣ на Божію помощь, взяться за то дѣло съ усердіемъ и ревностію, наилучшимъ и благоразумнѣйшимъ образомъ; увидишь, что большая тягость состояла только въ искушеніи, что сіи страшныя явленія изчезнутъ подобно соннымъ видѣніямъ, ибо они были одни только выдумки воображенія, которое изъ мухи слона, и изъ агнца льва дѣлаетъ; одна лѣность, безуміе и нерадѣніе возбудили оную къ отвлеченію тебя отъ исполненія ясно предписанной твоей должности. Сердце хотѣло обмануть тебя, но ты увидѣлъ обманъ и не попалъ въ сѣти его. (*)

Впрочемъ положимъ, что дѣло уже совершилось. То какими глазами ты на него смотрѣть будешь? Увидишь, что хотя великаго труда оно тебѣ стоило, но не награжденъ ли ты преизобильно за оный внутреннимъ удовольствіемъ, внутреннимъ спокойствіемъ, происходящимъ отъ того, что поступилъ справедливо?—

(*) Мудрые и благоразумные мужи побѣждаютъ трудности; ибо скрѣпясь сердцемъ низлагаютъ ихъ. Лѣность и безуміе устрашаются при взорѣ на трудъ и опасность, ищутъ невозможности, коей они опасаются, говоритъ Рове.

На противъ того подумай, коль тяжело упреки собственной твоей совѣсти угнѣтать тебя будутъ, если ты свободнымъ образомъ пропустишь исполнить явную и необходимую твою должность; хотя сіе и большее безпокойство тебѣ сдѣлаетъ; сколько труды, кои могъ бы имѣть при исполненіи. И благоразумный человѣкъ будетъ дѣлать рѣшенія свои всегда по предмету вещи, или по такому о ней представленію, какъ бы уже она совершена была.

На противъ того, если чувствуешь сильное стремленіе къ особливому дѣлу, испытывай оное съ такимъ же безпристрастіемъ. Можетъ быть оно таково, что ни разумъ, ни совѣсть твоя оправдать его совершенно не могутъ. Всякая побудительная къ тому дѣлу причина живо представляется; напротивъ всякое уклоненіе является малымъ. Чувство и желаніе бываютъ тогда сильны и неукротимы и хотятъ взять верьхъ, а разсудокъ дѣлаетъ между тѣмъ тщетныя возраженія. — Но не отвращай слуха твоего отъ сего чистосердечнаго и дружелюбнаго совѣтника, когда онъ тихимъ и скромнымъ гласомъ преподаетъ тебѣ слѣдующіе правильные совѣты: „Выслушай отъ меня хотя „единое слово. Дѣло сіе дѣйствительно не при„лично твоему состоянію, и я никогда его не

„назову добрымъ. Удовольствіе, отъ него про-
„изойти имѣющее, большимъ тебѣ кажется,
„нежели есть въ самомъ дѣлѣ; ты самъ себя
„конечно обманешь. Теперь тебя обольщаетъ
„ложный видъ: и что ты самъ тогда думать
„будешь когда оно пройдетъ, если только пра-
„вильно о немъ размыслишь? Повѣрь только
„мнѣ, что будешь тогда желать взять луч-
„ше меня въ твои совѣтники, нежели враговъ
„моихъ, твои страсти и похотѣнія, толи-
„ко разъ тебя прельстившія, вѣдая самъ со-
„вершенно, что я тебя никогда не обманы-
„валъ.„ —

Таковые и симъ подобные, краткія на досу-
гѣ повторяемыя разсужденія о Натурѣ и слѣд-
ствіяхъ дѣлъ и поступковъ прежде, нежели
оныя нами приняты или отвергнуты, предо-
хранятъ насъ отъ многихъ неправильныхъ за-
ключеній и поступковъ, и мало по малу истре-
бятъ предразсужденія, воображеніемъ въ мысляхъ
нашихъ утвержденныя; научатъ дѣлать разли-
чіе между вещей и видами оныхъ, отнимать у
нихъ ложныя представленія, часто насъ прель-
щающія, полагать узду на пылкость воображенія,
и давать власть разсудку.

Прежде нежели я распространяюсь о семъ
предметѣ, долженъ еще замѣтить, что нѣко-
торыя сильнѣйшія наши предразсужденія про-

исходятъ отъ чрезмѣрнаго самолюбія, или отъ чрезвычайнаго благоизволенія къ собственному своему великому проницанію и разуму. *Филавтъ* при всякомъ случаѣ показываетъ, сколь онъ доволенъ собственною своею премудростію, которая въ немъ и производитъ то, что онъ не можетъ сносить никакого прекословія, и раздражаетъ его на всѣхъ, кои въ противность его мыслямъ осмѣливаются дѣлать о вещи заключеніе. Онъ лучше желаетъ остаться въ заблужденіи, нежели отстать отъ мыслей своихъ и заставить страдать его проницаніе; онъ не разочтетъ, что его чистосердечіе и разсудокъ теряютъ отъ такого упрямства гораздо больше. Совершенное на самаго себя надѣяніе ослѣпляетъ его въ разсужденіи тѣхъ несовершенствъ, которыя всякой кромѣ его, видѣть можетъ. Кто бы ты разумно, чистосердечно, дружелюбно, учтиво и пристойно о томъ ему ни представлялъ; но онъ все думаетъ, что сіе происходитъ отъ злаго твоего сердца, или невѣжества, и отнюдь не отъ собственнаго его недостатка, или порока.

Я помню, что Сенека разказываетъ примѣчанія достойный примѣръ, весьма хорошо объясняющій сію матерію. — Онъ пишетъ такъ къ другу своему Луцилію: „Жена моя удержи„ваетъ Гарпасту еще при себѣ, которая, какъ

„вы сами знаете, представляетъ въ семьѣ нѣ-
„котораго рода дуру, и для насъ есть не ма-
„лое отягощеніе. Я съ моей стороны ни ско-
„лько не нахожу удовольствія въ сихъ стран-
„ныхъ скотинахъ. Когда хочу забавляться ду-
„ракомъ, то мнѣ за нимъ ходить не далеко. Я
„могу смѣяться самъ надъ собою. Сія глупая
„дѣвка лишилась зрѣнія, (и что почти не вѣ-
„роятно покажется, однакожъ самая правда)
„не знаетъ про себя, что слѣпа; по всякую
„минуту проситъ свою маму, чтобъ она ее во-
„дила, и говоритъ, что домъ весьма теменъ. —
„Теперь примѣчаете ли вы то, что мы осмѣи-
„ваемъ въ сей бѣдной дѣвкѣ, случается со всѣ-
„ми нами. Никто про себя не знаетъ, что онъ
„скупъ, или ненасытенъ, съ тою только раз-
„ностію, что слѣпые ищутъ вожака, а мы
„охотно странствуемъ по странѣ заблужденія
„безъ путеводителя. Для чего же мы такъ се-
„бя обманываемъ? Болѣзнь водружается не внѣ
„насъ, но глубоко въ сердцѣ нашемъ. И тѣмъ
„труднѣе исцѣленіе, что не знаемъ больны ли
„мы.“ (*)

---

*) Senec. epist. 51.

ГЛАВА X.

О необходимости и средствѣ познанія сво его темперамента.

IX. Второй важный пунктъ познанія самаг себя, есть знаніе той господствующей стра сти, или нравственной склонности, котора обыкновенно то составляетъ, что мы назы ваемъ человѣческимъ сложеніемъ, или темпе раментомъ.

Различіе темпераментовъ кажется происхо дитъ въ особенности отъ различныхъ степе ней вліянія страстей на умъ нашъ. На прим когда страсти стремительны и скоро въ ком возбуждаются, тогда говоримъ мы, что тот человѣкъ горячаго сложенія; когда же въ ком возбуждаются онѣ лѣниво и не скоро, то на зываемъ такого человѣка, что онъ холоднаг сложенія. И если гнѣвъ, злоба, или честолюбі берутъ верьхъ, тогда называемъ его жесто кимъ, злобнымъ, или гордымъ. Дѣйствіе таких страстей, какъ то: любви, сожалѣнія и добро сердечія дѣлаетъ любезный, соболѣзнующій учтивый темпераментъ, и когда всѣ страст въ надлежащемъ находятся равновѣсіи, дѣлают тихій и пріятный перевѣсъ, тогда дѣйствіе сіе производитъ то, что мы называемъ добро

сердечнымъ человѣкомъ. И такъ перевѣсъ, или господство особливой страсти, составляетъ въ каждомъ человѣкѣ свойство темперамента, чрезъ которое онъ отличается и за которое бываетъ другими любимъ и почитаемъ, или пренебрегаемъ и оставляемъ.

А въ чемъ сей состоитъ темпераментъ, весьма скоро примѣтятъ тѣ, съ кѣмъ мы обходимся. Они скоро видятъ недостатки нашего сложенія и по немъ располагаютъ свои поступки. Если они благоразумны и благонравны, то будутъ остерегаться коснуться извѣстной имъ щекотливой стороны твоей, къ которой прикосновеніе дѣлаетъ въ ушахъ нашихъ непріятный звукъ. Когда жъ они недоброжелатели наши, то нарочно будутъ сіе дѣлать, чтобъ насъ довести до мученія. Мы должны иногда лучшимъ нашимъ друзьямъ дозволять тихонько касаться слабостямъ нашимъ пріятною шуткой, или чистосердечнымъ напоминаніемъ.

Тотъ знаетъ себя весьма мало, кто не вѣдаетъ господствующей своей страсти, или собственнаго своего нрава, который всѣмъ, кромѣ его, извѣстенъ. Но коль обыкновенно сіе невѣденіе о самомъ себѣ! Оба Апостолы Іаковъ и Іоаннъ впали въ порокъ сей тогда, когда они думали показать стремительное усердіе къ чести учителя своего; и для того онъ сказалъ

имъ: *или не вѣсте, коего духа есте вы.* Лук. Гл. 9. ст. 55. то есть: что въ нихъ тогда господствовалъ духъ гордости, мщенія и жестокости, а не стремленіе, происходящее отъ любви и чистосердечнаго усердія; господствовалъ, а они о томъ не вѣдали; что Апостолъ Іоаннъ, котораго нравъ являлся быть всегда любовію и дружественностію, подпалъ подъ сіе обвиненіе, служить можетъ примѣчанія достойнымъ примѣромъ, колико трудно человѣку узнавать всегда какого онъ духа; и что та страсть которая кажется меньше прочихъ владычествуетъ надъ его нравомъ, можетъ при нѣкоторыхъ случаяхъ нечувствительно получать господство наказанія достойное.

Необходимость имѣть совершенное познаніе о главныхъ нашихъ пристрастіяхъ явствуетъ изъ того, что они не только имѣютъ дѣйствіе на темпераментъ, но и на разсудокъ. Они почти тоже дѣйствіе являютъ на око ума или нрава нашего, каковое нѣкоторыя болѣзни на тѣлесное око. Если не ослѣпляютъ, то по крайней мѣрѣ приводятъ его въ слабость, представляютъ ему ложныя краски, и дѣлаютъ то, что оно несправедливо о вещахъ заключаетъ; и сказать кратко, они суть источники вышеписанныхъ предразсужденій, столь часто прельщающихъ человѣческій разумъ.

Самыя различныя страсти, владычествующія надъ мыслію; умомъ, откуда бы онѣ ни происходили, могутъ имѣть свое основаніе въ различномъ строеніи частей тѣла, или въ различномъ количествѣ, или движеніи жизненныхъ духовъ; и въ природномъ образѣ, или начертаніи, либо состояніи и расположеніи самой души; но то извѣстно, что различный образъ мыслей, учреждается яснымъ и сильнымъ образомъ по перевѣсу въ людяхъ различныхъ пристрастій, и особливо въ разсужденіи Религіи. Такъ на прим. мы видимъ, что Меланхолики придаютъ своей Религіи бытіе мрачное, и представляютъ ее въ непріятномъ и со всѣмъ для насъ въ невосхитительномъ видѣ, какъ будто бы она не имѣла иного существа, кромѣ темнаго и мрачнаго; напротивъ того находящіеся во владычествѣ веселыхъ и возбужденныхъ страстей, удобны перейти къ другой крайности, обыкли смѣшивать съ удовольствіями Религій, весьма чувственныя забавы, и бываютъ столь же легковѣрны, сколько другіе строги. И симъ образомъ бываютъ руководимы предразсужденіемъ, или стремленіемъ различныхъ своихъ страстей, или насиліемъ своего темперамента къ разнымъ заблужденіямъ.

„И такъ, если кто хочетъ познать самаго „себя, тотъ долженъ учиться познать свой-

„темпераментъ, натуральную склонность и лю-„бимыя свои пристрастія; ибо чрезъ сіи удоб-„но портится человѣческій разумъ и нравъ его „отягощается развратною склонностію. Сіи-то „суть пути къ предразсужденіямъ; они незаим-„ствованные входы къ нраву, чрезъ кои милio-„ны заблужденій, и тайные пороки прелазятъ „непримѣтнымъ и невидимымъ образомъ.“ (Зритель, часть 6. No 899.)

А чтобы тѣмъ удобнѣе могли мы достигнуть познанія господствующихъ надъ нами склонностей, то посмотримъ какія наружныя приключенія дѣлаютъ въ насъ сильнѣйшее впечатлѣніе, болѣе насъ трогаютъ, и въ какихъ обстоятельствахъ оное бываетъ? Что обыкновенно возбуждаетъ во нравѣ нашемъ большее огорченіе, или величайшее удовольствіе? —

Что касается до огорченія, то хотя Стоикъ и скажетъ намъ „чтобъ мы содержали ве-„щи отъ себя въ отдаленіи, чтобъ не допу-„скали во внутренность нашу ничего внѣшня-„го, и наружныя вещи оставляли бы наружны-„ми вещами;“ но человѣческая природа съ трудомъ выдержитъ строгость сей Философіи. Наружныя вещи все будутъ насъ трогать и дѣлать въ насъ впечатлѣнія: а при томъ сего не льзя еще почесть несчастіемъ, толькобъ онѣ не имѣли надъ нами власти, не покоряли бы

ашъ разсудокъ, и не приводили насъ въ заблу-
сденіе дѣлать то, что не прилично человѣку,
ли Христіанину. Польза, которую мы изъ дѣй-
твія наружныхъ вещей извлечь себѣ можемъ,
сть та, что способъ какимъ образомъ, или
тепень, въ которой онѣ намъ дѣлаютъ впе-
атлѣніе, можетъ довести насъ до лучшаго о
амихъ себѣ познанія, и открыть слабую нашу
ушу, и тѣ страсти, кои по большей части
ъ насъ владычествуютъ.

Забавы наши могутъ такъ же открыть глав-
ныя наши страсти, истинный темпераментъ
и расположеніе души нашей. Если она рабыня
чувственныхъ удовольствій: то сіе означаетъ,
что владычествующій вкусъ ея недостаточенъ
и попорченъ. Привержена ли она къ чувствен-
нымъ удовольствіямъ: вкусъ худъ и низокъ; если
душа увеселяется радостію, состоящею въ
воображеніи, въ преузорочныхъ картинахъ Фан-
тазіи, или забавляется Романическимъ: то знакъ,
что она склонна къ малостямъ. Если увесе-
ляется науками, или приращеніемъ силъ разума,
изъ того видно, что она благороднаго и очи-
щеннаго вкуса. — Если же главнѣйшія ея удо-
вольствія произтекаютъ отъ Религіи и благо-
честиваго созерцанія, тогда она имѣетъ истин-
ный и собственно ей свойственный вкусъ. Тем-
пераментъ таковой души есть точно таковъ,

каковъ долженъ быть, т. е. непороченъ, божественъ, небесный; а сіе въ такомъ случаѣ, когда оныя увеселенія происходятъ отъ мысли подлинно богобоязненной, свободной отъ суевѣрія, пустосвятства и мнимыхъ восторговъ, въ которые толь часто она (мысль) претворяется.

И когда рачительно примѣчаешь, что твоей душѣ причиняетъ великое оскорбленіе и мученіе, или великое удовольствіе и пріятность, тогда достигнешь до познанія главнѣйшей ея страсти, господствующаго ея темперамента и склонностей.

Затворися же, душа моя, въ сердце твое, если оно не далеко, но весьма глубоко; и ты найдешь въ немъ много для себя дѣла; ты никогда его не изслѣдуешь; его познать, никто не можетъ, кромѣ Испытующаго сердца и утробы. Углубися въ сію матерію колико можешь. Испытывай сама себя, и познаніе о происходящемъ въ тебѣ полезнѣе для тебя будетъ, нежели познаніе о бывающемъ на семъ свѣтѣ. Не заботься о войнахъ и распряхъ Государственныхъ и частныхъ людей. Учись паче познавать оную распрю, которая происходитъ у твоей плоти и духа, между закона въ твоихъ членахъ, и закона твоего разсудка. Укрощай распрю сію. Пріучай плоть твою

къ повиновенію. Возводи разумъ твой на прежній его престолъ, и придай ему въ совѣтника богобоязненность. Налагай узду на твои пристрастія и приводи ихъ въ послушаніе. Устроивай порядокъ въ маломъ твоемъ царствѣ, господствуй разумно и свято надъ многочисленнымъ народомъ, обитающемъ въ маломъ твоемъ Государствѣ, то есть: владѣй многочисленными склонностями, мнѣніями, мыслями и страстями, водворяющимися въ сердцѣ твоемъ. (*)

(*) Surien'.

ГЛАВА XI.

О тайныхъ побужденіяхъ нашихъ дѣяній.

X. Вторая важная часть познанія самаго себя состоитъ въ томъ, чтобъ знать истинныя причины и тайныя побужденія нашихъ дѣяній.

Достиженіе къ сему познанію иногда стоитъ намъ великаго труда. Но недостатокъ въ ономъ доводитъ насъ до опасности имѣть ложное заключеніе о нашихъ поступкахъ, и неправильное мнѣніе о нашемъ поведеніи.

Не только очень возможное, но и весьма обыкновенное дѣло, что люди не знаютъ главнѣйшихъ побужденій ихъ поступка, и что воображаютъ, будто поступаютъ по основательной причинѣ, когда ясно видно, что отнюдь оной не имѣютъ.

Ежели бы мы испытывали намѣренія и сердца наши, то нашли бы, что они въ такомъ случаѣ гораздо чаще насъ обманываютъ, нежели мы усматриваемъ; думая, что въ самомъ дѣлѣ побуждаемся честію воздаваемою Богу, и благомъ Религіи, которая въ глаза кидается, и которую обыкновенно выставляютъ; на противъ можетъ статься одни временныя преимущества и потаенная суетность, есть сокрытая и справедливая причина дѣяній нашихъ. Мы, думая приносить службу Богови, жертвуемъ можетъ быть мамонѣ. Мы хвастаемся, какъ Іиуй, усердіемъ нашимъ ко Господу, а въ самомъ дѣлѣ управляетъ нами горячность естественныхъ страстей нашихъ. (Книг. 4. царст. глав. 10. ст. 16.) Мы сокрываемъ порицаніе заслуживающій нравъ подъ одежду благочестія, и въ наставленіи другихъ показываемъ только свою непріязненность.

Многіе являются въ мѣстахъ публичнаго богослуженія по обыкновенію, или изъ любопытства, или изъ другихъ еще худшихъ побужде-

ній. Но подумаешь что они туда ходятъ изъ внутренняго богопочтенія. Наружное и выставляемое ихъ намѣреніе есть приносить службу Богу, и почерпать душевную пользу, а сокровенная и внутренняя причина къ тому ихъ побуждающая, есть показаніе предъ другими своего превосходства, или то, чтобъ не почли ихъ странными (*) и не подумали бы чего о ихъ отсутствіи. Щедрость и раздача милостыни, часто можетъ быть происходятъ отъ гордости, или отъ частнаго усердія, и по видимому дружескіе поступки имѣютъ основаніемъ своимъ корыстолюбіе.

Чрезъ таковое сокрытіе причинъ нами дѣйствующихъ, хотя и обманываемъ мы другихъ людей, но подвергаемъ тому же и самихъ себя, и тогда, какъ обольщаемъ другихъ, насъ обольщаютъ сердца наши. А между всѣми обманами, обманъ самаго себя есть наиопаснѣйщій, ибо мы себя менѣе всего опасаемся.

(*) Въ другихъ Европейскихъ Государствахъ и понынѣ странными почитаютъ тѣхъ, кои не ходятъ въ Церковь по праздникамъ. Но здѣсь напротивъ тотъ страненъ, кто ходитъ въ Церковь. Предпраздничные вечера посвящаются на прогулки, а утренніе часы праздниковъ—на поклоны, пріемъ посѣтителей и проч. .

Если же о семъ дѣлѣ прилѣжно не размыслимъ, то никогда не достигнемъ до глубины онаго. А когда не поспѣшимъ на испытаніе истинныхъ нашихъ побужденій, и дѣйствительныхъ и побудительныхъ причинъ дѣяній нашихъ, то никогда не будемъ въ состояніи дѣлать о нихъ справедливое заключеніе, и они будутъ казаться въ глазахъ нашихъ и въ глазахъ цѣлаго свѣта со всѣмъ нѣчто иное, нежели каковы суть предъ очами Божіими. Господь зритъ не такъ какъ человѣкъ: ибо человѣкъ видитъ то, что предъ глазами, Но Господь зритъ на сердца. (1. Самуил. гл. 16. ст. 7.) И отсюда происходитъ то: яко, еже есть въ человѣцѣхъ высоко, мерзость есть предъ Богомъ. Лук. гл. 16. ст. 15. Всякъ мужъ является себѣ праведенъ, управляетъ же сердца Господь. Притч. гл. 21. ст. 2.

ГЛАВА XII.

Всякой себя знающій, очень вѣдаетъ, коль сильно въ немъ господствуетъ желаніе похвалы.

XI. Вторый необходимый пунктъ точнаго познанія о собственномъ своемъ сердцѣ, есть ста-

раться познать каково-то желаніе о его славѣ, и какими средствами онъ сіе желаніе удовольствовать ищетъ.

Поелику страсть сія имѣетъ всегда великую силу и часто вліяніе на важнѣйшія обстоятельства нашего поведенія даже и тогда, когда наименѣе о томъ думаешь; то совершенное познаніе объ оной есть важнѣйшая часть самопознанія, и слѣдовательно требуетъ особливаго вниманія.

Желаніе предъ другими преимуществовать показывается, такъ какъ и другія въ человѣкѣ страсти, у нѣкоторыхъ яснѣе, и дѣйствуетъ въ нихъ сильнѣе, нежели въ прочихъ. Оно само по себѣ безвредно; и по премудрымъ причинамъ вложено въ природу человѣческую, и удобно, ежели содержится въ надлежащемъ порядкѣ, къ споспѣшествованію превосходнымъ намѣреніямъ; въ противномъ случаѣ перераждается въ презрительное и наказанія достойное *любочестіе*.

Если кто находитъ въ себѣ то, что побуждаетъ его имѣть предъ другими преимущество въ дѣлахъ благородныхъ, или въ истинно-добрыхъ и добродѣтельныхъ поступкахъ, и если онъ ищетъ слѣдовать побужденію сему съ постояннымъ и нелицемѣрнымъ усердіемъ, не имѣя при томъ другихъ побочныхъ намѣреній, или

лжи; то сіе есть вѣрнымъ знакомъ благорожденнаго духа; ибо таковой славожаждущій не можетъ быть никогда виноватымъ, по тому что оный духъ одобряетъ и дѣлаетъ человѣка способнымъ къ содѣланію большаго добра, нежели бы безъ него сдѣлалъ. И можетъ быть не бывало никогда такого добраго Генія, или великаго возвысившагося надъ прочими обыкновенными людьми, и въ изящныхъ дѣлахъ своими благородными поступками предъ другими отличившагося, который бы не былъ тайно и можетъ быть непримѣтно порываемъ сею страстію. На противъ того, если чьи намѣренія ограничиваются единственно похвалою другихъ, заслуженною ли или нѣтъ; если онъ печется о благоволеніи народномъ и о славѣ, не взирая на образъ стремленія своего; если желаніе его о славѣ побуждаетъ его болѣе предпринимать на себя, нежели онъ понести въ состояніи, и вдаваться въ такія вещи, кои выше силъ его; если онъ долженъ прибѣгнуть къ подлымъ средствамъ и постыднымъ мѣрамъ для снисканія себѣ добраго имени; и если добивается непозволеннымъ и худымъ образомъ до маловажныхъ почестей, ни мало не заботясь, отъ кого ихъ получаетъ, тогда любочестіе его перераждается въ суетность. Если кто любочестіе свое употребляетъ къ безбожнымъ предпріятіямъ, и

почтеніе разумныхъ и честныхъ людей свободно приноситъ въ жертву угожденію народному, тотъ переходитъ границы благопристойности и истинны, нарушаетъ обязательства чести и добродѣтели; тогда сіе любочестіе его не только суета, но и порокъ, порокъ вредоноснѣйшій спокойствію и благополучію человѣческаго общества, и который паче всѣхъ другихъ причинилъ раззореніе и погибель въ людяхъ. Но не если сіе доказательствомъ, что общее воображеніе различествуетъ отъ истинны? что порокъ, навлекающій толикое неустройство и зло, несправедливо почитается добродѣтелію; что тѣ, кои навлекли на себя величайшій стыдъ, вѣнчаются отъ тѣхъ лаврами, коихъ они сдѣлали несчастными; и что сіи вѣнцы чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ увѣковѣчились общею людей похвалою. Мнѣніе Сенекино о Александрѣ, конечно сходнѣе съ истинною, нежели общее о немъ заключеніе; онъ называлъ его явнымъ смертоубійцею вмѣсто того, „чтобъ долженствовалъ называть его „героемъ; и что Александръ, желая быть ужа„сомъ человѣческаго рода, пріобрѣталъ равную „похвалу съ тѣми вредоносными и злѣйшими ско„тами, кои на театрахъ сражались.“ Смотри Senec. de benef. c. 13. Коль различно отъ сего Плутархово заключеніе, который въ словѣ своемъ о судьбѣ и добродѣтели Александровой

возвышаетъ его до степени геройской; и все опустошеніе, причиненное имъ народамъ, оправдываетъ подъ тѣмъ предлогомъ, (подобно какъ Испанцы безчеловѣчныя свои жестокости противу бѣдныхъ Индѣйцовъ), что будто онъ хотѣлъ очистить ихъ нравы отъ грубости. Онъ приписывая его удачу добродѣтели его, говоритъ болѣе языкомъ воина, служившаго съ нимъ въ войнѣ, нежели голосомъ Историка, жившаго нѣсколько лѣтъ послѣ, и котораго была должность описать потомству его характеръ безпристрастно.

Весьма извѣстно, что сіи ложные Герои, ищущіе славы своей въ истребленіи собственнаго ихъ рода, вѣдаютъ о себѣ меньше всѣхъ; и чрезъ сіе постыдное любочестіе, вмѣсто безсмертной славы, за которой они стремятся, навлекаютъ на свое имя стыдъ и проклятіе. Какъ о семъ у Пророка говорится: см. Аввак. гл. 2. ст. 9. 10. Горе лихоимствующимъ лихоимство злое дому своего, еже учинити на высотѣ гнѣздо свое. Умыслилъ еси стыдѣніе дому своему, скончалъ еси мысли многи, и согрѣши душа твоя. Теперь явствуетъ, что никто себя точно знать не можетъ, пока онъ того не вѣдаетъ, что толь часто есть сокровенною и непримѣтною побудительною причиною его дѣяній, и пока не станетъ примѣчать коль далеко надъ нимъ про-

тирается власть сея причины въ его обхо-
сденіи и поведеніи; добродѣтель и истинное
реимущество конечно кинутся въ глаза, хотя
ы они и не были превозносимы на крилѣхъ
юбочестія, которое причиняетъ тѣмъ опа-
нѣйшее паденіе, чѣмъ выше возлетаетъ.

И такъ для исправленія безпорядка и чрез-
мѣрности сей страсти замѣтимъ, коль тщет-
ное и ничтожное удовольствіе приноситъ намъ
наивеличайшее удовлетвореніе оной; коль же-
стокимъ оскорбленіямъ она подвергаетъ насъ,
возбуждая къ намъ въ другихъ людяхъ зависть;
къ коликой низости поощряетъ; коль часто
не достигаетъ она своего предмета, гоняясь
за нимъ съ величайшею горячностію; и коль
несравненно продолжительнѣйшимъ удовольстві-
емъ награждаетъ насъ похвала совѣсти, неже-
ли грубыя рукоплесканія невѣждъ и заблуждаю-
щихъ человѣковъ, кои, отъ того что судятъ
по наружности, истиннаго нашего характера
знать не могутъ, и коихъ одобренія благора-
зумный мужъ скорѣе презирать долженъ, не-
жели искать ихъ. „Испытай только разумъ
„людской, и посмотри, коль далеко простир-
„раетися ихъ прозорливость, то никогда не
„будешь искать одобренія народнаго, ниже по-
„рицанія его бояться, не будешь пещись о

„томъ, какое заключеніе дѣлаютъ о тебѣ про-
„столюдимы, ибо они никогда не могутъ и
„себѣ правильно разсуждать.“ (*)

ГЛАВА XIII.

Какой родъ знанія мы теперь имѣемъ; и какое достоинство оному приписываемъ.

XII. Тотъ никогда не можетъ судить о се-
бѣ справедливо, кто не испытываетъ, какое
вещахъ имѣетъ познаніе.

И такъ должны мы познанія, какія имѣемъ
принять въ разсужденіе, и видѣть, не припи-
сываемъ ли имъ цѣны высокой, и насъ самихъ
по онымъ не цѣнимъ ли слишкомъ высоко
какую истинную пользу приносятъ намъ си
познанія, какое надъ нами имѣютъ дѣйствіе
не дѣлаютъ ли насъ гордыми, нелюдимами
высокомѣрными, угрюмыми, кичливыми, презі
рающими. Поелику мы думаемъ, что другіе в
нихъ невѣжды. Ежели такъ, то познанія сіи
какія бы они ни были, приносятъ намъ болѣ
вреда, нежели пользы. Безъ нихъ мы были бі

(*) Вникни въ ихъ совѣсть, то увидишь нѣкоторыхъ судей боязливыхъ и самихъ себя осуждающихъ. Марк. Антон. кн. 9. §. 18.

счастливѣе; самое невѣжество не столь дѣла-ло бы насъ смѣшными. Таковое расположеніе нашихъ мыслей показываетъ, что при всѣхъ нашихъ познаніяхъ, *мы сами себя не знаемъ.*

„Человѣкъ конечно гордится тѣми познанія-„ми, по которымъ онъ тѣхъ презираетъ, кои „оныхъ не имѣютъ.

Коль обыкновенно нѣкоторымъ людямъ желать казаться гораздо знающѣе, и хотѣть слыть прозорливѣе, нежели они въ самомъ дѣлѣ? На сей конецъ истощаютъ они во всѣхъ собраніяхъ весь почти магазинъ свой, чтобъ только болѣе другихъ блистать своимъ разумомъ. И сіе простираютъ даже до того, что въ два или въ три разговора становятся пусты, и пустоту сію замѣтишь скорѣе, нежели ожидалъ. Тутъ та самая рѣка учености, коею они съ начала толь немилосердо насъ потопляли, болѣе приводитъ насъ въ замѣшательство, нежели приноситъ удовольствія; въ глазахъ у нихъ не то намѣреніе, чтобъ просвѣтить смыслъ нашъ, но чтобъ показать свой разумъ; тогда о многомъ и многое мы противоположить имъ можемъ; но ихъ болтливость не даетъ намъ ни одного слова выговорить: и толь преимущественно украшенная острота ихъ дѣлаетъ стыдливаго человѣка совсѣмъ тупымъ. — Если же поупрямишься и станешь

вещь изслѣдывать, то они со стыдомъ останутся, или отходятъ прочь какимъ либо двусмысленнымъ словомъ и изливаютъ равно какъ чернилицы морскія (*), чернильное наводненіе за собою, дабы не видно было куда они пропадаютъ. Откуда слабость сія происходитъ, довольно извѣстно. — *Самопознаніе* скоро бы оную исправило.

Есть люди, которые по невѣжеству своему думаютъ знать больше, нежели они знаютъ въ самомъ дѣлѣ: есть и такіе, кои по гордости кажутся болѣе невѣждами, нежели каковы они въ существѣ своемъ. Дабы показать, что они имѣютъ большую прозорливость и остроту нежели другіе, утверждаютъ, что со всѣмъ нѣтъ извѣстнаго и вѣрнаго познанія; наводятъ сомнѣніе на самыя высочайшія начальныя положенія; не выдаютъ ничего за вѣрное, и впадаютъ такимъ образомъ прямо въ бездну недоумѣнія; что бываетъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ глубокомысленныхъ испытаній, когда люди выше мѣры во что нибудь углубляются. (*)

(*) Чернилица есть морская рыба, которая во время своей поимки изпускаетъ черную кровь.

(*) Сократъ говоритъ: что онъ только то знаетъ, что ничего не знаетъ. Такую-то скромность имѣлъ сей ученѣйшій мужъ. Но послѣдователи

Каждый склоненъ выше своего почитать тотъ родъ познанія, въ которомъ онъ думаетъ превзойти другихъ наиболѣе; и напротивъ того всѣхъ другихъ почитать въ ономъ ниже себя. И такъ недостаетъ у насъ извѣстнаго правила, по которому разсуждать бы можно о всякомъ познаніи, и по которому оное цѣнить было бы возможно. Не принять ли слѣдующее:— „Тотъ родъ познанія есть лучшій и драгоцѣн„нѣйшій, который способнѣе къ лучшимъ пред„метамъ, то есть, который удобнѣе сдѣлать „человѣка мудрѣйшимъ, лучшимъ и полезнѣй„шимъ.„ — Ибо знаніе есть ничто иное, какъ *средство*, служащее къ достиженію какого либо *предмета*. И поелику о всѣхъ средствахъ судить должно по превосходству предмета и по ихъ удобности достигнуть цѣли онаго, то слѣдовательно тому познанію надлежитъ быть лучшимъ, которое способнѣе къ споспѣшествованію достиженія лучшихъ предметовъ, то есть: достиженія истиннаго блаженства со стороны того, кто оное имѣетъ, и прочихъ ему подобныхъ человѣковъ; блаженства, съ ко-

---

его еще далѣе въ оной поступили, а наипаче Арцезилай, который обыкновенно говаривалъ: что онъ и того даже не знаетъ, что Сократъ для себя оставилъ.

имъ неминуемо сопряжена Божія честь и слава, яко предметъ высочайшій.

Если бы мы о разныхъ родахъ наукъ судили по сему правилу, то нашли бы: 1) что нѣкоторыя изъ нихъ весьма *вредны и соблазнительны*; ибо къ тому стремятся, чтобы истинный предметъ познанія обратить въ противную сторону; чтобъ нанести поношеніе собственному человѣческому блаженству, одѣлать его еще вреднѣйшимъ для общества. Знаніе такихъ людей, есть знаніе порока, нѣкоторыхъ покушеній къ нему клонящихся, и тайные шаги къ распространенію онаго; иначе же искуство притворства, обмана, прелести и лжи. 2) Что иныя къ употребленію неспособны и безполезны. Таковы суть тѣ части познанія, коихъ достиженіе, похищая много времени, и стоя великихъ трудовъ, не споспѣшествуетъ къ достиженію похвальнаго предмета, и служитъ единственно къ препровожденію времени и къ увеселенію воображенія, какъ то: познаніе о театрѣ, знаніе искусныхъ сказочекъ, разныхъ игръ и модъ, въ чѣмъ каждый можетъ быть весьма остроуменъ и искусенъ, но ни сколько благоразумнѣе и полезнѣе. 3) Что иныя науки хороши только по извѣстному ихъ отношенію или служенію, и могутъ быть одному полезнѣе нежели другому, на пр. опытность въ особл

зомъ упражненіи, или званіи, на коемъ основы-
вается его кредитъ, содержаніе, или полез-
ность въ общежитіи. И какъ сіе познаніе дра-
гоцѣнно только по мѣрѣ своего предмета, то
и должно быть производимо съ такимъ един-
ственно прилѣжаніемъ и попеченіемъ, какое со-
размѣрно сему предмету. И наконецъ 4) Что
прочіе роды познанія суть необходимы и всеобще
полезны, какъ то: познаніе Бога и насъ самихъ;
познаніе о натурѣ вѣчнаго нашего блаженства,
и средствъ къ оному. Сіе равно необходимо
для всѣхъ людей. И сколь бы намъ должно быть
благодарнымъ, что мы, мы живущіе во свѣтѣ
Евангелія, и наслаждающіеся онымъ свѣтомъ
во всѣмъ его совершенствѣ и ясности, имѣ-
емъ толь много щастливыхъ средствъ и слу-
чаевъ къ достиженію сего высочайшаго, по-
лезнѣйшаго и необходимаго рода познанія!

И такъ человѣкъ не можетъ хорошо по-
знать себя до тѣхъ поръ, пока не дастъ насто-
ящей цѣны своему познанію, пока не изслѣдуетъ,
къ которому роду наукъ себя готовитъ, обра-
зуетъ и къ которому болѣе прилѣжитъ. Какъ
высоко его почитаетъ, какую сей родъ прино-
ситъ ему пользу, и какое надъ нимъ имѣетъ дѣй-
ствіе, что посредствомъ его исправляетъ, къ
чему оный теперь ему служитъ, или впредь
служить будетъ.

Невѣденіе о самомъ себѣ ни въ чемъ столько не открывается, какъ въ почтеніи къ собственному своему разуму, или судя по оному къ самому себѣ. Сіе есть извѣстное и справедливое примѣчаніе, что порожніе сосуды отдаютъ отъ себя большій звукъ. Люди малѣйшаго познанія обыкновенно превозносятся, и больше ими гордятся, что ясно видно въ дерзкихъ молодыхъ людяхъ, въ недоученыхъ, или заучившихся надутыхъ студентахъ, и въ тѣхъ, кои съ молодыхъ лѣтъ не упражняясь въ наукахъ, плѣняются въ старости чтеніемъ, но не имѣютъ ни вкуса, ни проницанія, плѣняются для того только, что почитаютъ сіе совершенствомъ, и чтобъ можно было имъ хвастаться на подобіе запасшихся ученостію, кои точно столько ее имѣютъ, сколько нужно къ совращенію бесѣды, и содѣланію себя смѣшными, но толь много не имѣютъ, чтобъ самихъ себя, или другихъ, хотя бы въ маломъ сдѣлать благоразумнѣе.

Сверхъ вышеупомянутыхъ родовъ наукъ, есть еще другой, который обыкновенно называется *ложнымъ познаніемъ*, и который хотя часто обманываетъ людей видомъ истиннаго ученія, но въ самомъ дѣлѣ хуже, нежели грубое невѣжество. Нѣкоторые многимъ вещамъ учились, употребили къ тому великій трудъ, и по тому

воображаютъ о себѣ много, но прежде нежели дѣйствительно будутъ мудры, должны опять снова переучиваться. Ужасно сколь много времени, сколько труда и терпѣнія они употребили на взгромажденіе множества ложныхъ понятій, кои сдѣлали себѣ извѣстными и которыя сохраняютъ въ умѣ своемъ, яко сокровище драгоцѣннаго познанія; но если бы они ихъ испытали по вышеизъясненнымъ правиламъ, то есть: по способности къ употребленію себя содѣлать лучшими и мудрѣйшими, для другихъ полезнѣйшими, то нашли бы, что оныя точно ничего не стоятъ.

Берегись сего ложнаго познанія; ибо люди ни въ чемъ столько не упрямы, какъ въ семъ познаніи, и ни что не дѣлаетъ ихъ суетнѣе и отвращеннѣе *отъ самопознанія*, какъ сіе ложное познаніе. Люди ни во что такъ не влюблены, какъ въ ихъ ложныя понятія.

Св. Апостолъ Павелъ часто говоритъ о подобныхъ людяхъ и о ихъ упрямствѣ острыми выраженіями. Хоть и мудры являются, но глупцами должны быть, прежде нежели будутъ разумны. (*) Хотя и воображаютъ себѣ, что мно-

---

(*) I. къ Коринѳ. гл. 3 ст. 18. Аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ.

го — знаютъ, но со всѣмъ тѣмъ ничего не вѣдаютъ, какъ бы имъ знать о томъ надлежало, *аще ли кто мнится вѣдѣти что, не у что разумѣ, яко же подобаетъ разумѣти* (Къ Коринѳ. гл. 8. ст. 2.) но обманываютъ сами себя, ибо думаютъ быть нѣчто, будучи ничемъ. Галат. гл. 6. ст. 3. *Аще бо кто мнитъ себѣ быти что, ни что же сый, умомъ льститъ себѣ.* И желая быть учителями прочихъ, не знаютъ, что говорятъ сами, ниже того, что утверждаютъ, Тимоѳ. гл. 1. ст. 7. *Хотяще быти законоучители, не разумѣюще, ни еже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ.* И требуютъ, чтобы кто показалъ имъ первыя буквы и первыя основанія премудрости. къ Евр. гл. 5. ст. 12. *Паки требуете учитися, кая писмена начала словесъ Божіихъ.*

ГЛАВА XIV.

О познаніи, надзираніи за нашими мыслями, и управленіи оными.

XIII. Второе отдѣленіе самопознанія состоитъ въ надлежащемъ познаніи собственныхъ нашихъ мыслей и внутреннихъ дѣйствій воображительной силы нашей.

Истинное управленіе мыслей требуетъ не малаго искуства, бдѣнія и рѣшимости. Но къ успокоенію и исправленію душевному оно столь нужно, что трудъ, приложенный къ сему управленію, награждается въ полной мѣрѣ. Имующій управлять толь многочисленнымъ и безпокойнымъ семействомъ, каковы суть его мысли, которыя охотно служатъ *страстямъ и похотѣніямъ его*, не долженъ на долго отлучаться изъ дому. Если онъ выдетъ, то онѣ тотчасъ взбунтуютъ, и подъ предводительствомъ вышесказанныхъ двухъ жестокихъ начальниковъ придутъ въ безпорядокъ при малѣйшей потачкѣ, и возбудятъ иногда великія жалобы и безпокойства. Трудно представить себѣ то бѣдное состояніе, которое происходитъ отъ сего внутренняго мятежа и бунта, когда разъяренная совѣсть и воспаленныя страсти дерзаютъ безъ малѣйшаго сопротивленія и укрощенія буйствовать. Терзаемый пожаромъ градъ и возмущеніе упившихся матрозовъ и прочей на кораблѣ челяди, убившихъ своего Капитана и другъ друга въ шумствѣ поражающихъ, суть слабыя онаго изображенія. Весьма трудно представить себѣ душевное мученіе, при таковомъ волненіи и существенной потерѣ отъ страстей происходящее. Любомстительный человѣкъ не мо-

жетъ ничего огорчительнѣе желать врагу своему.

И по сему коль то важно, чтобъ человѣкъ бдѣлъ за своими мыслями, чтобы могъ ими правительствовать! Да разсудитъ онъ, которую мысль удобнѣе удерживаетъ, которая какъ вкрадывается, и при какомъ случаѣ сіе происходитъ!

Одинъ мудрый язычникъ предлагаетъ въ своихъ размышленіяхъ прекрасное правило, которое онъ на себя обращаетъ и есть слѣдующее: *Учреждай*, говоритъ, *всѣ твои поступки и мысли такъ, какъ будто изъ свѣта вонъ выходишь*, Marc. Ant. Medit. L. 2. § 12.

Рѣдко бываетъ кто несчастливъ, а можетъ быть и никто несчастливымъ отъ того не бываетъ, что не знаетъ мыслей другихъ людей, продолжаетъ сей язычникъ, но не примѣчающій за движеніями собственнаго своего сердца—подлинно несчастливъ. (*) И такъ стоитъ точнѣе изслѣ-

---

(*) Marc. Ant. L. 2. §. 8. Нѣтъ ничего несчастнѣе того, кто повсюду таскается, вывѣдываетъ тайности другихъ людей; но при всемъ томъ не мыслитъ, что его собственное сердце подаетъ ему достаточную причину къ испытанію и упражненію, и что попеченіе о самомъ себѣ, и собственное свое исправленіе доставитъ ему довольно заботы. Той же: книг. 2, §. 13.

довать сію матерію и увидѣть 1.) *Какія то-но помышленія должно не допущать до серд-ца, а изтреблять,* и 2.) *Какія имѣть, и какихъ придерживаться.*

1. *Нѣкоторыя мысли тотчасъ изгонять, какъ скоро войдутъ онѣ въ сердце наше.* — И если онѣ часто насъ безпокоятъ, то вѣрнѣйшее противъ нихъ средство охранять тѣ промежутки, чрезъ кои онѣ въ сердце наше вползаютъ, и убѣгать тѣхъ случаевъ, отъ коихъ оныя воспаляются. Ибо иногда запретить входъ худымъ помышленіямъ гораздо легче, нежели отъ нихъ освободиться, когда онѣ уже внѣдрились. Берегись особливо,

1.) Отъ всѣхъ скучныхъ и недовольныхъ мыслей, кои мучатъ напрасно душу и какъ бы колютъ ее спицами. Если дашь имъ мѣсто, то причинишь себѣ вреда больше, нежели самый злѣйшій врагъ твой причинить тебѣ можетъ. Сіе есть преимущество Христіанина предъ прочими, да и должность его учиться довольнымъ быть тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ находится; подражая Св. Апостолу Павлу, въ посланіи своемъ къ Филипписіемъ гл. 4. ст. 11.

О склонности твоей будутъ судить по тому, о чемъ ты по большей части мыслишь; ибо душа занимаетъ нѣчто отъ собственныхъ своихъ мыслей. Тотъ же кн. — 5. §. 16.

говорящему: *азъ бо навыкохъ, въ нихъ же есмь доволенъ быти.*

2.) Не имѣй мучительной и скорбнаго попеченія исполненной мысли. Если мы дадимъ мѣсто мучительному страху или попеченію о приближающейся опасности, или печальному приключенію, то уже не только страдаемъ отъ того зла, котораго трепещемъ, прежде нежели оно наступило, но еще и умножаемъ его; страхъ приближающагося зла, для насъ гораздо несноснѣе, нежели тягость онаго при дѣйствительномъ его наступленіи. Это великая, но всеобщая слабость, противъ которой человѣкъ долженъ бы вооружиться слѣдующимъ соображеніемъ: „Не суть ли всѣ приключенія подъ „извѣстнымъ управленіемъ премудраго провидѣ„нія? Если они меня и касаются, такъ знать „они часть Богомъ опредѣленныхъ мнѣ стра„даній, кои я по волѣ его, яко Христіанинъ, „сносить долженъ. Коль часть робкое мое серд„це увеличивало предшедшія искушенія, най„денныя мною въ самомъ дѣлѣ гораздо легчай„шими, нежели каковы они казались мнѣ при „наступленіи своемъ? И можетъ быть ужасный „видъ, принятый ими, есть единая только пре„лесть, посредствомъ которой хочетъ онъ пре„имущественно отвлечь меня отъ моей дол„жности и довести до грѣха, чтобъ я старался

„неправдою избѣгнуть сего искушенія. Но на „что мнѣ по напрасну мучиться? Огорченіе и „печаль уповаемаго зла придетъ ко мнѣ отъ Бога, „а мученіе, ощущаемое мною, прежде наступле„нія его, дѣлаю я самъ себѣ; чѣмъ мои страда„нія гораздо чаще больше нежели удвоиваю. Ибо „излишество, самому себѣ мною причиняемое, „гораздо больше той мѣры огорченія, каковою „посѣщаетъ меня Божіе Провидѣніе.„

3.) Изгоняй коль можно скорѣе всѣ *гнѣвныя* и *злобныя* мысли. Онѣ только терзаютъ душу и приводятъ ее въ худшее въ мірѣ расположеніе, т. е. Онѣ дѣлаютъ то, что *злоба и лицеміе* укореняются. Гнѣвъ конечно взойти можетъ въ сердце мудраго, *но ярость въ нѣдрѣ безумныхъ* только *почіетъ*. Еклесіаст. гл. 7. ст. 10.

Употребляй всевозможную осторожность въ разсужденіи обидчика; принимай въ уваженіе его темпераментъ, или сложеніе, прелагай гнѣвъ твой на сожалѣніе. Держитеся любве, говоритъ С. Павелъ къ Коринѳ. 1. гл. 14. Помышляй о терпѣніи и кротости Христовой, о молитвѣ *Отче нашъ*, и о томъ, коль часто мы сами имѣемъ нужду въ Божіемъ и человѣческомъ прощеніи; коль неполезно и коль безумно пребывать въ гнѣвѣ, и какъ то намъ самимъ мучительно. Ты имѣешь толь доброе сердце, что мучишь-

ся дѣлать зло другому; для чего же себѣ дѣлаешь? Тебѣ приказано ближняго твоего возлюбить какъ самаго себя; но не запрещено и себя также любить. И для чего хочешь ты приложить себѣ зла, о которомъ возрадовался бы и врагъ твой, если бы могъ таковое учинить тебѣ? — (*).

Прежде всего въ огорченіи твоемъ имѣй наблюденіе за языкомъ; отъ малой искры сыръ боръ горитъ; малѣйшая искра можетъ обратиться въ великій пожаръ, если питается любомстительнымъ сердцемъ и раздуется вѣтромъ браннаго слова. Обидныя выраженія бываютъ въ такомъ случаѣ масломъ, на огонь изливаемымъ и чрезъ то большій пламень воспаляющимъ. — *Хорошо и въ лихорадкѣ, а еще лучше во гнѣвѣ, держать языкъ въ чистотѣ и воздержности.* Plut. de ira cohiben.

4.) Болѣе всякаго истребляй всѣ злобныя и любомстительныя помышленія. Духъ мщенія

(*) Христіанская заповѣдь въ семъ случаѣ такова: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ. Ефес. 4. ст. 26. И сію заповѣдь, по увѣренію Плутархову, содержали буквально Пиѳагореяне: они, ежели въ горячести ругательное слово другъ другу скажутъ, давали руку, до захожденія солнечнаго, прощая при томъ всѣ обиды, и разходились по домамъ съ обоюднымъ примиреніемъ, друзьями по прежнему.

есть по справедливости духъ діавольскій; никто не дѣлаетъ человѣка столько ему подобнымъ, какъ сей духъ, и нѣтъ ничего противнѣе духу Евангельскому. Если мщеніе твое не удовлетворяется, то сіе есть только настоящее мученіе, а когда получитъ удовлетвореніе, тѣмъ большія мученія причинитъ тебѣ послѣ. Никто не наноситъ себѣ толь великаго мученія, какъ мстительный человѣкъ, обращающій ядъ своего собственнаго сердца противъ самаго себя.

5.) Изгони изъ сердца твоего всѣ безумныя, негодныя и глупыя помышленія, которыя въ немъ находятся и сами не знаемъ какъ, и онымъ владѣютъ, и покоряютъ, прежде нежели мы примѣтимъ; занимаютъ его пустыми и худыми упражненіями, ни пользы, ни увеселенія не приносящими, и въ свѣтѣ ни къ чему не нужными, погубляющими только время (*) и дѣлающими душу ни къ какимъ лучшимъ упражненіямъ неспособною. И подлинно нѣтъ никакой разности проводить время во снѣ, и въ таковомъ сонномъ бдѣніи. Если же мысли, толь непримѣтно въ тебя вкрадывающіяся, хотя и не со

(*) Прежде жаловались люди на недосугъ и почитали время краткимъ, а нынѣ такъ въ немъ изобильны, что стараются его убивать, и за самую малую цѣну продаютъ весьма много времени. О времена! о нравы!

всѣмъ негодны и не странны, однакожъ непристойны, то долженъ ты отставать отъ нихъ, потому что онѣ отъ лучшихъ тебя отвращаютъ.

6.) Удаляй всѣ *глупыя* и *развращенныя* мысли, изгоняй всѣ *суетныя* и *воображаемыя* представленія. Не обращай мыслей твоихъ на вещи, со всѣмъ небывалыя, и можетъ быть сбыться никогда не могущія. Не сотворяй себѣ никакого мнимаго удовольствія, къ событію коего не имѣешь ни малѣйшаго основанія, и не вдавайся безполезной печали въ заботѣ о томъ, чего опасаться такъ же не имѣешь никакой причины. — То истинна, что при доброй совѣсти и здравомъ разсудкѣ нѣтъ большаго блаженства, какъ имѣть *порядочную и благоправимую силу воображенія.* — Тогда ты можешь въ состояніи видѣть вещи такъ, какъ онѣ суть, разбирать ихъ по справедливости и по настоящимъ ихъ краскамъ, различать бывающіе отъ бреда ложные виды отъ представленій истинны и разсудка. Ибо коль обыкновенно людямъ прежде всего смѣшивать между собою умъ и воображеніе, истину и пустоту? Текущій огонь жизненныхъ духовъ почитать свѣтиломъ ясности? И думать, что они знаютъ справедливость, или ложь вещи, которая у нихъ только что въ воображеніи находится? И которую они для того такъ воображаютъ, что хотятъ, чтобъ она была

такою? Они не думаютъ, что воображеніе есть *блудящій свѣтъ* ихъ сердца, часто является тѣмъ въ яснѣйшемъ блистаніи, чѣмъ грубѣйшимъ мракомъ облечено сердце; и оно конечно тѣхъ заведетъ въ заблужденіе, кои слѣдуютъ ему, яко своему путеводителю. Съ сими сопряжены

7.) *Романическія и Богатырскія мысли.* Подъ сими я разумѣю тотъ родъ дикой горячности, которою живость жизненныхъ духовъ иногда вдругъ поражаетъ душу, и возбуждаетъ такія представленія, кои такъ смѣшны и вздорны, что не льзя почти не удивляться, какъ они и въ воображеніи мѣсто имѣть могутъ. Сіи развращенія Фантазіи тотчасъ изчезаютъ, чрезъ что и разнятся отъ помянутыхъ воздушныхъ замковъ воображенія, кои суть главнѣйшимъ провожденіемъ времени. Но сіи мысли весьма несвязны между собою, и толь безумны, что не долго существуютъ. Онѣ суть сумозброднѣйшія дѣйствія, и развращеннѣйшія, какія только возможны, сновидѣнія воображенія. — Не знаю, разумѣетъ ли теперь читатель, что я сказать хочу; но если онъ съ примѣчаніемъ посмотритъ на все то, что происходитъ въ его сердцѣ, тогда можетъ быть научится меня разумѣть чрезъ опытъ.

*

8.) Истребляй нечистыя и блудныя мысли, заражающія и оскверняющія душу; хотя онѣ и сокрыты отъ человѣковъ, но Богу извѣстны; предъ лицемъ Его онѣ суть мерзость. Спаситель предохраняетъ насъ отъ оныхъ, яко отъ нѣкотораго рода прелюбодѣйства (*), не могущаго сопребывать чистотѣ сердца, требуемой Евангеліемъ.

9.) Берегись также слишкомъ быть привязаннымъ къ печальнымъ и меланхолическимъ мыслямъ. Нѣкоторые склонны все видѣть съ худой стороны. Черное облако летаетъ надъ ихъ мыслями; оно раздѣлится, когда изольется сильнымъ дождемъ чрезъ глаза ихъ, и тогда въ душѣ ихъ настанетъ прежняя ясность. Часто сіе бываетъ безъ всякаго разсужденія; должно приписывать оное, или недостатку тогдашняго тѣлеснаго состоянія, или случайному безпорядку души, въ которомъ находилась она въ то время. Впрочемъ каждый, любящій спокойствіе души своей, да употребитъ все сіе въ свою осторожность, ибо весьма часто оный безпорядокъ лишаетъ его спокойствія.

10.) На противъ того не допускай содѣлаться силѣ воображенія твоего слишкомъ *живою* и

(*) Матѳ. гл. 5. стр. 28. Яко всякъ, иже воззритъ на жену, во еже вожделѣти ея, уже прелюбодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ.

надмѣнною. Иные толь же безумно надмѣнны сколько другія уныды. И одинъ же человѣкъ впадаетъ часто разнымъ временемъ въ сіи оба другъ другу противуположные пороки, поколику жизненные его духи находятся въ томъ, или другомъ расположеніи, и поколику они скоро, или тихо движутся. И для того къ подобнымъ помышленіямъ, дѣйствующимъ въ то время сильно на душу, должно имѣть подозрѣніе и точное примѣчаніе; въ противномъ случаѣ погубятъ они нашъ разсудокъ, и доведутъ насъ до того, что мы понятіе о себѣ и о вещахъ перемѣнимъ, какъ скоро перейдетъ душа наша въ спокойнѣйшее и тихое состояніе.

Прежде нежели дозволимъ нашимъ мыслямъ имѣть о вещахъ заключеніе, надобно сперва заставить умъ свой разсмотрѣть мысли наши. Ибо не всегда онѣ въ состояніи исполнять званіе сіе. Мы не признаемъ справедливымъ характеръ, приписуемый однимъ другому, если не имѣемъ хорошаго мнѣнія о его собственномъ. Толь же несправедливымъ мы должны почитать опредѣленіе, подписываемое сердцемъ нашимъ, пока оно еще не испытано нами, и не признано безпристрастнымъ и безкорыстнымъ, надобно напередъ знать, въ расположеніи ли оно судить и имѣетъ ли довольное проницаніе, съ которымъ судить долженствуетъ. Недостатокъ

въ сихъ предварительныхъ разсужденіяхъ о самомъ себѣ есть причиною, что мы толь много сами себя обманываемъ, и ложно о вещахъ заключаемъ.

Наконецъ отвергай ежеминутно съ омерзѣніемъ всѣ безпокойныя и злочестивыя помышленія, кои иногда вдругъ и сами не знаемъ какъ въ умъ нашъ приходятъ, хотя мы нарочито вѣдаемъ *откуда они.* А какъ поступать съ такими мыслями, ибо онѣ суть явныя искушенія и путеводительницы ко грѣху, научаетъ насъ Спаситель собственнымъ своимъ примѣромъ. Матѳ. гл. 4 стр. 10. И такъ намъ должно весьма старательно охранять себя отъ сихъ помышленій. — И поелику онѣ (особливо нѣкоторыя изъ нихъ) имѣютъ обычай часто вкрадываться въ сердце наше, то разсудокъ да не забываетъ никогда быть у дверей онаго на стражѣ, да блюдетъ пути къ оному, и да воспящаетъ входъ въ него, или когда онѣ взошли уже, то да изгонитъ ихъ не только какъ безстыдныхъ, но яко вредныхъ гостей, хотѣвшихъ войти въ сердце проломомъ. Но

11.) Есть другой родъ мыслей, которыхъ мы должны придерживаться, сохранять ихъ съ великимъ попеченіемъ, и стараться дать имъ свободнѣйшее теченіе.

Всѣхъ тѣхъ мыслей, кои доставляютъ душѣ мное и благоугодное удовольствіе, и нѣкотоымъ образомъ споспѣшествуютъ къ исправлеію сердца и разсудка, не должно намъ отвращаться, но вспоминать о нихъ очень часто, и ачительно въ нихъ упражняться. И оставлять хъ до тѣхъ поръ не надобно, пока не произедутъ въ душѣ такихъ впечатлѣній, кои вѣоятно, останутся въ ней на долго.

А чтобъ привести душу до способности къ осприятію подобныхъ мыслей, къ удержанію и къ продолженію оныхъ, къ тому потребны ва обстоятельства:

Пріучить себя 1) къ справедливому и разумому образу мыслей, и 2) къ нравственнымъ и уховнымъ вещамъ.

1.) Если мы хотимъ пріуготовить душу къ соблюденію добрыхъ и полезныхъ мыслей, и сдѣлать ее къ онымъ способною, то должно намъ стараться пріучать ее къ справедливому и разумному образу мыслить.

Когда попалась тебѣ добрая мысль, то продолжай, не теряй ее скоро изъ вида, и не допускай никакому глупому случаю отъ нее отвлекать себя. Не оставляй мысли сей до тѣхъ поръ, пока не испыталъ и не истощилъ ее совершенно, и пока не принялъ въ уваженіе разныхъ послѣдствій, изъ нее произтечь могущихъ.

Но пребывай при одномъ и томъ же предмет не долѣе, какъ до того времени, пока примѣтишь, что мысли твои занимаются имъ не принужденно и способно; ибо если хотѣть мысли свои ограничить однимъ предметомъ, с всѣмъ истощеннымъ, то сіе значитъ давать имъ отнюдь не естественное теченіе, без малѣйшей ихъ силы къ объятію, и упражненіі въ нихъ, — что можетъ тебя утомить, или онѣмъ скорѣе нападутъ на что другое.

А чтобъ содержать мысли устремленным на то, о чемъ ты размышляешь: то должн тебѣ приложить нѣсколько труда къ приведе нію опять на память колеблющихся и блуд щихъ мыслей, и опять утвердить оныя. Раз сматривай вещь со всевозможныхъ сторонъ, съ разныхъ точекъ, съ какихъ только предста вить себѣ можешь, одѣнь понятія твои въ при стойныя и избранныя слова и выговори оны понятно, или предложи писменно.

Какова бы ни была вещь, о которой ты раз суждаешь не принимай ни какихъ изъ нее про исходящихъ слѣдствій, кромѣ тѣхъ, кои най дешь ясными и естественными. Сіе есть еди ное средство доставить разсудку истинное основательное познаніе. Напротивъ того *лож ное познаніе* происходитъ отъ того, что ты вещь не проникаешь, или выводишь принужден

ныя и не естественныя заключенія, и отъ того, что симъ невѣрнымъ заключеніямъ, или изъ вещи извлеченнымъ слѣдствіямъ придаешь равную степень вѣроятія, каковую приписываютъ разумнѣйшимъ и надежнѣйшимъ начальнымъ основаніямъ.

Остерегайся взирать на вещь *по поверхности, скоропоспѣшно и безпорядочно.* Испытуй точно и изслѣдывай основаніе, и во всемъ томъ, что ты читаешь, слушаешь, или о чемъ мыслишь, довольствуйся токмо одними ясными понятіями, если имѣть ихъ можно; ибо пребываніе при несовершенныхъ и темныхъ понятіяхъ, служитъ источникомъ великаго заблужденія и великихъ замѣшательствъ.

Ежели привыкнешь *говорить* обо всѣхъ вещахъ естественно, искусно и разумно, то вскорѣ научишься и думать также о лучшихъ вещахъ, а особливо если обходишься чаще съ людьми, кои такимъ образомъ говорятъ, и познакомишься съ писателями, кои такъ пишутъ.

Толь осторожное распоряженіе и праведное употребленіе мыслей и разумныхъ силъ твоихъ, послужитъ тебѣ, въ продолженіи познаній юности твоей, въ великую и всеобщую пользу, и изрядным предохраненіемъ отъ легкомыслія, и безумныхъ вздоровъ вообразительной силы.

Ты не найдешь въ томъ никакой непріятности, кромѣ одной, что болѣе увѣришься въ слабости и невѣжествѣ другихъ людей, которые болтаютъ больше по догадкамъ, нежели логически, и что имѣть съ такими людьми терпѣніе, гораздо благоразумнѣе, нежели имъ противорѣчить. Но чрезвычайно великую пользу принесетъ сіе средство при исканіи истины и открытіи заблужденій, и доставитъ намъ удовольствіе въ порядочныхъ и постоянныхъ упражненіяхъ, къ коимъ мы сами себя располагаемъ. А когда хотимъ соблюдать добрыя и полезныя мысли, продолжать и улучшивать ихъ, тогда упомянутая малая непріятность и терпѣніе щедро наградятъ насъ.

2) Если мы желаемъ снабдить душу нашу добрыми мыслями, и въ оныхъ содержать ее, то *должно пріучать ее къ вещамъ моральнымъ и духовнымъ.*

Вѣрно, что душа наша ни чѣмъ благороднѣйшимъ и полезнѣйшимъ занята быть не можетъ, какъ подобными умозрѣніями. Ибо приобрѣтаемое чрезъ нихъ познаніе между всѣми науками, какъ въ разсужденіи своего предмета, такъ и намѣренія, есть изящнѣйшее; понеже предметъ онаго есть Богъ, а намѣреніе — вѣчное блаженство.

Великое намѣреніе Религіи есть *содѣлать насъ подобными Богу*, и привести *къ Его общенію*. И все то, что ясно къ сему не относится, или стремится болѣе къ противному, пусть называютъ (когда хотятъ) Религіею, но приписывать оному ея священное имя, всего несправедливѣе. И все то, что называютъ духовнымъ познаніемъ, но къ сему предмету насъ не руководствуетъ, отнюдь не есть познаніе духовное, а нѣчто такое, что ложно именуютъ духовнымъ. По нещастію нѣкоторые сдѣлали къ такому злоупотребленію словъ, и оныхъ разуму столь странный навыкъ, что не только называютъ сіи вещи, но и почитаютъ Религіею, хотя онѣ со всѣмъ ей противны; и имѣютъ о духовномъ познаніи такія понятія, кои отъ онаго совершенно ихъ удаляютъ.

Ни изъ чего не льзя лучше познать чистосердечія, истинно благочестиваго расположенія мыслей, какъ изъ готовности, съ каковою мысли направляютъ себя къ Богу, и изъ удовольствія, съ каковымъ онѣ упражняются въ благочестивыхъ подвигахъ. И если кто не всегда съ удовольствіемъ слушаетъ о духовныхъ предметахъ разговаривающихъ, коихъ образъ изъясненія, различный вкусъ, положеніе мыслей, можетъ быть заключаютъ въ себѣ нѣчто непріятное; и если кто не имѣетъ и самъ никако-

вой охоты упражняться въ созерцаніи оныхъ предметовъ, тотъ имѣетъ великую причину опасаться, что сердце его въ разсужденіи Бога находится въ худомъ расположеніи. — Если жь чье сердце часто и съ удовольствіемъ упражняется въ святыхъ размышленіяхъ, то сіе есть не только добрый знакъ его чистосердечія, но и того, что таковой удобенъ къ пріятію лучшихъ и полезнѣйшихъ мыслей. Удобность сія превратится въ готовность и содѣлаетъ его способнымъ къ благороднѣйшимъ удовольствіямъ.

И по сему нужно человѣку вообще примѣчать какими онъ занимается мыслями, какъ и то, съ какими людьми имѣетъ обхожденіе, ибо и они на сердце его равное имѣютъ дѣйствіе. Злыя мысли столько же заразительны, сколько и злыя бесѣды. А добрыя мысли утѣшаютъ, наставляютъ и увеселяютъ душу столько же, сколько и добрыя бесѣды. Великое преимущество жить въ уединеніи, выбрать себѣ общество въ самомъ себѣ, которое ему пріятно.

Но какъ въ свѣтѣ попадаемъ мы скорѣе въ худое общество, нежели въ доброе, такъ и въ уединеніи чаще мучатъ насъ непристойныя и безполезныя мысли, нежели приходятъ къ намъ пріятныя и полезныя. И человѣкъ потерявшій надъ собою столь много владычества, что каждая безумная и мучительная мысль можетъ

его безпокоить, какъ ей угодно, находится почти въ такомъ же состояніи, въ какомъ трактирщикъ, содержащій свой домъ открытымъ для всѣхъ мимоходящихъ, отъ коихъ освободиться не можетъ, сколь бы они шумны, грубы и тягостны ни были; разность только та, что послѣдній получаетъ за свои безпокойства награжденіе, а первый никакого; но покой и тишина его бываютъ нарушаемы даромъ.

Столь великую важность, какъ для спокойствія, такъ и ради душевнаго исправленія, заключаетъ въ себѣ стараніе о приведеніи мыслей своихъ въ порядокъ. И сіе извинитъ меня, что я толь долго оставался при обозрѣніи и изложеніи сего дѣла, которое заключить хочу еще однимъ примѣчаніемъ: весьма опасно, если ты себѣ воображаешь, какъ многіе тому подвержены, что ни хорошо, ни дурно имѣть добрыя или худыя мысли; ибо основаніе вещей согласуется съ свидѣтельствомъ Св. Писанія, увѣряющаго насъ, что *завѣдомо безумная мысль грѣхъ есть.* (*)

(*) Тотъ грѣшитъ, кто внутрь себя умышляетъ какое-либо злодѣяніе. Ювен. Сатир. 13.

Примѣчай за твоими мыслями, ибо помышленія наши слышны въ Небѣ, говоритъ Юнгъ.

ГЛАВА XV.

О памяти.

XIV. Человѣкъ, знающій самъ себя, будетъ смотрѣть не только за обращеніемъ мыслей своихъ, но и за исправленіемъ своей памяти.

Память есть душевная сила, которая опредѣлена быть магазиномъ, или запаснымъ домомъ нужнѣйшихъ ея понятій, въ которомъ онѣ безопасно могутъ сохраняться, и откуда при удобномъ случаѣ опять взять ихъ можно.

Но не льзя имѣть совершеннаго познанія о самомъ себѣ, если за симъ хранилищемъ въ разсужденіи двухъ вещей не будешь имѣть надлежащаго присмотра, а именно: 1) въ разсужденіи припасовъ его, и 2) въ разсужденіи его исправленія.

1) Человѣкъ, знающій самъ себя, будетъ примѣчать, чѣмъ онъ наполняетъ свою память; онъ не отяготитъ ее ветхими и безполезными вещами, или кучею ненужныхъ понятій и низкихъ представленій, коихъ малѣйшіе признаки благоразумными людьми замѣчаемые, были бы для него постыдны.

Ежели способность твоя плоха, не отягощай ее. Отъ обремененія слабой памяти, происходятъ толь же дурныя слѣдствія, какъ и

отъ пресыщенія желудка. А чтобъ не отягощать ее безполезными вещами, то примѣчай внимательно, какія бесѣды посѣщаешь, какія читаешь книги, и какія мысли тебѣ пріятны; въ противномъ случаѣ, прежде нежели ты примѣтишь, огромная куча ни къ чему годныхъ обломковъ накопится въ твоей памяти, и займетъ въ ней мѣсто, на которомъ могли бы водвориться лучшія понятія. (*) Не дозволяй ускользнуть изъ головы твоей ни одной драгоцѣнной мысли, за нею долженъ ты долго и съ трудомъ гоняться, прежде нежели постигнешь. Пріобрѣтеніе и утвержденіе въ оной можетъ тебѣ большую принести пользу, нежели чтеніе многихъ часовъ.

Коль же то вредно, что люди прилагаютъ несказанный трудъ къ изученію такихъ вещей, коимъ они, пришедши въ разумъ, съ толь же великимъ трудомъ должны переучиваться!—Представленіе, долженствующее насъ въ такихъ вещахъ сдѣлать примѣчательными и осторожными, почитаемъ мы приличнымъ нашему духу упражненіемъ.

(*) Вкрадчивое пристрастіе непримѣтно и часто на всю жизнь усилитъ владычество таковыхъ нелѣпостей, чему мы видимъ ежедневные примѣры.

2) Познаніе о самомъ себѣ покажетъ кругъ и способность памяти, и лучшій путь исправленія оной. (*)

Не меньшаго требуется искуства усилить столько слабую память, чтобы употреблять оную съ такою же пользою, съ какою употребляютъ ее тѣ, кои имѣютъ сіе сокровище въ сильной степени. Вотъ на сей конецъ нѣкоторыя правила.

1) Берегись всякаго рода невоздержанія въ удовлетвореніи похотѣній и страстей твоихъ, ибо всякія излишества наносятъ памяти вредъ.

2) Если имѣешь память слабую, не обременяй ее, внѣдряй въ нее только полезнѣйшія и основательнѣйшія понятія. Малый корабль не должно наполнять худымъ грузомъ; а когда грузъ его состоитъ изъ дорогихъ вещей и распоря-

---

(*) Три вещи наипаче составляютъ хорошую память: разумъ, порядокъ и стараніе; ибо составитъ уже изрядную часть памяти, вещь со всѣмъ *выразумѣть*; потомъ посредствомъ порядка можемъ мы однажды забытое вновь возвратить нашему духу, и наконецъ стараніе, которое не только въ семъ случаѣ, но и во всѣхъ дѣлахъ можетъ очень много.

Эрастъ о способ. учит. у Рингелберга, въ концѣ сочиненія на стр. 168.

сенъ благоразумно, тогда онъ дороже нежели орабль, вдвое больше нагруженный.

3) Употребляй, по примѣру Локка, записную нижку, въ которой все вкратцѣ изображено ыть должно, и прочитывай ее каждый годъ. [о берегись, полагаясь на малыя записки и обегченія, для памяти твоей дѣлаемыя, остаить память твою со всѣмъ безъ работы, что ь симъ средствомъ соединено весьма тѣсно.

4) При каждомъ случаѣ, будучи въ бесѣдѣ, тарайся, если разговоръ дозволитъ, сказывать учшія твои мысли. Сіе вкоренитъ ихъ въ паять твою. По сей-то причинѣ люди, привыкпіе толковать вздоръ, никогда его не забыаютъ. (*).

5) Сопрягай съ понятіемъ, которое замѣить хочешь, какое нибудь другое, для тебя

*) Все, что ты ни будешь учить, учи скоро, такимъ образомъ можешь и себя укрѣпить въ знаніи и другихъ сдѣлать полезными. Рингелб. о спос. учит. стр. 28.

Наконецъ и то не въ одномъ только, но во многихъ случаяхъ будетъ полезно, если кто будетъ часто учить другихъ; ибо никогда лучше не можешь узнать, что ты знаешь и чего нѣтъ, а сверхъ того ничто новое случающееся при толкованіи, или разсказываніи, не можетъ столько впечатлѣться въ умъ, какъ въ семъ случаѣ. Эразм. Ротер. о способ. учиться. стр. 170.

легкое, которое по своей натурѣ, или по зв
ну выговора съ онымъ сходствуетъ, или п
времени, или по мѣсту состоитъ съ нимъ въ св
зи. И когда вспомнишь о семъ послѣднемъ;
ибо оно для тебя удобо-замѣчательнѣе, т
припомнишь и объ ономъ желаемомъ посредством
той *связи* и того *сцѣпленія понятій* съ ним
соединенномъ и совокупленномъ; а безъ сеи
тщетно желаемаго искать будешь. — Правил
сіе особенно вспомоществуетъ къ замѣчані
именъ.

6) О томъ, что ты предпринялъ замѣчат
воспоминай ложась спать, и опять тогда, когд
встаешь съ постели, ибо по утру силы духов
ныя свѣжѣе. Ввечеру проходи все то вновь
что днемъ достойнаго замѣчанія случилось с
тобою.

7) Не думай, что уже довольно и того, чт
ты магазинъ свой хорошими наполнилъ мысля
ми; нѣтъ, тебѣ надобно ихъ хорошенько в
немъ расположить, и раздѣлить въ надлежащі
сорты такъ, что когда захочешь размышлять
или говорить о вещи, то зналъ бы къ кото
рому сорту тогда ее причислилъ, откуда и
взять ее можешь. Такимъ образомъ одно напо
миновеніе о вещи ясно предложитъ тебѣ и
мысли объ оной; симъ способомъ будешь въ па
мяти твоей носить всегда памятную книжку

Не вредно, если иногда станешь сочинять и опись симъ припасамъ твоего духа, и пройдешь умозрительно сколько добрыхъ мыслей въ томъ и томъ сортѣ собрано, и куда онѣ положены.

Наконецъ, нѣтъ лучшей помощи для памяти, какъ если о вещахъ *размышляешь, пишешь*, или *говоришь* о нихъ. — Но о семъ довольно.

ГЛАВА XVI.

Въ разсужденіи нравственнаго вкуса.

XV. Кто самъ себя знаетъ, тотъ знаетъ и то, въ чемъ состоитъ собственный его нравственный вкусъ, и его примѣчаетъ, а особливо въ отношеніи предметовъ закона или Религіи.

„Покойный Г. Гове весьма остроумно замѣ„чаетъ, что сверхъ простаго разума и силы „разсужденія, есть еще нѣчто отмѣнное отъ „онаго небеснаго дарованія, въ Священномъ пи„саніи *благодатію* названнаго, и называется „Gusto, или *вкусомъ*, сроднымъ человѣческой ду„шѣ, (о чемъ я также мало сомнѣваюсь, какъ „и другіе люди, хотя нѣсколько за собою при„мѣчающіе). Его толь же мало изъяснить мо„жно, какъ и чувственный вкусъ, или отвраще-

„ніе. Сему удивляются только тѣ, которые „сами себя не знаютъ, или ни на кого, кромѣ „на самихъ себя, смотрѣть не хотятъ. — И „такъ не можно вообще сказать, что такимъ „или симъ образомъ людьми управляетъ лучшій „разсудокъ, или большая мѣра (количество) бла„годати; но есть нѣчто въ ихъ душевномъ раз„положеніи отъ оныхъ двухъ отличное, кото„рое ни чѣмъ лучше, какъ нравственнымъ вку„сомъ, назвать не умѣю. — И въ семъ кроет„ся толь же мало тайнаго, какъ и въ томъ, „что нѣчто есть и въ нашей натурѣ, на пр. „угодность и неугодность въ разсужденіи пред„метовъ духа. И сіе смотря по ихъ роду, лю„дямъ столь же свойственно, сколько и чело„вѣческая природа; но въ нѣкоторыхъ особахъ „такъ отмѣнно, какъ и прочія человѣческія „склонности различны.“

Сей отмѣнный вкусъ, касательно дѣлъ законныхъ, или Религіи происходитъ обыкновенно (поколику сіе можетъ быть нѣчто естественнымъ и человѣку сроднымъ) отъ различія воспитанія и привычки. А истинная тому причина, что иные люди имѣютъ вкоренѣлое отвращеніе къ нѣкоторымъ вещамъ въ Религіи, хотя оные и довольно нарочито извинены быть могутъ, и на противъ того къ другимъ чувствуютъ постоянное почтеніе, противъ которыхъ

однакожъ удобно сдѣлать воз[illegible] есть мо-
жетъ статься не лучше того, ка[illegible] слышалъ
нѣкоторыхъ чистосердечно признавающихся, что
они къ однимъ уже привыкли, а къ другимъ нѣтъ.
Ибо одинъ чрезъ долгое употребленіе и привыч-
ку получаетъ вкусъ къ худымъ и нездоровымъ
яствамъ, а другой ко деликатнымъ блюдамъ:
равно пріобыкшій къ нѣкоторымъ выраженіямъ,
понятіямъ и необыкновенностямъ мало по ма-
лу дойдетъ до такого состоянія, что полу-
читъ къ нимъ толь великое почтеніе, что всѣ
другія, къ которымъ не привыкъ, презираетъ
и проклинаетъ, хотя сіи послѣднія можетъ
быть лучше и сходнѣе съ Священнымъ писа-
ніемъ и здравымъ разсудкомъ.

Сей отмѣнный вкусъ въ вещахъ до Религіи
касающихся, различествуетъ (какъ Г. Гове из-
рядно замѣчаетъ) какъ отъ силы разсужденія,
такъ и отъ благодати.

Но часто ложь принимается вмѣсто обоихъ;
если вкусъ почтешь первою, то оно приве-
детъ къ заблужденію; если послѣднею, то къ
хуленію.

Съ симъ отмѣннымъ вкусомъ въ душевныхъ
предметахъ тоже случается, что и съ тѣмъ,
что мы въ разсужденіи предметовъ чувствія
называемъ *воображеніемъ*; ибо сколько то не-
справедливо когда думать, что сей человѣкъ

имѣетъ лучшій разумъ въ кушаньѣ, нежели другой, единственно для того, что ему нѣкоторыя блюды нравятся лучше, нежели другому: такъ и то несправедливо, что такой-то имѣетъ лучшій разумъ въ вещахъ до Религіи касающихся, потому только, что у него есть сильнѣйшая любовь къ отмѣннымъ ученіямъ и обрядамъ, нежели у другаго.

Но хотя сей *нравственный вкусъ* не одно съ разсудкомъ составляетъ, при всемъ томъ часто привлекаетъ его на свою сторону, и портитъ его иногда весьма много.

Сія истинна не является нигдѣ яснѣе, какъ при заключеніи о слушаемыхъ проповѣдяхъ. Нѣкоторымъ нравятся Патетическія, трогающія и въ жаръ приводящія слова, другимъ основательнѣйшія и умственныя, инымъ кажутся лучше высокія и Мистическія; для однихъ ничего не можетъ быть довольно просто, а для другихъ довольно высоко. Нѣкоторые хотятъ, чтобъ говорили только къ ихъ разуму и разсудку; другіе, чтобъ говорили ихъ склонностямъ и пристрастіямъ; иные требуютъ, чтобъ простирали слово къ ихъ опытамъ и совѣсти. И каждый слушатель, или читатель, склоненъ заключить по отмѣнному своему вкусу, и того почитать первымъ проповѣдникомъ, или писателемъ, который ему болѣе нравится, не

спытавъ прежде отмѣннаго вкуса своего, по оторому онъ судитъ.

Хотя всякому сродно желать удовлетворе-ія вкуса своего, но несправедливо съ его сто-оны почитать свой вкусъ лучшимъ и выда-ать его за правило и всѣмъ въ примѣръ. И ще несправедливѣе, если кто требуетъ, чтобъ оворящій въ народныхъ собраніяхъ, всегда го-орилъ по его вкусу; сего же и другой по равно-у праву требовать можетъ. — Не возможно также, чтобъ предложенное множеству слу-шателей, равно было по вкусу всѣхъ. Въ при-мѣръ кушанье, съ какимъ бы искуствомъ при-отовлено ни было, не можетъ понравиться авно всѣмъ за столомъ сидящимъ, между ко-торыми многіе его пожелаютъ, а другіе нѣтъ.

Проповѣдникъ долженъ матерію свою разпо-агать, сколько санъ его и совѣсть дозволитъ, о вкусу своихъ слушателей; ибо извѣстно изъ опыта и здраваго — разсудка, также и изъ со-вѣта и примѣра Апостола Павла (*), что сіе есть лучшее средство споспѣшествовать со-зиданію слушателей. Когда же ихъ вкусъ со

(*) Къ Римл. Гл. 15. стр. 2. Кійждо же васъ ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію, (къ исправленію). Къ коринѳ. 1. гл. 9. стр. 22. Быхъ немощнымъ, яко немощенъ, да немощныя пріобрящу: всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу.

всѣмъ испорченъ, и проповѣдникъ наклоняет
ихъ къ тому единственно, что причиняет
имъ болѣе вреда, нежели пользы, то самое ве
ликое одолженіе, какое проповѣдникъ въ сем
случаѣ можетъ сдѣлать, состоитъ въ том
чтобъ онъ взялъ на себя трудъ исправить тол
испорченный аппетитъ, получившій отвращени
отъ самаго здороваго кушанья, и алчущій само
вредной пищи. Сіе, говорю я, онъ долженъ пре
принять тихимъ и осторожнымъ образомъ, хо
тя бы ему предстояла и опасность, какъ т
легко случиться можетъ, навести сомнѣніе
своемъ благочестіи и прозорливости, ибо слу
чается обыкновенно, что наистрожайшими
немилосерднѣйшими въ семъ случаѣ судіями бы
ваютъ тѣ, которые наименѣе способны к
должности проповѣдничей.

Изъ числа слабостей въ человѣческой приро
дѣ самую можетъ быть неизъяснимую со
ставляетъ то, что въ вещахъ до Религіи каса
ющихся, злоба наша наиболѣе тамъ обыкнове
на, гдѣ наше различіе наименѣе что-либо зна
читъ; тѣ, которые нарочито близко отсто
ятъ отъ нашего ученія, но къ намъ не при
ближаются, подвержены болѣе хулѣ и нашем
отвращенію, нежели отдаленнѣйшіе отъ она
го. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ потребно над
самимъ собою большее господствованіе, и бол

шая честность къ побѣжденію сея слабости. Какія бы ни были тайныя пружины въ человѣкѣ, я не остановлюсь долѣе при испытаніи оныхъ; самая вещь представляется очамъ нашимъ, что не видать ее не можно.

Но мы всѣ вообще должны стараться узнать вкусъ нашъ въ вещахъ до Религіи касающихся, и его испытывать, дабы если онъ ложный, могли его исправить; если золъ, сдѣлать добрымъ; если справедливъ и хорошъ, усилить его и возвысить. Ибо и сердце толь же удобно къ худому вкусу, какъ и небо во рту нашемъ, и тѣми же достигаетъ къ сему путями, то есть пріобучая себя долгое время къ неестественному вкусу, который отъ привычки становится пріятнымъ. А ежели мы узнаемъ, въ чемъ состоитъ оный, и испытавъ его на пробномъ *Камнѣ Священнаго Писанія, здраваго разсудка и совѣсти,* при томъ остановимся, начнемъ читать такія книги, кои сочинены сообразно оному, и по сему основанію могутъ быть наиполезнѣйшія, то почувствуемъ въ себѣ величайшую, пріятнѣйшую перемѣну. При томъ нужно замѣтить двѣ вещи, 1) чтобъ вкусъ не привелъ разсудокъ нашъ на свою сторону, и не довелъ бы насъ до заблужденія; 2) Чтобъ онъ не оковалъ любовь нашу, и не искусилъ бы склонность нашу къ хуленію.

ГЛАВА XVII.

О великихъ и главныхъ нашихъ намѣреніяхъ въ мірѣ.

XVI. Вторая часть познанія самаго себя состоитъ въ томъ, чтобъ узнать, какія суть великія цѣли, для коихъ живемъ на свѣтѣ.

Мы должны принять во уваженіе тотъ главнѣйшій предметъ, къ которому стремимся; должны разсудить, какія суть всеобщія правила и начальныя основанія, по которымъ мы живемъ; или еще мы не назначили *цѣли*, и никакими извѣстными основаніями не управляемся; или управляемся такими, въ которыхъ стыдимся признаться.

„Первое знатнѣйшее правило благоразумія „есть то, чтобъ человѣкъ, касающееся до ис„тинной и лучшей его пользы относилъ къ „первому своему предмету; второе, чтобъ онъ „пользовался всѣми средствами и случаями, чрезъ „кои можетъ достигнуть до сего предмета. „Сіе есть сильнѣйшее, мнѣ извѣстное средство, „чрезъ которое вѣрно пріобрѣсть можно въ „здѣшней жизни характеръ мудраго человѣка, „и въ оной награжденіе пристойное мудрому „мужу. И между сими двумя правилами есть

такое ближайшее соединеніе, что о томъ человѣкѣ, который не исполняетъ *перваго*, нельзя думать, что *второе* имѣетъ онъ въ своемъ видѣ. Непримѣчающій за своими поступками никогда мнѣ не докажетъ, что онъ служащее къ величайшей пользѣ чистосердечно ставитъ своимъ предметомъ; ибо если бы онъ такъ поступалъ, то старался бы толь же чистосердечно соглашать себя и со вторымъ правиломъ, яко средствомъ къ снисканію перваго. „(*).

Мало людей, живущихъ такъ, что бы не имѣть предъ глазами какого-либо предмета, и не искать того, что имѣетъ вліяніе на ихъ поведеніе, и что есть великимъ предметомъ ихъ стремленія и надежды. Человѣкъ жить не можетъ безъ нѣкоторыхъ главныхъ намѣреній; благоразумный всегда будетъ вѣдать, въ чемъ онѣ состоятъ, хорошо или дурно оными быть управляему, заслуживаютъ ли онѣ одобренія отъ его разсудка и разума, или таковы только, каковыми ихъ признаетъ воображеніе и склонность. Для него весьма важно и разумно поступать и разумно говорить; онъ стыдится несходно поступать и несходно говорить съ своимъ характеромъ.

(*) Norris. Misc. p. 18.

Куда стремятся всѣ наши намѣренія? къ сему ли міру, въ которомъ мы живемъ, или къ тому, въ который переходимъ! Если надеждѣ и радости нашей положенъ предѣломъ сей только — міръ, то коль мучительна мысль, что мы ежедневно удаляемся отъ *нашего блаженства!* если надежда и веселіе наше направлены къ высшему, то съ удовольствіемъ мы представляемъ себѣ, что *ежедневно приближаемся* къ предмету высочайшаго нашего желанія.

Въ чемъ состоитъ главнѣйшее попеченіе наше? Въ томъ ли, чтобъ быть великими предъ глазами человѣковъ, или въ томъ, чтобъ быть таковыми предъ глазами живаго Бога? Если оно состоитъ въ первомъ, то мы подвергаемся мученію и непрестаннымъ обманамъ; ибо много уже и того, когда ненависть людская не похищаетъ у насъ большую часть заслуженной нашей похвалы, или ежели дозволяетъ суетности нашей довольствоваться малою похвалою, которою насъ оно удостоиваетъ. Если же попеченіе наше состоитъ въ послѣднемъ, когда главное намѣреніе наше въ томъ, чтобъ угодить Богу: въ такомъ случаѣ мы собираемъ себѣ сокровища продолжительнѣйшаго и безопаснѣйшаго удовольствія, умалчивая уже о томъ, что сіе есть вѣрнѣйшее средство даже въ самыхъ человѣческихъ очахъ казаться великимъ,

вѣрный способъ къ пріобрѣтенію почтенія самихъ тѣхъ, коихъ похвала достойна нашего желанія.

„Да будетъ же къ сему, о душа моя! мудрое твое и постоянное стремленіе; да сіе управляетъ и опредѣляетъ твои намѣренія; да пребудетъ сіе твоимъ закономъ, уклоненіе отъ котораго чти прегрѣшеніемъ твоимъ, какому бы презрѣнію, и неуваженію въ глазахъ другихъ оно тебя ни подвергало(*). Старайся жить сообразно сему характеру, и всегда какъ предъ свѣтомъ, такъ и въ уединеніи его оправдывать (**). То есть: будь другъ и любитель Божій, на милость коего возлагай и настоящее и будущее твое упованіе. Придержись сего намѣренія во все теченіе жизни твоей, и не дерзай, въ какомъ бы то случаѣ ни было, поступать оному противно.

(*) Что ты однажды предпринялъ разумно, при томъ и оставайся, и почитай себѣ закономъ никогда не преступать онаго, не сдѣлавшись виновнымъ. И не обращайся къ тому, что люди о тебѣ говорятъ.

(**) Положи себѣ правиломъ и образцемъ, который бы ты, въ разсужденіи самаго себя и прочихъ людей, сохранялъ въ обхожденіи.

ГЛАВА XVIII.

О томъ, какъ узнавать истинное состояніе души своей, и способны ли мы к смерти.

Наконецъ самый важный пунктъ познанія самаго себя есть познаніе истиннаго состоянія души въ разсужденіи Бога, и въ какомъ находимся расположеніи умереть.

Сіи два отдѣленія по существу своему соединены между собою неразрывно, и для того я полагаю ихъ совокупно. Познаніе о первомъ опредѣлитъ познаніе втораго, и есть также единственное, могущее отъ онаго быть опредѣленнымъ. Ибо никто сказать о себѣ не можетъ, что онъ умереть способенъ, если не знаетъ истиннаго состоянія души своей.

Дѣло сіе толь великой важности, что ужаснуться должно, какъ разумный человѣкъ, бывшій по сему пункту въ невѣденіи, можетъ быть спокоенъ, помысливъ, что такое умереть. — И такъ постараемся обьяснить себѣ важный сей пунктъ со всевозможною ясностію и посмотримъ, не сыщемъ ли возможности по основательнѣйшимъ правиламъ достигнуть къ спокойствію въ ономъ.

И такъ, чтобы испытать, годны ли мы къ смерти, намъ должно знать во первыхъ: что дѣлаетъ насъ годными, или способными къ смерти. — На сіе весьма естественный и легкій отвѣтъ, то есть: къ смерти годными дѣлаетъ насъ то, *что по смерти содѣлываетъ способными къ блаженству.*

Это вѣрно; — но потомъ слѣдуетъ опять вопросъ: *что же дѣлаетъ насъ по смерти способными къ блаженству?* —

Чтобъ на сіе отвѣтствовать, напередъ должно рѣшить сей вопросъ: *что есть оное блаженство?*

Оно не есть рай дураковъ, ниже Турецкое сновидѣніе чувственныхъ удовольствій. Это должно быть такое блаженство, которое сходно съ природою душевною, и которымъ она удобна наслаждаться и въ будущемъ ея состояніи по разлученіи съ тѣломъ; и въ чемъ же иномъ должно состоять оно, какъ не въ сообщеніи съ Богомъ; яко съ высочайшимъ существомъ и виною существа нашего?

За симъ слѣдуетъ вопросъ: *что же дѣлаетъ насъ способными къ общенію съ Богомъ въ будущемъ состояніи отдѣленныхъ духовъ?*

Мнѣ кажется, мы можемъ вопросъ сей рѣшить кратко и надежно, сказавъ: *что насъ на семъ свѣтѣ дѣлаетъ Богу подобными.* Чрезъ сіе

только можемъ мы содѣлаться прямо способными къ общенію съ нимъ по смерти, и сіе есть то единое, что можетъ насъ приготовить къ смерти. Ибо какъ тѣ, которые здѣсь Богу не подобны, могутъ уповать, что они по смерти будутъ въ его общеніи? А если они не имѣютъ никакой основательной причины надѣяться общенія на томъ свѣтѣ съ Богомъ, то какъ могутъ учиниться способными къ смерти? —

И такъ великой вопросъ: *готовъ ли я къ смерти?* рѣшится вопросомъ: *подобенъ ли я Богу?* Ибо сіе единое творитъ меня способнымъ къ небеси; а творящее меня способнымъ къ нему, есть единственное средство, содѣлывающее меня способнымъ къ смерти.

Постараемся же хорошенько испытать сіе дѣло, и разсмотримъ его осторожнѣе и безпристрастно.

Совершенно извѣстно, что Богъ благоизволитъ въ тѣхъ только, кои Ему подобны, и также извѣстно, что никто кромѣ подобныхъ Ему не найдетъ въ Немъ удовольствія. Но Богъ есть всечистое и всесвятое существо, существо безконечныя любви, благодати и терпѣнія, Его же правота непремѣнна, истина ненарушима и премудрость необманчива. Сіи суть нравственныя свойства Божіяго суще-

ства, въ которыхъ мы должны подражать Ему. Они суть явственныя сношенія Божественнаго естества, по которымъ всѣ благочестивые съ нимъ сходствуютъ, и ради коихъ единыхъ они суть предметы его благоволенія; ибо Богъ никого кромѣ тѣхъ любить не можетъ, кои носятъ въ душахъ своихъ сей образъ ипостаси его. — Находимъ ли мы сіи видимыя отношенія (слѣды) Божественнаго образа въ душахъ нашихъ? Можемъ ли показать наше съ Нимъ подобіе въ Его святости, благости, милости, правотѣ и истиннѣ? Если можемъ, то вѣрно, что мы и къ общенію съ Нимъ готовы и достойные предметы любви Его. — Отсюда знаемъ, что и къ смерти готовы, ибо отсюда познаемъ, что мы способны къ блаженству по смерти.

Такимъ образомъ вскорѣ достигнемъ справедливаго рѣшенія важнаго вопроса, когда будемъ обходиться честно съ нашею совѣстію, и когда пребудемъ безпристрастны въ испытаніи жизни и нрава нашего, вскорѣ, говорю, рѣшимъ мы вопросъ сей: какого свойства истинное состояніе души нашей въ разсужденіи Бога, и въ какомъ мы расположеніи къ смерти? (*)

(*) Я не понимаю, какимъ образомъ познаніе о нашемъ состояніи (пусть назовутъ его, если хотятъ, увѣреніемъ) есть еще дѣло необыкновенное и чрезвычайное, какъ то иные воображаютъ

Что самое какъ есть важнѣйшій пунктъ познанія самаго себя, то и послѣдній, о коемъ я упомяну; и тѣмъ хочу заключить первую часть сего отдѣленія.

Конецъ первой части.

привыкли. Разумѣйте подъ увѣреніемъ такое убѣждающее доказательство вещи, которое разрѣшаетъ всякое разумное сомнѣніе и обезпокоивающій страхъ противоположеннаго, хотя еще можетъ быть и за тѣмъ остается нѣкоторое легкое подозрѣніе и недовѣрчивость. И въ такомъ случаѣ многіе достигли такого увѣренія и извѣстности, и наслаждаются произтекающимъ изъ того увѣреніемъ, заключающимъ въ себѣ по истиннѣ толь великую важность, что дивиться должно, какъ размышляющій Христіанинъ, чающій вѣчности, можетъ быть безъ онаго недѣлю, или день спокойнымъ.

О
ПОЗНАНІИ
САМАГО СЕБЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О изяществѣ и выгодахъ сего рода науки.

Предложивъ въ предъидущей части нѣкоторые главнѣйшіе пункты познанія самаго себя, или показавъ важнѣйшія вещи, которыя человѣкъ относительно къ самому себѣ знать долженъ, хочу я теперь представить тебѣ, любезный читатель, изящество и пользу сего рода познанія, (яко побудительную причину старанія твоего въ ономъ), и сіе намѣренъ я сдѣлать раздѣливъ ясно разныя выгоды, съ онымъ познаніемъ соединенныя, и въ слѣдующихъ главахъ описанныя.

ГЛАВА I.

Познаніе самаго себя есть основаніе, на коемъ созидать можно господствованіе надъ самимъ собою.

Великая выгода познанія самаго себя состоитъ въ томъ, что оно доставляетъ человѣку надежнѣйшее и постояннѣйшее господствованіе надъ самимъ собою.

Человѣкъ, украшенный сею превосходною наукою, покоенъ и безпечаленъ

1. Въ оскорбленіяхъ и поруганіи. Ибо онъ такъ мыслитъ: „Я удостовѣренъ, что самъ себя лучше знаю, нежели другій; кто меня знать „хочетъ. Такой хулитель хотя на сей разъ „не попалъ въ цѣль свою, и пуля его пролетѣла мимо цѣли, а мое утѣшеніе въ совѣсти „моей, почитающей меня свободнымъ отъ сего обвиненія; но есть еще злѣйшіе пороки „которыми можно обвинить меня съ большимъ „правомъ, и хотя отъ него сокрыты, но мнѣ „они извѣстны. Такъ я хочу ихъ исправить, чтобы въ то время когда о нихъ хулитель мой „провѣдаетъ, не напалъ онъ на меня съ слабой „стороны, или бы не открылъ чего такого, чемъ

могъ бы основать свое обвиненіе, и не причинилъ характеру моему неизгладимаго пятна."(*)

Много истиннаго и разумнаго въ ученіи Стоиковъ, хотя они до крайности уже доходили, говоря, что не вещи, а мысли насъ безпокоятъ и вредятъ намъ (**). Но какъ познаніе самаго сего научаетъ человѣка, какимъ образомъ онъ долженъ управлять своими мыслями, (какъ о томъ выше сего въ I части въ главѣ XIV показано), то оно и отвратитъ отъ души его всѣ мучительныя, грустныя и неполезныя мысли, и

---

*) Если кто тебѣ скажетъ, что тотъ-то тебя осуждалъ, не ищи отмстить, но отвѣчай ему такъ, я вижу, что другіе мои пороки ему не извѣстны, а то бы и ими меня попрекнулъ.

**) Людей смущаетъ не столько самое дѣло, какъ мнѣніе о дѣлѣ.

Помни, что не тотъ безчеститъ, кто ругаетъ, или бьетъ; но мнѣніе его.

Тебя никто не можетъ обидѣть, когда ты самъ не захочешь, а только тогда можешь быть обиженъ, когда почтешь себѣ слова его за обиду.

Вещи не касаются души, но внѣ оной пребываютъ, а смущеніе происходитъ отъ одного воображенія.

Вещи сами по себѣ ни мало не касаются души, не входятъ въ нее и не могутъ произвести въ оной никакой перемѣны, ни движенія; душа обращается и движется сама собою.

пособитъ сохранить успокоивающія и полезнѣй шія. Пусть каждый испытаетъ, то найдетъ что малая рѣшительность изтребляетъ боль шую часть затрудненій.

2. *Познаніе самаго себя* послужитъ душ при возстающей бурѣ и колебаніи страстей вмѣсто груза. Оно укрощаетъ ихъ буйство служитъ разуму кормиломъ, укрощаетъ насту пающую бурю, прежде нежели причинитъ он кораблекрушеніе совѣсти, и научаетъ *убѣгат ссоры, прежде нежели войдешь въ сраженіе* Притч. гл. 17. стр. 14. Ибо гораздо лучше держать льва на цѣпи, нежели съ нимъ бороть ся, когда онъ въ полной силѣ и ярости. Сход но сему будетъ поступать благоразумный че ловѣкъ со своими и другихъ людей страстями.

Познаніе самаго себя, показывая человѣку его слабости и худыя свойства, защититъ его отъ оныхъ и сдѣлаетъ щастливый перевѣсъ по роковъ и уклоненій его отъ темперамента.

3. Будетъ содержать душу въ тишинѣ и спо койствіи, если мы когда получимъ неожидаемыя худыя извѣстія, или *когда Провидѣніе низпош летъ на насъ крестъ свой.*

„Ибо не дѣло ли я рукъ Божіихъ? и живот „и удовольствія мои не совершенно ли во вла „сти мнѣ ихъ Даровавшаго; Его же благостію „доселѣ я наслаждался ими, и Его же благода

тію и милостію толь многими еще наслаждаюсь?"

„Язычникъ можетъ меня научить, что должно мнѣ при потерѣ друзей, достатка и удовольствій взирать на руку Божію, оными меня снабдившую, и опять ихъ у меня отъявшую; что не надлежитъ мнѣ говорить: *Это пропало*, а сказать: *Это обратно взято*. Да если бы когда и по несправедливости доведенъ я былъ до таковаго лишенія, однако же всегда долженъ признавать дѣйствующую при томъ руку Божію; ибо что можетъ привести меня въ отчаяніе? Какимъ образомъ отъиметъ у меня благословеніе, Низпославшій мнѣ оное?" (*).

Человѣкъ, *познающій* хорошо *самъ себя*, по причинѣ продолженія и наслажденія дарами благости ежедневно себя вручать будетъ Божественному Дателю оныхъ, и отъ лучшаго питателя, нежели каковъ есть языческій Мораистъ, научится, что нѣтъ у него ничего, что онъ могъ бы назвать *своимъ собственнымъ*, или на что могъ бы положиться, яко на свое собственное, что онъ взирать на себя долженъ какъ на повѣреннаго, обязаннаго добро господина своего употреблять по его велѣнію, и

*) Отъятіемъ даетъ, даяньемъ отнимаетъ.
И тѣмъ лишь къ истиннѣ, къ блаженству приближаетъ.

возвратить ему оное, когда онъ потребуетъ Лук. 16. стр. 1. (*).

4. Сіе *познаніе самаго себя* каждому будетъ споспѣшествовать въ несчастіи имѣть на Бога упованіе, а въ счастіи владѣть самимъ собою.

Несчастіе и благополучіе имѣетъ свои искушенія; для нѣкоторыхъ искушеній счастія, а для другихъ искушенія въ несчастіи суть наисильнѣйшія. *Познаніе самаго себя* показываетъ человѣку, которыя для него наисильнѣйшія, а при попеченіи объ оныхъ научаетъ его надлежащимъ образомъ вооружаться, дабы ничто у него не похитило его твердость и владычество надъ самимъ собою, или не довело бы его до непристойнаго человѣку и Христіанину.

Обыкновенно говорятъ: *Никто не знаетъ что онъ снести можетъ, пока не испытаетъ* и многіе утверждаютъ сіе примѣчаніе, снося однакожъ зло гораздо легче, нежели пекутся предупредить его. Такъ, подлинно забота о приближающемся злѣ часто причиняетъ человѣку большее мученіе, нежели самое зло. Сіе приписывать должно недостатку въ опытахъ и въ познаніи самаго себя.

(*) Вотъ Божественное правило противъ самоубійства, до котораго одни неистовые пороки по несчастію часто доводятъ человѣка.

Человѣкъ, *знающій самъ себя*, свою силу и слабость, не столько, какъ другіе, подверженъ печальнымъ пророчествамъ воображенія; и если предупредить ихъ не можетъ, въ такомъ случаѣ употребляетъ къ тому только, что ихъ остерегается, учреждаетъ себя согласно съ ними, готовитъ себя къ наступающему злу, и съ спокойнымъ надѣяніемъ на силу свою, на мудрость, на благость, оставляетъ степень, продолженіе и слѣдствіе зла тому, который есть неограниченный повелитель всѣхъ приключеній. — Терпѣніемъ стяжите души ваши, говоритъ Св. Писаніе.

И такъ господствованіе надъ самимъ собою есть важное слѣдствіе и величайшая польза, или выгода познанія самаго себя.

ГЛАВА II.

Познаніе самаго себя приводитъ къ разумному и постоянному распоряженію самимъ собою.

II. Какъ познаніе самаго себя будетъ содержать человѣка въ тихомъ и спокойномъ расположеніи мыслей: такъ равно содѣлаетъ его осторожнымъ и благоразумнымъ въ его поступкахъ:

Скоропостижное и необдуманное поведеніе есть всегда слѣдствіемъ блудящихъ и безпорядочныхъ мыслей. Такъ, что когда отъ дѣйствія познанія самаго себя мысли становятся покойны, постоянны и разумны, то и поведеніе таково же будетъ. Оно подаетъ то спокойное, постоянное, единообразное поведеніе въ отправленіи его дѣлъ, которое, если желать, чтобъ дѣла шли порядочно, толь необходимо нужно, и предъупредитъ многія безпокойствія, происходящія отъ несчастнаго слѣдствія незрѣлыхъ и худо расположенныхъ намѣреній.

Кратко сказать, безпокойствія, по большей части въ свѣтѣ съ человѣкомъ случающіяся, можно выводить изъ сего источника, объяснить и недостаткомъ въ познаніи самаго себя. Хотя мы и негодуемъ на Провидѣніе и на людей, но если внимательно разсудимъ, то найдемъ обыкновенно, что вина въ самихъ насъ находится. Неосторожность наша, происходящая отъ незнанія самихъ себя, или навлекаетъ на насъ безпокойствія, или ихъ увеличиваетъ. Недостатокъ въ безпечности (которая берется здѣсь въ добромъ смыслѣ; предполагая, что она раждается отъ печали своей на Господа) и поведеніи удвоитъ всякое неспокойствіе.

Коль длинная цѣпь печалей иногда составляется отъ одной ошибки въ нашемъ поведе-

ніи, которой причиною незнаніе наше о самихъ себѣ, или недовольное размышленіе? И каждое зло, неминуемо за симъ послѣдующее, должны мы приписывать сами себѣ.

ГЛАВА III.

Смиреніе есть слѣдствіе познанія самаго себя.

III) Истинное познаніе самаго себя производитъ всегда смиреніе.

Гордость есть всегдашнимъ слѣдствіемъ незнанія самаго себя. Причина, для чего люди суетны и самолюбивы, есть та, что они ненавидятъ испытанія самихъ себя. Пусть только человѣкъ посмотритъ во внутренняя своя, испытаетъ самихъ себя, и изучитъ сердце свое, тамъ найдетъ онъ довольно, что можетъ сдѣлать его смиреннымъ. *Нищь есмь азъ.* Іов. гл. 40. ст. 4. есть обыкновенное изреченіе познанія самаго себя (*). Откуда происходитъ, что молодые люди вообще толь суетны, толь самолюбивы и толь дерзки, какъ будто ни тру-

(*) Кто самъ себя, хорошо познаетъ, тотъ самъ себѣ презрѣннымъ кажется и не увеселяется людскими похвалами. Ѳомы Комп. о подр. Христ. кн. 1 гл. 2.

да, ни времени не употребили узнать себя. Посредственный степень въ познаніи самаго себя разогналъ бы густую тучу воображенія о самомъ себѣ.

Смиреніе не меньше нужно къ блаженству, сколько познаніе самаго себя къ смиренію.

Оно бы сильно воспрепятствовало тому худому души расположенію, которое весьма способно вкрадывается въ лучшіе нравы, и обыкновенно ихъ заражаетъ (*), (особливо стремящихся къ высокой степени смиренномудрія) т. е. смиренной суетности, или духовной гордости, которая безъ добраго познанія самаго себя и примѣчанія за собою, мало по малу вкрадется въ сердце, заразитъ мысли, и омрачитъ добродѣтель нашу, прежде нежели мы то примѣтимъ; и чѣмъ болѣе сія возрастаетъ, тѣмъ скорѣе смиреніе Христіанское превращается въ Фарисейское.

„Если бы мнѣ отдано было на выборъ, то „я лучше хотѣлъ бы лишиться душевныхъ мо„ихъ увеселеній, нежели съ потерею смиренія „моего оными изобильно наслаждаться. Нѣтъ, „кающійся и сокрушенный духъ да будетъ все„гда моею участію; и я желаю всегда быть

(*) Чѣмъ меньше кто себя видитъ, тѣмъ меньше себѣ не нравится. Григ.

„толь великимъ любимцемъ неба, чтобъ нико-
„гда не забыть, что я великій грѣшникъ. По-
„знаніе о изящныхъ и славныхъ таинствахъ
„Христіанской вѣры, и восхитительныя размы-
„шленія о Богѣ, и о будущемъ состояніи суть
„весьма пріятныя выгоды; однакожъ высочай-
„шимъ совершенствамъ духа, если они сопря-
„жены съ кичащимся знаніемъ, предпочитаю я
„назидающую и исправляющую любовь. „(1. Ко-
рино. гл. 8. ст. 1.) Тѣ духовныя преимущества
суть для насъ конечно лучшія, кои умножаютъ
нашу скромность, возбуждаютъ предвидѣніе, или
осторожность, и дѣлаютъ насъ способными
имѣть къ самимъ себѣ недовѣрчивость и нена-
дежность; тѣ, кои высоко почтенны предъ Бо-
гомъ, суть презрѣнны предъ нами. Преимущест-
ва ихъ состоятъ въ смиреніи и простотѣ
сердечной, а не въ пышности и хвастовствѣ
о ихъ смиренномудріи, желающемъ превознесенну
быть предъ человѣки. (*)

(*) Stanhopes Thom. a Kemp. Кн. 3. глава 2. (Хри-
стосъ) „Сыне! когда ты примѣтишь, что ду-
„ша твоя исполнена богомысліемъ и святымъ
„къ услугѣ моей усердіемъ, то потщись убѣ-
„гать всѣхъ случаевъ то обнародывать, и до-
„вольствуйся тѣмъ „что оно извѣстно Богу и
твоей совѣсти. Старайся паче умѣрять вели-
колѣпные и звучные о томъ разговоры, и угнѣ-

ГЛАВА IV.

Любовь есть такъ же дѣйствіе познанія самаго себя.

IV.) Познаніе самаго себя весьма споспѣшествуетъ духу смиренія и любви.

тать то, въ чемъ ищутъ нѣкоторые высочайшаго степени усердія. Помышляй ниже о собственныхъ твоихъ добродѣтеляхъ. — Иные люди дерзкаго и пылкаго рвенія стремятся къ вещамъ, превосходящимъ силу ихъ, и показываютъ въ ихъ дѣлахъ болѣе горячности, нежели благоразумія. Отъ внутренняго усердія выходятъ они изъ самихъ себя; забываютъ, что они всегда еще только пресмыкающіяся по земли животныя, и ни о чемъ менѣе не смыслятъ, какъ о томъ, что имъ строить должно домъ на небеси. „Но сіи „часто оставляются собственной ихъ судьбѣ, „и научаются плачевными опытами, что утомленное человѣческое превозношеніе слабо и „безполезно, и что никто на небеса не возлетитъ, если я пареніе его не поддержу, и не „понесу его на собственныхъ моихъ крыльяхъ. „— Добродѣтель состоитъ не въ высокомъ степени просвѣщенія и познанія, но въ уничиженіи „духа, въ тишинѣ и любви; во нравѣ Богу совершенно преданномъ, старающемся ему служить и угождать чистосердечно; въ истинномъ увѣреніи о низости всѣхъ человѣковъ; не

Чѣмъ болѣе человѣкъ познаетъ собственные свои пороки, тѣмъ больше будетъ употреблять осторожности относительно къ слабостямъ другихъ. Познаніе, которое онъ имѣетъ о самомъ себѣ, сдѣлаетъ его въ наказаніяхъ за собственное свое поведеніе толь же строгимъ, сколько онъ строгъ относительно къ слабостямъ другихъ людей.

Въ ученіи, данномъ роду человѣческому Искупителемъ нашимъ, находится необыкновенная красота, ясность и пристойность. Онъ глаголетъ: что же видиши сучецъ, иже во оцѣ твоемъ, не чуеши? Или како речеши брату твоему, остави, да изму сучецъ изъ очесе твоего: и се бервно во оцѣ твоемъ? Лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего, тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата

„токмо о самомъ себѣ надобно мыслить уничи-
„жительно, но и любить, что бы другіе то же
„о тебѣ думали. „Тотъ же 3. кн. гл. 8.

Ты можетъ быть скажешь, что и имѣешь худое о себѣ мнѣніе; но повѣрь мнѣ, о душа моя! не столько себя ты презираешь, сколько достойна. Если подлинно себя презираешь, и дѣлаешь изъ сего достоинство, симъ превозносишься, такъ что съ самымъ симъ презрѣніемъ къ самой себѣ сопряжена гордость. см. Iurieu methode de la devot. pag. 3 cap. 10.

твоего. (Матѳ. гл. 7. ст. 3 и 5.) Изъ сихъ словъ ясно открывается четыре обстоятельства: 1) что нѣкоторые гораздо проницательнѣе видятъ пороки и недостатки другихъ людей, нежели свои собственные; что они скорѣе увидятъ сучокъ въ чужихъ глазахъ, нежели бревно въ своихъ собственныхъ. 2) Что тѣ часто бываютъ ревнительны называть и поправлять слабости другихъ, кои всѣхъ неспособнѣе къ сему дѣлу. Бревно, находящееся въ ихъ собственныхъ глазахъ, дѣлаетъ ихъ совсѣмъ неспособными изъять сучокъ изъ очесе ихъ брата. Человѣкъ, который половину самъ слѣпъ, не долженъ никогда хотѣть быть глазнымъ лѣкаремъ. 3) Что имѣющіе охоту къ охужденію, должны всегда начинать съ самихъ себя. 4) Великое стремленіе къ хулѣ, есть великое лицемѣрство. *Лицемѣре* и проч. все сіе есть не что иное, какъ слѣдствіе плачевнаго невѣденія о самомъ себѣ.

Сіе всеобщее несовершенство человѣческаго естества весьма усматривали язычники, и описывали оное слѣдующимъ образомъ: каждый человѣкъ носитъ съ собою два мѣшка: одинъ напереди, а другой за плечами; въ первой кладетъ онъ пороки чужіе, а во второй собственные свои; и для того не видитъ собственныхъ сво-

ихъ преступленій, а на противъ того чужія всегда у него предъ глазами.

Самопознаніе помогаетъ намъ оборачивать сіи мѣшки, и тотъ, въ которомъ лежатъ наши пороки, имѣть предъ глазами, а въ которомъ находятся чужіе, оставлять за спиною. Не должно думать, что другіе такъ же какъ и мы слѣпы въ нашихъ порокахъ, которые всегда будутъ у нихъ предъ глазами, дѣлаемъ ли мы ихъ, или не дѣлаемъ. И если воображаемъ, что люди за нашими пороками не примѣчаютъ для того, что мы ихъ не видимъ, то сіе такъ же безумно, какъ бы мы вздумали, что другіе насъ не видятъ тогда, какъ мы зажмуриваемся.

ГЛАВА V.

Воздержаніе (abstinence) есть дѣйствіе познанія самаго себя.

V. Воздержаніе есть истинное дѣйствіе познанія самаго себя.

Хотя трудно различить сіе воздержаніе отъ упомянутаго смиренія и любви, но я лучше хочу упомянуть о немъ особливо, по тому что взираю на оное съ другой стороны и въ другомъ

его дѣйствіи, то есть: поколику оно сохраняетъ наше сердце во всѣхъ противныхъ и испытательныхъ случаяхъ и на него дѣйствуетъ.

Воздержаніе есть великая и важная Христіанская добродѣтель, которая весьма отлична отъ того злаго расположенія души, подъ видомъ котораго оно часто ложно представляется и скрывается, то есть: отъ *хладнокровія* и *равнодушія* къ истинѣ. Первое можетъ пребывать совокупно съ порядочнымъ и благоумѣреннымъ усердіемъ, а послѣднее состоитъ въ совершенномъ онаго недостаткѣ; воздержаніе увѣрено въ важности и знаменитости божественнаго ученія, старается сохранять его миромъ и благоразуміемъ, послѣднее же, то есть, хладнокровіе, отнюдь о томъ не печется; первое ощущаетъ тайное дѣйствіе ученія, второе совсѣмъ не вѣдаетъ о силѣ и дѣйствительности онаго ученія. Первое въ тишинѣ сѣтуетъ о плачевномъ паденіи живой религіи, а второе показываетъ одинъ наружный примѣръ. Словомъ: первое происходитъ отъ истиннаго познанія, второе отъ невѣжества. Первое есть добрый памятникъ искренности, а второе вѣрный знакъ лицемѣрія. И смѣшивать сіи двѣ вещи между собою, по существу своему толь различнымъ, есть не что иное какъ невѣжество, безразсу-

ость и хотя весьма великое, но безумное сердіе.

Человѣкъ, знающій самъ себя, можетъ различать обѣ сіи вещи. И человѣческія познанія о натурѣ вообще, которыхъ онъ достигаетъ посредствомъ совершеннаго надзиранія за собственною своею натурою, показываютъ ему, коль необходимо (какъ во всѣхъ вещахъ, такъ и въ особенности) между сими двумя путями, выбрать и идти по средней дорогѣ, имѣющей съ одной стороны *суевѣрное усердіе*, а съ другой *нечувствительное хладнокровіе*. Онъ найдетъ не все достойнымъ труда оспоривать, такъ же и о чемъ онъ споритъ, не сочтетъ стоющимъ потери своего спокойствія. Ибо, какой бы важности истинна не была, ничто для нее предосудительнѣе быть не можетъ, и ничто не дѣлаетъ человѣка неспособнѣйшимъ защитникомъ правды, какъ непомѣрная горячность и вспыльчивость. Ими наноситъ онъ вредъ той вещи, которую слишкомъ горячо защищать хочетъ. *Гнѣвъ бо мужа правды Божія не содѣлываетъ*, говоритъ Св. Апостолъ Іаковъ, гл. 1. ст. 20.

Познаніе самаго себя разгоняетъ непріязненное чувство наше и уменьшаетъ горячность нашу въ прѣніяхъ о темныхъ и сумнительныхъ матеріяхъ. Человѣкъ, познающій самъ себя, такъ дорожитъ своимъ временемъ и спокойствомъ

душевнымъ, что не войдетъ въ тщетные и бе
полезные споры, при которыхъ одинъ изъ двух
конечно теряетъ, и другой тому же подве
гается, а особливо когда противурѣчущій им
етъ и злое сердце и злыя основанія, и взир
етъ болѣе на то, чтобъ противурѣчущаго д
вести до молчанія и одержать верьхъ гордо
дерзостію, темными, ничего не значущими сл
вами, рѣшительными взглядами, и пылкими вы
раженіями, нежели на то, чтобъ увѣрить е
основательными доказательствами въ истинн
При такихъ обстоятельствахъ превосходств
и самой лучшей вещи можетъ быть уничто
жено. И благоразумный, воздержный человѣкъ
знающій себя и человѣческое сердце, оставит
лучше поединщику своему мнимую побѣду, не
жели пустится въ толь неравный споръ.

Желаніе и горячность обо всѣмъ и со всѣм
спорить, показываетъ великое о самомъ себ
мечтаніе, что всегда есть неложнымъ знаком
невѣденія о самомъ себѣ. Истинная воздер
жность, являющая въ изреченіяхъ равнодуш
къ малымъ вещамъ и благоразумную горячност
къ важнымъ, можетъ происходить не отъ че
го инаго, какъ отъ истиннаго познанія вещей
имѣющаго основаніемъ познаніе самаго себя.

ГЛАВА VI.

ОЗНАНІЕ САМАГО СЕБЯ ИСПРАВЛЯЕТЪ РАЗСУДИТЕЛЬНУЮ СИЛУ.

VI. Вторая великая выгода, если мы самихъ ебя хорошо знаемъ, есть та, что можемъ разуждать лучше о другихъ вещахъ.

Самопознаніе хотя и не увеличиваетъ, или е умножаетъ естественныхъ нашихъ способостей, однако служитъ имъ путеводителемъ и приводитъ ихъ въ порядокъ. Оно рукоодствуетъ насъ къ истинному употребленію обращенію силъ нашихъ. Очищаетъ путь отъ ногихъ предметовъ, его затрудняющихъ, какъ ло: гордости, предразсужденія, страсти и проч. ои часто разсудительную силу жалкимъ образомъ развращаютъ.

Человѣкъ, вѣрную мѣру о себѣ имѣющій, луше можетъ мѣрить другія вещи.

1) Онъ можетъ разсуждать лучше о людяхъ о сердцахъ человѣческихъ. — Ибо сердце человѣческое, если не смотрѣть на различіе врожденнаго душевнаго сложенія и исправленнаго воспитаніемъ и Религіею, есть всюду почти одинаково. У всѣхъ людей страсти и желанія одинаковы, тѣ же естественныя слабости и склонности, хотя у нѣкоторыхъ они больше

и примѣчательнѣе нежели у другихъ такъ чт
если человѣкъ хорошо знаетъ свое только сер
це, то узнаетъ онъ, съ небольшимъ трудом
и примѣчаніемъ, сердце и другихъ людей; ем
покажетъ оно ихъ недостатки и совершенст
и послужитъ къ гораздо справедливѣйшему
нихъ заключенію, нежели какое бы онъ сдѣлал
судя по наружности, по виду, какой они им
ютъ въ мірѣ, или по характеру, какой имъ от
другихъ присвояется, что весьма часто обм
ываетъ.

2) Самопознаніе научитъ насъ судить спр
ведливо, какъ о дѣйствіяхъ, такъ и о сами
людяхъ. Оно представитъ душѣ нашей вещи
истинномъ ихъ свѣтѣ, и въ настоящихъ кра
кахъ безъ ложнаго блеска, отъ неосновател
ности ими получаемаго, или воображеніемъ ча
то имъ сообщаемаго. Оно научитъ насъ ра
суждать не воображеніемъ, а разумомъ, и обу
даетъ первое, часто вещи ложно представля
щее, и дѣлающее въ сердцѣ ложныя впечатл
нія. (см. часть I, гл. IV.)

3) Оно служитъ намъ мѣрою — всѣмъ земны
благамъ отдавать истинную цѣну. Оно плод
творитъ справедливыя о нихъ понятія, умен
шаетъ непомѣрное почтеніе, какое обыкнове
но мы къ онымъ имѣемъ. Ибо ежели кто зн
етъ самаго себя и свое истинное благо, тот

смотритъ, коликую имѣетъ нужду въ вещахъ наружныхъ, до какой степени сія нужда можетъ простираться, и гдѣ оныя ему вредны, не приличны, соблазнительны. Сіе-то познаніе и отнюдь не всеобщая неосновательность міра сего, будетъ ему правиломъ, по которому онъ свои разсужденія располагать станетъ. Такимъ познаніемъ онъ проникнетъ во всѣ сіи вещи, увидитъ какое ихъ основаніе, и до какихъ предѣловъ человѣкъ благоразумный ихъ искать долженъ. Причина, для чего люди придаютъ симъ вещамъ излишнее достоинство, есть та, что они на нихъ взираютъ сверьху, и разсматриваютъ ихъ только наружность, которая у нихъ чрезвычайно казиста и прелестна. О если бы они безпристрастно посмотрѣли въ свою внутренность, разобрали существенную свою цѣну, обыкновенныя свои дѣйствія, употребленіе и конецъ, то не придавали бы имъ толь чрезмѣрнаго достоинства. Человѣкъ, изучившійся проникать въ самаго себя, можетъ легко проникнуть и въ сіи вещи (*).

(*) Богатство, почести, могущество и пр., получающія всѣ свою цѣну отъ ложнаго нашего воображенія, которое о нихъ мы имѣемъ, а сами въ себѣ заключающія не великое достоинство, обыкновенно отвлекаютъ сердце наше отъ доб-

ГЛАВА VII.

Познаніе самаго себя руководствуетъ къ истинному исполненію Христіанской должности, состоящей въ отрицаніи и отверженіи самаго себя.

VII. Человѣкъ, лучшимъ образомъ познающій самъ себя, вѣдаетъ, какъ и въ чемъ онъ долженъ отрицать, или отвергать себя.

Великая должность отверженія самаго себя, толь ясно Спасителемъ нашимъ требуемая отъ всѣхъ его послѣдователей, весьма измѣнена и во зло употреблена до крайности. Въ разныхъ Религіяхъ люди налагаютъ на себя самовольное воздержаніе отъ нѣкоторыхъ вещей, или подвергаются ненужной строгости. Въ разсужденіяхъ своихъ они строги относительно употребленія тѣхъ вещей, кои сами по себѣ ничего

родѣтели. Мы не знаемъ ихъ цѣны. Не должно судить о нихъ по всеобщему гласу, но по собственному ихъ существу. Они не имѣютъ въ себѣ ничего такого, что могло бы привлечь къ нимъ наше сердце, кромѣ того, что мы привыкли имъ удивляться. Вещи сіи не для того почетны, что по ихъ свойству мы стремиться къ нимъ обязаны, но для того къ нимъ стремятся, что ихъ почитаютъ.

не значатъ. Но если бы отверженіе самаго себя они полагали только въ ясныхъ и важныхъ дѣлахъ Христіанскаго служенія, свято наблюдали необходимыя должности, толико имъ противныя, и постоянно убѣгали бы извѣстныхъ грѣховъ, къ которымъ большею частію склонны, какъ тому научаетъ Св. Писаніе, и старались бы быть лучшими, разумнѣйшими и примѣрными Христіанами, и когда бы они сами себя знали, то легко бы усмотрѣли, что во всѣмъ ономъ есть довольно случаевъ и причинъ къ отверженію самаго себя, и что все сіе соединено съ большею строгостію и большимъ прудомъ, нежели тѣ малыя любимыя воздержности, на самыхъ себя ими налагаемыя.

1) Самопознаніе ведетъ насъ къ нужнѣйшему употребленію отверженія самаго себя, въ разсужденіи тѣхъ должностей, къ коимъ душа наша не имѣетъ никакихъ склонностей.

Нѣтъ ни одного человѣка, который бы иногда не замѣтилъ за собою великой лѣности и отвращенія отъ нѣкоторыхъ должностей, о коихъ онъ знаетъ, что наступило для нихъ время, и что онѣ нужны. И тогда-то настоитъ нужда и истинной случай исправить самаго себя, ибо весьма опасно слѣдовать сему отвращенію; отъ коего послѣдуетъ, что неисполненіе извѣстной должности дѣлается привычкою. Надобно проти-

устоять сему неисполненію, бороться съ нимъ и приготовляться къ прилѣжному и вѣрному исполненію обязанности, въ неисполненіи которой плотскій умъ многія найдетъ извиненія. Все сіе требуетъ отъ насъ не малаго труда и отверженія самаго себя, если хотимъ сохранять спокойную совѣсть.

А дабы возбудить себя къ такому роду отверженія, осмѣлимся только помыслить, что тягость должности и нашу къ оной неспособность, найдемъ при испытаніи гораздо меньшею, нежели какъ о томъ думаемъ. Удовольствіе при той мысли, что совѣсть свою очистили, и дали новое доказательство нашего чистосердечія, достаточно наградитъ насъ за трудъ и тягость, встрѣтившіеся намъ при семъ одолѣніи. И чѣмъ чаще противишься постыдной склонности къ самовольной прогулкѣ должности, и оную побѣждаешь, тѣмъ рѣже приходить она будетъ, или тѣмъ слабѣе она становится; она Божіимъ благословеніемъ наконецъ даже совершенно побѣждена будетъ. И отъ того послѣдуетъ въ привычку вошедшая вмѣсто оной готовность ко всякому доброму дѣлу, и чистѣйшее незазорное удовольствіе самимъ собою. Тогда будетъ можно ожидать гораздо счастливѣйшаго успѣха отъ строгаго употре-

бленія отверженія самаго себя въ упомянутыхъ случаяхъ.

2) Человѣкъ, знающій самъ себя, скоро увидитъ необходимость въ отверженіи самаго себя, дабы склонности свои въ порочныхъ дѣяніяхъ угнѣтать и воздерживать, укрощать внутреннихъ мятежниковъ, противустоять приманчивой чувственности и похотѣніямъ, презирать всю свою мудрость для избѣжанія случаевъ и искушеній грѣховныхъ, и употреблять къ тому всѣ свои силы, что бы злу противуборствовать.

Все сіе, (а особливо если то любимый грѣхъ нашего сложенія) будетъ стоить великаго труда и умерщвленія плоти. На пр. укротить сильную страсть, обуздать грѣховную склонность, или простить мнимую обиду и поруганіе. Ясно, что такая надъ самимъ собою побѣда, не можетъ быть одержана безъ великаго о самомъ себѣ познанія и отверженія.

И сіе отверженіе самаго себя, такимъ образомъ тобою употребляемое, подастъ какъ ясный доводъ о нашемъ чистосердечіи, такъ и послужитъ благу святой вѣры, и къ великому ея украшенію болѣе, нежели величайшее усердіе къ онымъ особливымъ должностямъ, кои съ нашимъ сложеніемъ мы исправляемъ спокойно.

Коль высокаго степени благочестія достигли нѣкоторые (воспарившіе на крильяхъ горящаго усердія, и оказавшіе успѣхъ въ маловажныхъ вещахъ необычайною точностію и строгостію) и кои при всемъ томъ можетъ быть не могли побѣдить одной страсти, показывая, что они любимаго своего порока еще не знаютъ и суть его невольники! Изъ невѣденія о самихъ себѣ, они показываютъ усердіе не кстатѣ, и свое отверженіе не у мѣста, опорочивая чрезъ то свой характеръ явнымъ несовершенствомъ. (*)

ГЛАВА VIII.

Познаніе самаго себя дѣлаетъ насъ полезнѣйшими въ мірѣ.

VIII. Чѣмъ лучше мы познаемъ себя, тѣмъ съ большею пользою занимаемъ тѣ мѣста въ жизни, въ которыя насъ Провидѣніе поставило.

(*) Благочестивое усердіе можетъ дѣятельнымъ явиться, не будучи вреднымъ, и можетъ блистать не возгорѣвши.

Когда намъ извѣстны собственныя наши дарованія и способности, тогда мы знаемъ какимъ образомъ можно быть полезными; и уваженіе нашего состоянія, и нашихъ въ мірѣ отношеній приведетъ насъ къ истинному употребленію нашихъ дарованій, и покажетъ намъ для какого предмета они дарованы, и къ какимъ намѣреніямъ мы употреблять ихъ долженствуемъ.

Многіе изъ почитающихся остроумными людьми и изъ желающихъ имѣть необыкновенную смѣлость и тонкость разума, препровождаютъ время свое неприличнымъ образомъ; проживаютъ цѣлые дни, недѣли, а иногда и нѣсколько мѣсяцовъ сряду такъ безполезно, какъ будто во все сіе время они спятъ и отнюдь не существуютъ. — И хотя бы силы ихъ разума такъ были хороши, что они и другихъ научить въ состояніи, но со всѣмъ тѣмъ еще требуютъ поправленія; если же они не таковы, то поправленіе сіе тѣмъ нужнѣе. — Великій разумъ толь мало освобождаетъ насъ отъ прилѣжанія, что во всѣ времена, какъ я нахожу, мужи тончайшаго разума наистрожайше смотрѣли за употребленіемъ своего времени. И потому я весьма сомнѣваюсь о преимуществѣ разума тѣхъ людей, кои губятъ время въ развратѣ и безразсудно.

Весьма оскорбительно видѣть, сколь бѣдственно нѣкоторые люди уменьшаютъ и безчестятъ свои способности. Дары природы, предъ другими въ нихъ сіяющіе и дающіе имъ способъ оказать истинныя услуги добродѣтели и святой вѣрѣ, быть преимущественно полезными роду человѣческому; сіи-то дарованія или совсѣмъ они опускаютъ, или злоупотребляютъ ихъ въ безчестіе Божіе и предразсужденіе собратій своихъ, дѣлая сихъ послѣднихъ порочнѣйшими, суетнѣйшими, наглѣйшими и безпечнѣйшими. Ибо ложный блескъ спокойство нарушающаго разума, обыкновенно дѣлаетъ иногда толь сильныя впечатлѣнія въ головѣ слабой и легковѣрной, что истребляетъ начальныя положенія здраваго разсудка и истинной Философіи, и приводитъ ее къ такимъ вещамъ мыслить, кои достойны омерзѣнія. Напротивъ того сія самая сила и живость остроумнаго и отъ природы облагодѣтельствованнаго духа, весьма счастливо и полезно могла бы употребляться, если бы употреблена была на посрамленіе порока, на осмѣяніе глупости и на обнаженіе сквернаго и постыднаго характера.

Чѣмъ большія кто получилъ отъ Бога дарованія и способности, тѣмъ больше долженъ трудиться. — Сіе примѣчаніе сдѣлалъ Свят. *Златоустъ*. И подлинно: ибо таковой долженъ

дать отвѣтъ болѣе другаго; что я почитаю лучшимъ основаніемъ, нежели то, которое приводитъ сей церковный учитель, а именно: *что таковой въ семъ случаѣ подверженъ большей утратѣ.*

Когда кто узналъ, въ чемъ онъ силенъ, въ чемъ предъ другими преимуществуетъ, или превосходить можетъ, сколько онъ въ силахъ надъ другими, въ какое состояніе поставило его Провидѣніе, и какія суть обязанности сего состоянія, тотъ знаетъ уже какія дарованія онъ долженъ стараться исправлять, къ какимъ предметамъ наипаче обязанъ стремиться, и какъ ихъ употреблять, дабы достигнуть къ чести въ своемъ мѣстѣ, и быть въ ономъ полезнымъ. Сіе произведетъ то послѣдствіе, что въ своемъ стремленіи и намѣреніяхъ онъ будетъ скроменъ и постояненъ; будетъ самъ себѣ подобенъ, единообразенъ въ своихъ поступкахъ, и людямъ доставитъ пользу; также не станетъ гоняться за ложнымъ предметомъ, или вмѣсто справедливаго не погонится за ложнымъ, какъ то съ весьма многими случается единственно потому, что недостаетъ у нихъ искуса въ наукѣ познанія самаго себя. (См. Част. 1. гл. 5.)

ГЛАВА IX.

Познаніе самаго себя научаетъ насъ поступать прилично и сообразно нашему характеру.

IX. Человѣкъ, познающій самъ себя, вѣдает такъ же и то, какъ ему поступать сообразно своему состоянію, и прилично званію и благоразумно.

Почти все *смѣха достойное* въ мірѣ намзримое происходитъ отъ недостатка въ познаніи самаго себя. Когда хотятъ о комъ сказать, что онъ поступаетъ не согласно с своимъ характеромъ, то говорятъ: *онъ не знаетъ самъ себя.* Притворство есть источник всего смѣшнаго, а недостатокъ въ познаніи самаго себя, есть истинный источникъ притворства. Человѣкъ, не знающій своего характер и не вѣдающій, что оному прилично, не может и поступать сообразно съ своимъ характером Часто онъ будетъ принимать на себя тот характеръ, который ему со всѣмъ не свойсп венъ, и будетъ поступать или выше, или н же своего состоянія, что и сдѣлаетъ его пр зрительнымъ въ глазахъ его знакомыхъ.

Мужъ *высокаго* состоянія и характера, знающій самъ себя, знаетъ такъ же, что онъ не болѣе, какъ человѣкъ же, что онъ подверженъ тѣмъ же болѣзнямъ, тѣмъ же преступленіямъ, слабостямъ, огорченіямъ, страстямъ и заботамъ, какимъ и другіе люди; что истинная честь состоитъ въ вещахъ, въ коихъ и послѣдній мужикъ его превзойти можетъ; и онъ не станетъ суетно гордиться. Онъ вѣдаетъ, что одни только преходящія и случайныя вещи возвышаютъ его предъ другими людьми, что онъ вскорѣ имъ будетъ равенъ, и отсюду научается быть снисходительнымъ. И въ семъ то снисхожденіи сокрывается нѣкое величество; оно не унижаетъ чести его и характера, но возвышаетъ оныя.

Человѣкъ *нижняго* состоянія, знающій самъ себя, умѣетъ быть въ своемъ состояніи спокойнымъ, тихимъ и благодарнымъ. Поелику онъ не имѣетъ ни какого излишняго уваженія и почтенія къ тѣмъ наружнымъ вещамъ, кои обстоятельствами выше его возносятъ другаго, то и не чтитъ себя презрѣннымъ и худшимъ потому только, что онъ ихъ не имѣетъ; и тѣмъ менѣе завидуетъ людямъ оными украшающимся. И такъ, какъ не наслаждается преимуществами оныхъ, то и свободенъ отъ ихъ искушенія; онъ доволенъ тѣмъ состояніемъ,

жизни, въ какомъ опредѣлилъ ему быть Раздѣ-
литель состояній и Господь всяческихъ: но
поелику и къ наружному возвышенію обязаны лю-
ди извѣстнымъ почтеніемъ, то знаетъ онъ, что
надобно и ему высшимъ себя оказывать до-
стойное почтеніе, не пріемля на себя того
подлаго, рабскаго и пресмыкающагося вида, с
каковымъ воздаетъ его возвышенному состоянію
неумѣренное высокопочитаніе. И такъ какъ онъ
сіе состояніе по причинѣ не великихъ случай-
ныхъ преимуществъ, ставитъ не выше дол-
жной мѣры, то не думаетъ быть выше ихъ
по причинѣ того, чѣмъ онъ предъ ними преи-
муществуетъ. Если бы слушатели, на примѣръ
проповѣди, сами себя знали, то не осмѣлива-
лись бы хотѣть предписывать ихъ учителямъ,
или духовнымъ наставникамъ, какимъ образомъ
они должны учить ихъ. (Что похоже по при-
мѣчанію западнаго Августина на то, когда боль-
ный позвавъ своего врача, захотѣлъ бы ему
предписывать, какія онъ долженъ давать ему
лѣкарства.) Но услыша несходствующее с
прежними ихъ мыслями, читали бы прилѣжнѣе
Св. Писаніе и старались разсуждать, *аще суть
сія тако.* (Дѣян. гл. 17. стр. 11.) Съ другой
стороны, когда бы духовные наставники сами
себя знали, то старались бы лучше познавать
существенность и должность своего сана, и

едостатокъ и слабости своихъ слушателей, ежели повелѣвая имъ въ вѣрѣ, показывать свое ревосходство, и пеклись бы менѣе о снискаіи народнаго благоволенія, а болѣе о споспѣшествованіи пользѣ слушателей своихъ; — заботились бы больше о ихъ назиданіи, нежели о охвалѣ; (пріятнѣйшая пища не всегда есть доровѣйшая) искали бы, подобно доброму врачу, блага болящихъ, хотя бы и не очень пріятными средствами, и хотя бы съ потерею важенія своего сана, подвергаясь лучше поріанію зломысленныхъ толкователей, нежели малчивая о чемъ либо полезномъ для слушателей, или противномъ Богу и совѣсти. Болящіе не должны надѣяться, что всегда будутъ мъ давать лѣкарства по ихъ желанію, и врачи е должны уповать, что ихъ всегда похвалять удутъ.

ГЛАВА X.

Благочестіе есть дѣйствіе познанія самаго себя.

X. Познаніе самаго себя весьма сильно вспобществуетъ усердію къ истинному благочестію.

*

Ничего нѣтъ невозможнѣе, какъ невѣдени самаго себя быть *матерію* благочестія. Напро тивъ того между всѣми невѣденіями нѣтъ сил нѣйшаго для него яда, какъ *невѣденія о со молѣ себѣ*.

Сіе послѣднее весьма способно уживаться с суевѣріемъ, лицемѣріемъ и ханжествомъ, обы новенными обезьянами истиннаго благочестія кои отъ слабыхъ и легковѣрныхъ головъ ча то почитаются за подлинникъ, коему они по ражаютъ.

Но истинная богобоязливость и благочест могутъ произтекать не изъ иныхъ какихъ и точниковъ, какъ токмо изъ справедливаго п знанія о Богѣ и о самомъ себѣ, объ отноше яхъ, въ какихъ мы съ Нимъ находимся, и от упованія, какое на Него возлагаемъ; ибо ес взираемъ на себя, какъ на такія Его творен кои произвелъ Онъ для славы Своей, и кои къ какому другому блаженству не удобны, кр мѣ произходящаго отъ Его милосердія; поели все, что мы имѣемъ и чего надѣемся, долж ожидать совершенно и твердо отъ Него;— пока сію мысль питаемъ въ нашемъ сердц что болѣе подвигнетъ и привлечетъ насъ л бить Его яко нашего Бога Отца Всемогуща любить яко Друга и Помощника, бояться уповать на Него? что можетъ быть восхи

пельнѣе сего высочайшаго увѣренія, не изобра-
имаго никакими словами.

ГЛАВА XI.

Познаніе самаго себя научаетъ насъ справедливому исполненію должностей Св. вѣры.

XI. Познаніе самаго себя принесетъ намъ
весьма великую пользу во многихъ должностяхъ
нашего благоговѣнія, и послужитъ руководс-
твомъ, особливо

1) Къ *должности молитвы*; и сіе какъ въ
разсужденіи *содержанія*, такъ равно способа и
образа (*). Кто хорошо знаетъ самъ себя, тотъ
весьма ясно увидитъ духовную свою бѣдность;
а кто свѣдущъ о духовной своей бѣдности,
тотъ не будетъ въ недоумѣніи, о чемъ ему
молиться. „Сердца наши были бы лучшими мо-
„литвенными книгами, если бы мы были доволь-
„но искусны и умѣли въ нихъ читать. На что
„люди при смерти молятся, и для чего жела-
„ютъ, чтобъ съ ними молились? Для того,
„что они начинаютъ познавать себя лучше.

(*) Тотъ истинному Богу кланяется, кто знаетъ самъ себя.

„Если бы они хотѣли внимать теперь гласу „Божію и совѣсти, то не пребылибъ въ безмол„віи; но глухо-рожденные, остаются всегда „глухи."

Впрочемъ познаніе о самихъ себѣ не только научитъ насъ говорить, но и молиться с горячностію; оно послужитъ къ *сохраненію* в *добромъ расположеніи какъ сердца нашего такъ и словъ нашихъ предъ Богомъ*, и слѣдовательно послужитъ намъ къ испрошенію даровъ молитвы и Его милосердія. Еслибъ мы только с вниматель ностію подумали, кто мы, и что предпринимаемъ, кому молимся, и для чего молимся, то не возможно чтобъ могли быть толь мертвы, толь тяжелы, и толь не искусны при исполненіи сей должности, каковымъ бываемъ весьма часто. Единое о семъ представленіе вліяло бы въ насъ животъ, вѣру и огнь внутренній.

2. Познаніе самаго себя было бы для насъ весьма полезно въ должности благодаренія; ибо оно намъ показываетъ, коль нужны и коль пріятны суть дары благодати, нами отъ Бога получаемые. Христіанинъ, сохраняющій въ сердцѣ своемъ познаніе о самомъ себѣ, разсуждаетъ о томъ что онъ имѣетъ, и о томъ чего ему недостаетъ, и толь живо о изяществѣ даровъ милосердія увѣренъ, какъ и о своемъ недоста

нствѣ. А сіе дѣлаетъ его благодарнымъ. Отюда же происходитъ, что сердце Христіанина стаеваетъ отъ благодарности за нѣкоторые ары, кои почитаютъ другіе за весьма малое, можетъ быть и пренебрегаютъ, ибо въ оыхъ того не имѣютъ, что чтутъ за великое. Но человѣкъ, познающій самъ себя, вѣдаетъ, то онъ совершенно ничего не заслуживаетъ, потому за все благодаритъ. Ибо желаніе блаодарности также необходимо произтекаетъ тъ смиренія, какъ и смиреніе отъ познанія амаго себя.

3) Въ должности чтенія и слышанія слова ожія. Познаніе самаго себя превосходно полено для содѣланія насъ способными къ *разумѣію и употребленію читаемаго, или слушаемаго* нами. Еслибъ мы знали лучше сердце наше, о разумѣли бы лучше и слово Божіе; ибо оно оворитъ за сердце наше. Человѣкъ, знающій обственное свое сердце, видитъ, коль глуоко проникаетъ Божественное слово во внуренняя его, испытываетъ, дознаетъ и открыетъ всѣ его изгибы. Чувствуетъ онъ, что итаетъ, и находитъ то *животворящимъ дуомъ*, что для другаго, самаго себя не знающаго, есть *мертвымъ писменемъ*.

Сіе самаго себя познаніе, научаетъ еще чеовѣка, какъ долженъ онъ употреблять, или

производить въ дѣйство то, что о словѣ Божіемъ читаетъ, или слышитъ. Онъ видитъ пристойное, согласное и пригодное съ своимъ состояніемъ, и сохраняетъ оное вѣрно въ хранилищѣ своего сердца, занимаясь тѣмъ съ разсмотрѣніемъ въ дальнѣйшихъ своихъ размышленіяхъ, и получая отъ того большую пользу. Симъ искуствомъ употребленія Св. Писанія, и напоминовеніемъ полезнѣйшаго ученія и увѣщанія нашей совѣсти, мы достигаемъ величайшей пользы.

4) Ничто такъ не полезно въ важной должности *духовнаго размышленія*, а особливо въ той части, которая состоитъ въ разглагольствіи сердечномъ. Человѣкъ, окторый самъ себѣ не извѣстенъ, есть столько же неискусенъ разглагольствовать самъ съ собою, какъ и съ иностранцомъ, котораго никогда не видывалъ, и вкусѣ котораго со всѣмъ не знаетъ. Не вѣдаетъ онъ, какъ ему сложить свои мысли; и имѣетъ надъ ними толь мало власти, сколько полководецъ надъ дикимъ и не повинующимся войскомъ, никогда не обучавшимся и къ повиновенію и порядку не привыкшимъ; но человѣкъ, съ горячностію старавшійся узнать самаго себя, скоро получаетъ охоту вступить въ довѣрчивое обхожденіе съ собственнымъ своимъ сердцемъ; чрезъ такіе разговоры возрастая болѣе и бо

лѣе въ истинной премудрости, достигаетъ полезнѣйшихъ и основательнѣйшихъ познаній, нежели какія могъ бы снискать въ образованнѣйшей свѣтской бесѣдѣ. Толь превосходная польза заключается въ познаніи самаго себя во всѣхъ должностяхъ, благоговѣнія и Богобоязненности.

ГЛАВА XII.

Познаніе самаго себя есть наилучшее приготовленіе къ смерти.

XII) Познаніе самаго себя послужитъ къ обыкновенному приготовленію къ смерти, и къ непрестанному защищенію противъ нечаяннаго нашествія оной.

Поелику сіе познаніе опредѣляетъ и утверждаетъ надежду нашу на будущее блаженство, то все дѣлающее помышленія о смерти для души ужасными, есть совершенное ея невѣдѣніе о томъ, что съ нею по смерти произходить будетъ. Средство отнять сію неизвѣстность, состоитъ въ томъ единомъ, чтобы сдѣлать представленіе смерти тысячью веща-

ми пріятнымъ. (*) „Сомнѣніе и неизвѣстность „о будущемъ состояніи заставляетъ человѣка „ужасаться смерти: смерть есть ничто; но „мы того боимся, что не знаемъ что мы, и „гдѣ будемъ.„ Однако доброе познаніе самаго себя разгоняетъ темноту сію, и разсѣяваетъ страшное оное сомнѣніе. Ибо такъ какъ Божіе слово открыло извѣстность будущаго блаженнаго состоянія, въ которое войти долженъ благочестивый по смерти своей; и какъ показало ему потребныя для того свойства, то и возвышается онъ своею надеждою къ Небу, торжествуя вскорѣ надъ страхомъ смертнымъ, если только откроетъ у себя тѣ свойства долговременнымъ, труднымъ познаніемъ самаго себя. И хотя онъ сдѣлать ясное и чистое понятіе о свойствѣ будущаго блаженства не въ состояніи; но вообще увѣренъ, что оно высочайшимъ образомъ пріятно, неизреченно велико, и все то, заключать въ себѣ будетъ, что

(*) Въ глазахъ нашихъ дѣлаетъ смерть противною то, что она поставляетъ насъ между неизвѣстныхъ предметовъ, намъ со всѣмъ не знакомыхъ. Мы трепещемъ при представленіи тѣхъ вещей, коихъ не знаемъ. Въ насъ есть естественный страхъ къ темнотѣ; а смерть есть (скачокъ) въ темное, во мрачность. Сенек. пис. 83.

нужно къ содѣланію его совершеннымъ; потому что оное произтекать будетъ непосредственно отъ Бога. (*) Напротивъ того невѣдущіе,

(*) Когда мы говоримъ, что состояніе того свѣта не извѣстно, то сіе означаетъ одно то, что оно есть такое блаженное состояніе, которое выше всего, изъ опытовъ намъ извѣстнаго, выше всякаго представленія, какое сдѣлать о немъ можемъ. Мы вѣдаемъ, что такое блаженство существуетъ; мы вѣдаемъ нѣкоторымъ образомъ, въ чемъ состоитъ сіе блаженство, то есть, что, узримъ Бога, и Господа нашего Іисуса Христа насъ возлюбившаго, и давшаго себѣ за ны: что будемъ прославлять нашего Создателя и Искупителя, и будемъ окружены Святыми и Ангелами. Но коль велико и восхитительно сіе удовольствіе, сказать не можемъ, по тому что никогда его не чувствовали. — Однакожъ мнѣ кажется сіе должно содѣлывать для насъ представленіе смерти не непріятнымъ, и не отвращать отъ вхожденія въ небо; ибо небесное блаженство такъ велико, что пребывая въ семъ мірѣ, не можемъ не только понять его, ниже представить. Люди отъ естества своего имѣютъ желаніе къ неизвѣстному и неизвѣданному удовольствію, что не только служитъ къ ихъ умаленію, но умножаетъ ихъ чаяніе потому только, что исполненіе его не извѣстно. Въ вещахъ сего міра, услажденіе уменьшаетъ обыкновенно почтеніе и достоинство удовольствію нами прилагаемое; и мы всегда почитаемъ то высокимъ, чего нико-

что они *суть*, не будутъ знать и того, что они *будутъ*. Человѣкъ, внутри себя весь тьму составляющій, не можетъ видѣть и предъ собою ничего другаго, кромѣ темноты и тучи заблужденій. (*)

Ахъ! сколько бы мы за то дали, когда бы могли достигнуть въ смерти исполненія извѣстнаго упованія! Читатель! если ты желаешь сего пріобрѣтенія, *то учись познавать Бога и самаго себя.*

Конецъ второй части.

гда не вкушали. Мнѣ кажется, что блаженство онаго свѣта не должно быть единою вещію нами презираемою прежде испытанія. — Блаженство небесное такъ велико, что его на земли провидѣть не возможно; ибо если бы мы его нынѣ совершенно видѣли, то оно не должно бы быть толь великимъ.

Надежда и по смерть невѣденье конца,
Есть нужное съ людьми различіе Творца.
На нихъ основанъ міръ — надежда, неизвѣстность
Хранятъ всеобщу связь, творятъ священной вѣчность.

(*) Тому смерть горька, кто искалъ міру быть извѣстнымъ, и умираетъ неизвѣстнымъ самъ себѣ. Sen. Tha. Thyes.

О
ПОЗНАНІИ
САМАГО СЕБЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О томъ, какимъ образомъ должно достигать познанія самаго себя.

Изъ всего, въ предъидущихъ двухъ частяхъ по сей матеріи изложеннаго, открывается, что познаніе себя самаго по себѣ толь выгодно, въ слѣдствіяхъ своихъ толь полезно, и къ блаженству человѣческому толь благопоспѣшительно, что не нужно еще прибавлять какихъ либо побудительныхъ причинъ, или увѣщаній для возбужденія насъ къ принятію сего познанія цѣлію нашихъ стараній и стремленій. Когда мы разсматриваемъ спокойствіе и пользу нашу въ семъ мірѣ, или будущее вѣчное наше благо, то конечно почтемъ сіе познаніе выше прочихъ, и будемъ стараться о снисканіи его. Оно же послужитъ къ величайшему украшенію нашего характера, отъ него произрастетъ будущее наше благо въ ономъ свѣтѣ, и прозябнутъ

плоды, могущіе наградить насъ за старанія наши.

Если бы нужно было приводить болѣе побудительныхъ причинъ къ одобренію нашему упражняться въ ономъ, то могъ бы я открыть многія ужасныя слѣдствія невѣденія самаго себя, и показать, какъ то ясно видно, что оно есть источникъ всякаго буйства и глупости, видимой нами въ характерахъ человѣческихъ, и что оно есть причиною грусти и бѣдности, встрѣчающейся съ нами въ здѣшнемъ мірѣ. Сіе скоро и весьма ясно увидишь, ежели съ другой стороны представишь себѣ прежде-упомянутыя преимущества, произходящія отъ познанія самаго себя. Ибо что иное, какъ не недостатокъ въ познаніи самаго себя, и въ господствѣ надъ самимъ собою, дѣлаетъ насъ толь невѣрными и толь непостоянными въ нашихъ намѣреніяхъ? Почто мы въ разныхъ состояніяхъ человѣческой жизни толь легко излишествуемъ въ страстяхъ нашихъ? Толико торопливы и неосторожны въ нашемъ поведеніи? Толь суетны, необразованны, и злобны? Толь горячи и отважны? Толь мало полезны въ мірѣ въ сравненіи того, сколько быть должны? И толь мало сами себѣ подобны? Толь заблуждаемся въ понятіяхъ нашихъ о истинной Религіи? Толь отвращены отъ святѣйшихъ дол-

жностей оной, и толь мало ими занимаемся, и наконецъ, что мы толико не способны къ смерти, и трепещемъ ее толь много? — Чему, говорю, все сіе приписать, ежели не недостатку въ познаніи самаго себя, яко первому и изобильному источнику сихъ продолжительныхъ слѣдствій золъ? — И въ самомъ дѣлѣ трудно зло найти, которое не происходило бы отъ невѣденія самаго себя. Кратко сказать: оно дѣлаетъ человѣка скотомъ. *Человѣкъ въ чести сый не разумѣ* (особливо о самомъ себѣ) *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ*, Псал. 48. ст. 21.

„Обратися же сама къ себѣ, душа моя, „ни во что сама себя вмѣняющая! не теряйся въ дикости и шумѣ непристойныхъ, суетныхъ и разсѣявающихъ тебя „вещей. Упражненіе твое ближе къ тебѣ; „страна, въ которую ты должна обращать умственные взоры свои и пройти сквозѣ, въ „тебѣ находится; изъ нее надлежитъ тебѣ „выйти въ ту, которая надъ тобою. Когда „ты внѣ самой себя потеряешься еще здѣсь „будучи, прежде нежели осмотришься, обря„щешься въ той, которая подъ тобою. — „Пусть очи безумныхъ устремляются въ зем„лю, пусть люди, сущіе внѣ себя, такъ жи-

„вупть, какъ бы внѣ себя были; останься же „ты дома, и пекись о собственныхъ своихъ дѣ„лахъ. Разсматривай сама себя, собственный „твой видъ и существо твое, найдешь много „работы для мыслей твоихъ, какъ бы они жи„вы не были. (*) Если же находишь ты вели„кое удовольствіе въ таинствахъ естества, „то разсмотри хорошо таинство собственна„го твоего естества. Сокращеніе всего того, „чему ты учишься, близь тебя, да и въ самой „тебѣ; ибо ты сама міръ въ маломъ (**). — Ес-

(*) Многіе удивляются высотѣ горъ, дикимъ волнамъ свирѣпаго моря, быстрому рѣчному паденію, объимающей окружности морской, круготеченію звѣздному, а самихъ себя минуютъ и преходятъ всѣ разсмотрѣнія, говоритъ Блаженный Августинъ.

(**) Кто можетъ довольно надивиться благородному естеству такого животнаго, какое есть человѣкъ; онъ совокупляетъ въ себѣ смертное съ безсмертнымъ, соединяетъ словесное или разумное существо съ безсловнымъ или неразумнымъ и такимъ образомъ носитъ въ себѣ образъ всего творенія: а потому и называется *малымъ міромъ*, для котораго (толико онъ почтенъ отъ Бога!) сотворены всѣ вещи настоящее и будущее; да его ради и самъ Богъ Человѣкъ бысть! — Такъ, Св. Григорій Назіанзинъ справедливо сказалъ, что человѣкъ *великій міръ*, а міръ, внѣ его сущій, *міръ малый*.

,ли бы цѣль твоего прилѣжанія могли опредѣ-
,лить необходимость, или должность, естест-
,во, или благодать, разумѣніе, или вѣра, вну-
,треннія стремленія, или вѣчныя начала дви-
,женія, то собралъ бы ты разточенныя мы-
,сли твои, и занялъ бы ихъ болѣе тобою и
,Богомъ твоимъ.

Рѣшимся же отъ сего часа на то, что
ы стараніе узнать самихъ себя было нашимъ
пражненіемъ во все теченіе жизни нашей; да
озможемъ достигнуть помощію Божіею такой
тепени познанія самихъ насъ, которая навѣр-
о можетъ намъ доставить вышеизложенныя
реизящныя выгоды. На сей конецъ очень хо-
ошо бы мы сдѣлали, если бы сообразились съ
равилами, предписанными въ главахъ послѣдую-
ихъ.

ГЛАВА I.

Испытаніе самаго себя необходимо нужно къ сему познанію.

I. Главнѣйшій предметъ, къ познанію самаго
ебя требуемый, есть испытаніе самаго себя.
Мы должны часто смотрѣть въ сердце на-
ше, если хотимъ узнать оное. Оно весьма об-

манчиво, и обманчивѣе, нежели мы о немъ с
бѣ представлять можемъ, пока хорошо его
испытали, не изслѣдовали и не имѣли за ни
прилѣжнаго смотренія. Мы видимъ обманъ
ложь въ другихъ людяхъ, а собственное серд
наше есть величайшій прелестникъ, и нико
такъ опасаться намъ не должно, какъ сами
себя. Сперва мы должны имѣть къ себѣ не
вѣрчивость, потомъ испытывать самихъ себ
наконецъ имѣть за собою точное смотрен
если хотимъ когда нибудь узнать себя. Но в
можно ли тебѣ узнать себя, когда не имѣе
обхожденія съ собою?

Если бы кто привыкъ такъ собою занимат
ся, то не имѣлъ бы нужды достигать *три*
цатилѣтняго возраста прежде, нежели напа
на подозрѣніе, что онъ можетъ быть безумец
и не имѣлъ бы нужды быть сорока лѣтъ,
бы знать, что онъ подлинно таковъ. —

(См. ночныя размышленія, часть I.)

Люди не могли бы быть толь злыми, ка
вы они суть, если бы только приложили н
лежащій трудъ въ семъ упражненіи испыта
самихъ себя, и предполагали бъ нужную цѣ
еслибъ они обращали взоры свои на то, ч
они были, и смотрѣли бы въ самихъ себя, ч
они суть, и взирали бы предъ собою на т
что они будутъ.

А какъ сей шагъ къ познанію самаго себя, есть первый и нужнѣйшій, то не худо будетъ предметъ сей разпространить здѣсь далѣе и разсмотрѣть его точнѣе. И такъ.

1. Сіе испытаніе самаго себя должно быть предпринято съ великимъ стараніемъ и усердіемъ. Въ противномъ случаѣ сердце наше и тогда будетъ также насъ обманывать, когда мы его испытываемъ. Въ то время, какъ предпріемлемъ помышлять о себѣ, смущаетъ насъ и та и другая малость, и отвлекаетъ отъ полезныхъ разсужденій. Такъ мы колеблемся, и охотно попускаемъ себя уклоняться отъ строгаго испытанія о собственномъ нашемъ состояніи, представляющаго намъ, если только продолжимъ оное, такіе предметы, кои причиняютъ намъ стыдъ и безпокойство; на нихъ взираемъ съ досадою; ибо они вскорѣ произведутъ то, что мы наскучимъ симъ нужнымъ упражненіемъ.

По сему, не дозволимъ себѣ ласкать самихъ себя въ томъ, будто ето весьма легкое дѣло.— Нынѣ стоитъ великаго труда и заботы содержать нравъ свой въ строгости, а еще труднѣе быть при томъ безпристрастнымъ. Сія то трудность причиною того, что многіе боятся войти въ самихъ себя.

Читатель мой! рѣшись только, обратись къ самому себѣ, и примѣчай, не произведешь ли во внутренности твоей какого свѣта, когда ясно представлять себѣ станешь. — „Что „я есмь? для чего сотворенъ! и на какой ко„нецъ содержимъ до нынѣ благостію Творца „моего? Сообразуюсь ли я сему предмету? или „забываю его! Сходно ли съ онымъ проживалъ „я, или противился ему? — Чтожъ я дѣлалъ „съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь на свѣтѣ? Ка„кая польза міру, или мнѣ самому, что я въ „немъ живу толь долго? — Каково мое житіе? „увѣренъ ли я, что оно выдержитъ будущее „испытаніе? — Нахожусь ли теперь въ томъ „состояніи, въ какомъ бы желалъ быть при „смерти? и помысли, о душе моя! Ахъ! еще „помысли, что-то есть умереть! — Не отла„гай отъ себя далеко страшное сіе приключе„ніе, и не пробѣгай о немъ скоро твоими мы„слями! можешь ли ты сохранить себя отъ „страха дня онаго? и увѣрена ли, что подпо„ры, нынѣ тебя поддерживающія, не посколь„знутся? — Какую надежду имѣешь ты на „вѣчность? Находишься ли дѣйствительно въ та„комъ святомъ и блаженномъ положеніи, могу„щемъ содѣлать тебя удобною къ общенію съ „Богомъ? и о которомъ мірѣ ты наиболѣе пе„чешься? Какія вещи наисильнѣе тебя трога-

„ютъ? О душе моя? помысли о достоинствѣ „твоемъ; подумай, какъ скоро сцена перемѣнит„ся. Почто ты забывать хочешь, что ты без„смертна?

2. Сіе ободреніе и испытаніе самаго себя должно производить сколь можно чаще. — Находящіеся при важныхъ дѣлахъ должны бы щепы свои прочитывать чаще, прилѣжно судить себя, и не преставать оное дѣлать до тѣхъ поръ, пока ихъ не разсмотрятъ. Привычка вскорѣ сдѣлаетъ должность сію легкою, и потомъ пріятною.

При *утреннемъ* нашемъ уединеніи весьма бы хорошо было размышлять, что сіе спокойное и тихое души нашей состояніе, въ которомъ находимся въ то время, мы не можемъ сохранить во весь день, что вѣрно случатся съ нами такія вещи, которыя нарушатъ покой нашъ; что будетъ на слабую нашу душу нападеніе.

И такъ поставь теперь стражу въ предупрежденіе онаго. Но еслибъ и ничего съ нами не случилось, могущаго нарушить наше спокойствіе, то мысли перемѣнятся, помышленія сходны будутъ съ теченіемъ нашей крови, и состояніе нрава будетъ зависѣть большею частію отъ движенія жизненныхъ духовъ, душа наша будетъ свѣтлѣе, или темнѣе, веселѣе, или пе-

чальнѣе, мысли текущи, или тягостны, склонности разумнѣе, или безпорядочнѣе, поколику круготоченіе жизненныхъ соковъ скорѣе или тягостнѣе будетъ, какова бы ни была естественная, или ближайшая тому причина; и по тому должны мы, предупреждая убѣгать всѣ случаи, способные возбудить въ душѣ нашей опасное воскипѣніе гнѣва; ибо оно будучи возбуждено единожды, произведетъ въ насъ со всѣмъ другія мысли и склонности, нежели каковыя мы имѣемъ. И сіи послѣднія возмутятъ нашъ разумъ, разрушатъ предпріятія наши, приведутъ насъ къ тысячи грѣхопаденіямъ, наносящимъ рану нашей совѣсти, окаляющимъ нашу душу и причинятъ горькое грызеніе совѣсти, когда мы поспокойнѣе объ оныхъ размыслимъ. Благочестивая мысль и смиренномудренное утреннее предпріятіе поставятъ стражу у храма души нашей, и предохранятъ ее въ цѣлый день отъ искушенія.

Намъ никогда не должно также оставлять изъ подобнаго испытанія самаго себя, образовать часть и *вечерняго богомыслія*. Ввечеру обязаны мы проходить и испытывать разныя дѣянія протекшаго дня, разнообразныя мнѣнія и состояніе мыслей, въ коихъ мы находились, и разъискивать причины ихъ произведшія. Сей есть по истиннѣ Христіанской совѣсти

отя изъ пера язычника изтекшій, проходить
се то, что днемъ случилось прежде, нежели
асладимся покоемъ, дабы найти могли удоволь-
твіе въ томъ, что содѣлали добраго, и по-
торивъ еще обрѣли бы чрезъ то огорченіе во
лѣ нами сотворенномъ, и къ оному болѣе не воз-
ращались. Такимъ образомъ плачевные остат-
и погибшаго дня послужатъ намъ въ предо-
торожность учреждать лучше будущее тече-
іе нашего времени. Сіе упражненіе проповѣ-
уемо было многими славнѣйшими языческими
равоучителями, какъ то; Плутархомъ, Епик-
етомъ, Маркомъ Антониномъ, а особливо Пи-
агоромъ въ стихахъ, украшающихся именемъ
его философа, и золотыми названныхъ. Въ нихъ
овѣтуетъ онъ ученикамъ своимъ во всякій ве-
еръ все то передумать, что днемъ случилось,
предлагать себѣ слѣдующій вопросъ: „Что я
сей день пропустилъ! что сдѣлалъ? какія о-
пустилъ должности?„ Сенека восхваляетъ сіе
же упражненіе. Сектій, говоритъ онъ, такъ
ѣлывалъ: при окончаніи дня, прежде нежели
ойдетъ онъ въ ложе, говаривалъ душѣ своей слѣ-
ующее: „Отъ какого зла ты сей день избави-
лась? Какому пороку воспротивилась! въ чемъ
стала лучше? страсть престанетъ дѣйство-
вать, или ослабѣетъ, когда она видитъ, что
ее всякій день такимъ образомъ требуютъ къ

„отвѣту. Что можетъ быть выгоднѣе и поле-
„знѣе, какъ непрестанное обыкновеніе цѣлый
„день себя испытывать? – Такъ и я дѣлаю,
„говоритъ Сенека; и ежедневно сужу себя, а
„ввечеру, когда все покойно и тихо, начинаю
„я испытаніе о прошедшемъ дни; прохожу всѣ
„мои слова и дѣла, ничего не утаевая, и опа-
„саюсь сокрывать ни единаго порока, ибо для
„чего бы я сокрывалъ, когда я властенъ ска-
„зать себѣ: сей разъ я тебѣ прощаю, но бере-
„гись впредь такъ дѣлать. — Въ семъ и въ томъ
„то спорѣ ты съ лишкомъ горячился; впреди
„не входи съ невѣждами ни въ какія распри; они
„не допустятъ себя увѣрить, ибо не хотятъ
„обличенными быть въ своемъ невѣжествѣ. –
„Того и того хулилъ я съ излишнею вольно-
„стію, чѣмъ его не поправилъ, а огорчилъ толь-
„ко. Берегись, и впредь будь скромнѣе въ ху-
„леніи твоемъ, и не только о томъ думай,
„правду ли ты говоришь, но и можетъ ли че-
„ловѣкъ, коему ты предлагаешь, сносить ту
„истинну.„ Vid, Seneca de cra, Lib. 3. c. 36.
Такъ пишетъ сей изящный нравоучитель.

Мы еще хотимъ показать нѣкоторые другіе
опыты, взятые изъ благочестиваго и остро-
умнаго писателя, имѣющіе Христіанскій и бо-
гобоязненнѣйшій видъ. Mr. Bennet. See his
Chrftiian. Orator. p. 584.

„Сего утра вставъ отъ ложа вмѣсто того, „чтобы обращаться мнѣ въ молитвѣ къ Богу, „(что я считаю всегда лучшимъ, какъ скоро „учредишь мысли свои) далъ я мѣсто низкимъ „мыслямъ, причинившимъ въ сердцѣ и душѣ моей „великій безпорядокъ. Коль много сіе мнѣ вре„дило по недостатку великаго за собою бдѣ„нія? — Когда я буду благоразумнѣе? — Коль „постыдно почти весь нынѣшній день провелъ „я въ вещахъ маловажныхъ! Тогда я былъ еще „въ постели, когда должно мнѣ стоять на ко„лѣняхъ; съ холоднымъ сердцемъ произнесъ утр„ренния молитвы; весьма неостороженъ былъ „въ упражненіяхъ и бесѣдѣ, въ которой про„велъ день сей, а особливо имѣлъ я грѣховныя, „безумныя и постыдныя мысли и проч. Я уча„ствовалъ въ такомъ разговорѣ, который вся„каго рода людямъ есть весьма общій, на прим. „*Я говорилъ худо о другомъ; помогалъ обно„сить худыми словами моего ближняго.* Часто „дѣлалъ опредѣленіе о семъ грѣхѣ и обѣщался „ему больше не предаваться, но снова впадаю „въ оный. Коль обманчиво мое сердце! Я по„терялъ много часовъ въ единой лѣности и без„дѣліи. — Сего дня имѣю доказательство о соб„ственной моей слабости, чего я не много „ужаснулся, и конечно долженъ бы тѣмъ сми„риться. Поведеніе таково-то, отъ котораго

„ничего не могу ожидать, кромѣ своемыслія, „наглости и глупости, обезпокоило меня не„слыханнымъ образомъ, хотя я уже видѣлъ мно„гіе тому опыты. Какое бѣдное, какое слабое „и презрѣнное я твореніе! — Сего дня боль„шею частію я воздержался отъ обыкновен„ныхъ моихъ пороковъ. — Сего дня при од„номъ случаѣ, который былъ не малымъ для „меня искушеніемъ, ощутилъ я сильную Божію „помощь —Чѣмъ воздамъ за сіе?„

3. Старайся содержать душу твою въ спокойнѣйшемъ и свободнѣйшемъ состояніи, когда ты предпріемлешь упражняться въ испытаніи самаго себя. Избирай такое время, когда она совершенно свободна отъ всѣхъ страстей, и когда наименѣе занята житейскими попеченіями и упражненіями. Не вѣроятно, чтобъ судія довелъ вещь къ доброму концу, когда онъ, сидя на судебномъ мѣстѣ упоенъ крѣпкими напитками, или мысли его отвлечены другими попеченіями, ибо онъ прилагать долженъ ухо къ слушанію. Подумай, что ты самъ себя судишь, и теперь нечего тебѣ дѣлать, кромѣ какъ изпытывать доказательство, предъявляемое твоею совѣстію, да возможешь утвердить справедливое рѣшеніе, которое теперь великой для тебя важности. И потому должно при семъ

поступать съ великимъ стараніемъ, тихостію и осторожностію.

4. Остерегайся при семъ важномъ случаѣ *пристрастія* и да не участвуетъ здѣсь самолюбіе, которое, если не остережешься, заставитъ тебя обмануть самаго себя. Слѣдствія же сего обмана для тебя будутъ весьма плачевны. Старайся такъ себя разсматривать, каковъ ты подлинно есть, и взирай на вещи въ истинномъ ихъ свѣтѣ, а отнюдь не въ томъ, въ которомъ видѣть ихъ желаешь. Помышляй, что душа твоя всегда склонна тому вѣрить, что она легко видитъ, что можетъ быть то правда, и напротивъ отвращается признать то за истинное, чему она желаетъ быть ложнымъ; сему дѣйствію самолюбія конечно будешь ты подверженъ при осужденіи самаго себя.

Тебѣ не должно бояться, сдѣлаться весьма строгимъ собственнымъ своимъ судьею. Главное твое стараніе въ томъ состоять должно, чтобъ не сдѣлать снисходительнаго себѣ рѣшенія. Хотя судья и долженъ быть безпристрастнымъ къ обѣимъ сторонамъ, но здѣсь сему случаю не мѣсто, ибо ты и судья и преступникъ вмѣстѣ. Что и показываетъ, что долженъ ты стараться дѣлать весьма предусмотрительное опредѣленіе. Но помышляй, что

ты долженъ взирать единственно на доказательства и на должность судьи, и что ежели и отъ сего суда оправданъ останешься, то еще будетъ слѣдовать другой, гдѣ выдетъ опредѣленіе съ истинною согласное.

„Не взирай однакожъ несправедливымъ образомъ ни на добро, ни на зло, которое въ тебѣ; но смотри на нихъ, каковы они въ самомъ дѣлѣ суть. Если примѣчаешь только добро въ тебѣ, а зло пропускаешь мимо глазъ, или только выискиваешь пороки, а ихъ пріятности выпускаешь изъ виду, то ни то, ни другое изъ обѣихъ сихъ не приведетъ тебя къ справедливому знакомству съ самимъ собою. „Baxters Director. p. 876.

Для поощренія же твоего къ сему безпристрастію воспомни, что сіе дѣло, хотя можетъ быть отъ свѣта и сокрыто, но произходитъ не въ сокровенномъ; Богъ видитъ, какъ при томъ поступаешь, отъ Его суда долженъ ты ожидать истиннаго опредѣленія. „Намъ должно мысли свои содержать въ такомъ порядкѣ, говоритъ Сенека, какъ будто бы мы имѣли окно въ сердце наше, въ которое каждый смотрѣть можетъ, что въ немъ дѣлается. Есть, подлинно есть Зрящій оное: чтожъ намъ, если мы наши отъ людей только сокрыты? Отъ Бога ничто несокровенно.„

5. Берегись, чтобъ не судить тебѣ *по ложнымъ правиламъ*. Сіе вѣрная и обыкновенная дорога къ обольщенію самаго себя, на пр. иные *судятъ о себѣ потому, каковы они были*. Но отнюдь не слѣдуетъ, что поелику люди не столь злы, какъ были прежде, то они уже такъ хороши, какъ имъ быть должно. Не справедливо, если бы предъидущее наше поведеніе мы захотѣли сдѣлать мѣрою настоящаго, или настоящее правиломъ будущаго; ибо наше предъидущее, настоящее и будущее поведеніе должно опредѣлять и обсуживать со всѣмъ по другому правилу. *И сами въ себѣ, себе измѣряюще, и прилагающе себе самихъ себѣ, не разумѣваютъ*. (2. Коринѳ. гл. 10. ст. 12.) Иные склонны судить о себѣ по мнѣнію другихъ, всѣхъ несправедливѣйшее правило; ибо самымъ оныхъ мнѣніемъ можешь ты быть обманутъ. Ибо какъ ты хочешь знать, подлинно ли они такъ хорошо о тебѣ мыслятъ, какъ говорятъ? Но если бы такъ и было, развѣ другіе не могутъ имѣть о тебѣ худаго мнѣнія? И для чегожъ рѣшеніе сихъ послѣднихъ не можетъ быть правиломъ твоего поведенія равно какъ первыхъ? — Спроси у ласкающаго тебя самолюбія и дай отвѣтъ, — Можетъ быть ни одинъ изъ всѣхъ вышесказанныхъ не показываетъ, что онъ *самъ себя знаетъ*, то какъ же ему знать тебя? Возможно

ли, чтобы кто имѣлъ случай знать тебя луч-
ше, нежели ты самъ? Никогда, никто по мнѣ-
нію о себѣ другихъ не можетъ достигнуть до
справедливаго *самаго себя познанія*; ибо мнѣніе
сіе толь перемѣнчиво, и всегда весьма худо о-
сновано. Люди судятъ обыкновенно по наруж-
ному виду, или внутреннему предразсужденію, и
мыслятъ и говорятъ по большей части о нас
на угадъ. ---- Есть еще и такіе, кои хотят
о себѣ судить по обхожденію съ ними ихъ на-
чальниковъ, имѣющихъ въ рукахъ и случаи и вы-
годы снискивать лучшее познаніе, лучше пос-
тупать, быть лучшими, и, не хвастаясь ска-
зать, говорятъ они, *мы имъ ни въ чемъ н*
уступаемъ. Чегожъ больше? можетъ быть н
ты, ни они не суть то, чего должности ва-
шего состоянія неминуемо отъ васъ требу-
ютъ, и чѣмъ бы вы должны быть прежде
нежели щастливыми быть можете; но разсуд
какъ легко разрушить сіе доказательство
Ты лучше другихъ, говоришь, имѣющихъ боль-
шіе случаи и выгоды быть добрыми, нежел
ты имѣешь, и слѣдовательно твое состояні
вѣрно. Но ты самъ имѣешь еще большіе слу-
чаи и выгоды быть добрымъ, нежели другіе и
мѣютъ, кои, не смотря на то, лучше тебя;
слѣдовательно, по сему же правилу, состояні
твое можетъ не быть вѣрнымъ. --- Другіе на

противъ того судятъ о себѣ по общимъ основаніямъ, каковыя себѣ сдѣлалъ простой народъ о чести и честности, о добродѣтели и знатности; сіи правила хотя повсюду ложны, противны основаніямъ здраваго разсудка, совѣсти, Св. Писанію, но люди слѣдовать имъ обыкли; ибо они доставляютъ имъ много вольности. Сіи думаютъ по безумію своему, что они, находясь у низкаго рода людей въ почтеніи, не имѣютъ ни малѣйшей причины быть строгими себѣ судіями. А о тѣхъ, которые нѣжнѣйшаго и тончайшаго образа мыслей, думаютъ они, что сіи можетъ быть заблуждаются, и слишкомъ умствуютъ. Въ семъ мнѣніи укрѣпляются они тѣмъ, что примѣчаютъ коль рѣдко большая часть людей мучатся въ своей совѣсти по такимъ дѣламъ, кои осуждаютъ съ лишкомъ строгіе сіи судіи, какъ постыдныя преступленія. Я не смѣю и сказать, коль ложно и вредно сіе правило. Иные можетъ быть заключаютъ о себѣ и о своемъ состояніи по внезапнымъ впечатлѣніямъ, ими чувствуемымъ, или по сильному движенію на ихъ жизненные духи, которое приписываютъ они персту Божію; и чрезъ то они такъ чрезвычайно бываютъ тронуты, что со всѣмъ не оставляютъ у себя никакого напоминовенія, дабы съ сего времени начать свое обращеніе. Было ли то, или нѣтъ,

никогда не возможно усмотрѣть лучше, какъ изъ послѣдующаго потомъ ихъ поведенія. Также заключаютъ другіе о ихъ добромъ состояніи по ихъ *веселости*; хотя оная весьма рѣдка и скоро мимоходяща; преходитъ *яко облако утреннее, и яко роса утренняя.* „Не должно намъ „судить о себѣ по тому, что съ нами случается „необычайное, но по тому, что составляетъ „необыкновенный составъ и теченіе нашей „жизни; злой человѣкъ можетъ казаться добрымъ, если въ добрый часъ его увидишь; а добрый человѣкъ покажется злымъ, если онъ находится въ нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствахъ; когда злаго человѣка въ его лучшіе „часы, и добраго по худымъ судить станешь, то въ обоихъ обманешься.“ Baxters Direct. p. 876. Такимъ образомъ судя и о себѣ можешь обмануться. Фараонъ, Ахавъ, Иродъ и Феликсъ были въ нѣкоторые часы тихи, и для нихъ текли нѣкоторыя спокойныя минуты. Не взирая на сіе, находимъ имена ихъ изображенныя въ Св. Писаніи отвратительными письменами.

Слѣдовательно всѣ сіи правила, по которымъ судятъ, совершенно ложны, и если на нихъ положишься, или станешь ими себя испытывать, то доведешь себя до обмана о самомъ себѣ. Впрочемъ должно.

6. При испытаніи самаго себя не только остерегаться судить по ложнымъ правиламъ, но и по истиннымъ правиламъ не заключать можно. Должно стараться хорошо узнавать ихъ. Должность судьи есть не только собирать доказательства и обстоятельства дѣяній, но онъ обязанъ быть искусенъ въ законахъ, по которымъ оныя дѣянія судить ему должно.

Два суть единственныя и справедливыя правила себя испытывать, если мы хотимъ узнать самихъ себя: разсудокъ и Св. Писаніе. Нѣкоторые совсѣмъ не хотятъ принимать сихъ правилъ, потому, что для нихъ они весьма строги, слишкомъ жестоки, чтобъ могли сообразкаться съ ихъ коловратностію, и слишкомъ прямы, чтобъ могли во всѣ кривые пути ихъ простираться. Сіи люди идутъ противу разсудка, когда разсудокъ противу ихъ, и порицаютъ его называя *плотскимъ разсудкомъ*: суть противу Св. Писанія, когда Св. Писаніе противу ихъ; пренебрегаютъ его, яко *мертвое числя*. И такимъ образомъ лучше остаются въ заблужденіи, нежели выходятъ изъ обмана, отвергая единственное средство, могущее ихъ направить на путь истинный.

Нѣкоторые не хотятъ принимать сихъ правилъ, а другіе говорятъ, что они другъ другу противорѣчатъ. Разсудокъ противорѣчитъ Св.

Писанію, а Св. Писаніе разсудку. Но поелик
оные даны намъ отъ Бога, виновника существ
нашего, яко два средства, не только меж
собою въ совершенномъ согласіи сопребывающі
но и долженствующія быть способными од
другое облегчать, объяснять, и препятств
вать, дабы мы одно не принимали вмѣсто др
гаго, и что они, вмѣстѣ взятыя, (что всег
бы слѣдовало быть) долженствуютъ быть с
вершеннѣйшимъ и единственнымъ правиломъ
по которому мы обязаны судить самихъ се
и всѣ вещи, нужныя къ нашему, яко разумны
и падшихъ твореній, спасенію.

1. И такъ здравый разсудокъ есть перв
часть того правила, которое намъ дарова
Богъ, дабы судить по немъ о себѣ самихъ. Чре
который не разумѣю я сей, или другой чел
вѣческой разсудокъ въ особливости, могуш
весьма различествовать отъ разсудка друга
человѣка, и которые оба могутъ быть весь
разны отъ *истиннаго разсудка*, могутъ оба
кратиться не столько разумомъ и естество
вещей, сколько пристрастнымъ предубѣжде
емъ, и силою страстей. Но подъ именемъ и
тиннаго разсудка разумѣю всеобщія начальныя п
ложенія, безпрекословно приемлемыя всѣми т
ми, кои въ состояніи въ нихъ проникнуть,
кои явно не развращенны силою предразсу

енія; правила всеобщимъ согласіемъ всѣхъ ра-
умныхъ и мыслящихъ человѣковъ утвержден-
ыя и къ изученію изъ свѣта естественнаго
добо-возможныя. Если гдѣ найдешь ученіе безъ
ѣянія, хотя бы и воображали, что основаніе
го есть въ откровеніи, или имъ одобряемое;
е смотря на то явно сему описанію истин-
аго разсудка противуборствуетъ, или нашимъ
стественнымъ понятіямъ о Божественныхъ
войствахъ очевидно противорѣчитъ, или осла-
ляетъ обазанности наши ко всеобщей добро-
ѣтели: то мы совершенно можемъ быть увѣ-
ены, что отнюдь не составляетъ оно часть
ткровенія; ибо тогда часть нашихъ правилъ
ъ другою противоборствовала бы, и оной бы-
ъ бы противна. И такъ мы называемъ разсу-
окъ защитою противъ несмысленнаго и несо-
іаснаго изложенія Св. Писанія.

2. Вторая часть нашихъ правилъ есть Св.
исаніе, которое мы употреблять должны
иѣсто блюстителя противъ наглыхъ оболь-
еній вообразительной силы, которую хотятъ
родавать намъ часто за здравый разсудокъ.
сли бы и пришла къ намъ какая мысль, или
онятіе, касающееся до Религіи, хотя бы оно
ріятно и правдоподобно было, но когда оно
е основано на ясныхъ начальныхъ положеніяхъ
в. Писанія, то должно вскорѣ отъ него от-

стать. И тотъ разумъ Писанія, который с принужденіемъ изъ него выводить надобно, дол женъ всегда намъ казаться подозрительнымъ.

Читающій и учащій Св. Писаніе свободным и честнымъ сердцемъ, долженъ весьма удивлять ся, когда онъ видитъ, какія трудныя, тонкі и жалкія толкованія люди обыкновенно выду мываютъ, и нѣкоторымъ мѣстамъ писанія, як истинныя и настоящія понятія вымышляют и то не изъ другой какой причины, какъ от того, что наиболѣе согласуются они съ мні ніемъ ихъ толка, отъ котораго, яко отъ правил ихъ правовѣрія, никогда отступить не дерза ютъ. Еслибъ они сочиняли критику на какої либо Греческаго, или Латинскаго писателя, в глазахъ ученаго свѣта подверглись бы наивел чайшему смѣху. Но ежели мы не хотимъ н рушить нашихъ правилъ, то должны учитьс мыслить такъ, какъ говоритъ Писаніе, и н принуждать его такъ говорить, какъ мы мі слимъ.

И такъ, при желаніи познать самихъ себ мы должны часто на себя смотрѣть въ зерк лѣ Божественнаго Слова. И когда въ оное д вольно времени на себя насмотрѣлись, то забудемъ вскорѣ, *что мы за люди*. Если на образъ нашъ не нравится, не станемъ бранит

я съ зеркаломъ, но постараемся самихъ себя справить.

Духовное око хотя и не сходно съ окомъ тѣеснымъ, которое все, кромѣ только себя, видѣть можетъ; ибо око душевное можетъ обратиться само въ себя, и созерцать само себя; но должно сказать, что оно гораздо лучше видѣть можетъ, если собственный его образъ отъ сего зеркала на оное обратно взглянетъ. И чрезъ сіе единственно можемъ мы зрѣть даже во основаніе нашего сердца, и открыть тѣ сокровенныя предразсужденія и плотскія мнѣнія, которыя самолюбіе охотно сокрывать отъ насъ хочетъ.

И такъ сіе вопервыхъ мы должны исполнить для достиженія познанія самихъ себя. Надлежитъ намъ самихъ себя испытывать, разъискивать и судить, и сіе дѣлать прилѣжно, неторопливо, чаще и безпристрастно, и отнюдъ не по ложнымъ правиламъ міра, но по правиламъ, даннымъ намъ отъ Бога, то есть по разсудку и Св. Писанію; и стараться въ оныя правила проникнуть, и ихъ не противополагать другъ другу.

ГЛАВА II.

Къ познанію себя самаго нужно непре станное бдѣніе.

II Хотимъ ли познать себя самихъ, то дол жны бдѣть за сердцемъ и поступками нашими

1. Мы должны бдительное имѣть око за на шимъ сложеніемъ или темпераментомъ, за на шими склонностями и страстями. Не может намъ нужнѣйшій совѣтъ быть преподанъ к достиженію познанія себя самаго, каковъ по даетъ намъ Соломонъ (Притч. 4 ст. 23.) *Сохра ни сердце твое со всякимъ прилѣжаніемъ*, ил какъ въ начальномъ языкѣ изображено, *больш всего, что ты ни бережешь*, какъ бы сказал можешь ты пропускать и просмотрѣть чт хочешь, но блюди за сердцемъ твоимъ (*). Точ нѣе смотри за всѣми его склонностями и оп вращеніями, смотри на всѣ его движенія и по хотѣнія, примѣчай при томъ различные пред меты и случаи, отъ нихъ произходящіе. И си заповѣдь впечатлѣвается въ насъ чрезъ Св. Пи

(*) Съ симъ совѣтомъ царственнаго проповѣдник весьма сходствуетъ Императорскій Философ скій: Маркъ Аврелій говоритъ: взирай въ себ ибо въ тебѣ есть источникъ блага. См. кн. 7. §. 59

ніе важными основаніями весьма сильно. Пер-
ымъ: *понеже отъ сего произходитъ животъ*,
т. е. каково наше сердце, такова будетъ и
изнь и житіе наше. Каковъ источникъ, тако-
ы и ручьи; каковъ корень, таковъ и плодъ.
Мат. 7. ст. 5.) Второе основаніе, или при-
ина, понеже сердце есть *всѣхъ вещей об-
манчивѣе*. (Іер. 17 ст. 9.) и потому, безъ не-
рестаннаго за нимъ надзиранія непримѣтно
падемъ въ разныя позорныя прелести, или об-
аны самихъ себя. Къ чему еще и то присово-
упить могу, что мы безъ сего попечительна-
о за нашимъ сердцемъ присмотра никогда не
удемъ въ состояніи достигнуть высокой сте-
ени самопознанія, или господства надъ нами.

2. Дабы знать самихъ себя, должно намъ
дѣть какъ за жизнію и житіемъ нашимъ, такъ
за сердцемъ. Чрезъ то лучше узнаешь серд-
це свое, такъ равно какъ корень познается по
плодамъ его. Надлежитъ намъ взирать прилѣж-
но на натуру и слѣдствія каждаго дѣянія къ
которому мы склонны, или которымъ восхище-
ны, прежде нежели на него соизволимъ, и над-
лежитъ разсуждать какъ оно намъ будетъ ка-
заться при будущемъ изслѣдываніи. Мы искус-
ны примѣчать за дѣлами другихъ, и имѣть надъ
ними бдительное око. Благоразсудливый чело-
вѣкъ толь же строго смотрѣть будетъ и за

своими. Ибо, правду сказать, мы должны больше смотрѣть за своими, нежели за чужими, потому что въ нашихъ должны будемъ отдать отчетъ, а не въ чужихъ. Если смотримъ за поведеніемъ постороннихъ, то познаемъ ихъ; такъ если станемъ смотрѣть за нашими, то вѣрно себя самихъ узнаемъ.

ГЛАВА III.

Мы должны и на то смотрѣть, что другіе, а особливо наши непріятели, о насъ думаютъ.

III. Когда мы хотимъ знать себя самихъ, то обязаны почитать и другихъ о себѣ мнѣнія не высоко и не низко.

Для сего-то намъ не должно слишкомъ заботиться о хулѣ и хвалѣ свѣтской, кои обыкновенно скоропостижны и ложны суть; они происходятъ отъ особливыхъ предразсужденій человѣческихъ: а кто самъ себя знаетъ, тотъ будетъ умѣть пренебрегать и хвалу и хулу. „Опредѣленіе, подписываемое намъ публикою, ни „чего намъ не дѣлаетъ, ни душу, ни тѣло наше „не питаетъ, и имъ бѣдность наша не уменшается „ся. Послѣдуемъ всегда разсудку; говоритъ Мо

„тань, и хвала міра сего пусть за ними же слѣ-
„дуетъ, когда хочетъ.“

Но скажу при томъ, что неблагоразумно было бы и совершенное въ семъ случаѣ хладнокровіе (*). Не прилично быть со всѣмъ нечувствительными къ переговорамъ о насъ другихъ людей; нѣтъ, ниже къ шуткамъ непріятелей нашихъ; ибо непріятель нашъ сказываетъ намъ, можетъ быть, изъ непріязненности что нибудь такое, о чемъ мы на единѣ размышлять можемъ, не основательно ли обвиненіе его, и не имѣемъ ли въ нашемъ поведеніи чего-либо такого, что имѣетъ видъ правды. Такимъ образомъ врагъ нашъ болѣе пользы принесъ бы, нежели онъ думалъ; и мы открыли бы нѣчто такое въ сердцѣ своемъ, чего прежде не примѣчали. Человѣкъ, не имѣющій непріятелей, долженствовалъ бы имѣть весьма чистосердечныхъ друзей, и если кто таковыхъ друзей не имѣетъ, тотъ не долженъ считать за несчастіе, что у него есть враги, дѣлающіе ему строгія напоминанія. — „Друзья наши, гово-
„ритъ Аддисонъ, часто ласкаютъ насъ столь

(*) Не должно чрезъ мѣру бояться, ни вовсе пренебрегать пустыхъ осужденій; но, хотябъ они и ложны были, и отъ простыхъ людей происходили, стараться въ скоромъ времени истреблять ихъ. *Златоустъ* о Свящ. книга 5. гл. 4.

„же много, какъ и сердце наше. Они, или не „видятъ нашихъ пороковъ, или умалчиваютъ „объ оныхъ, или уменьшаютъ ихъ своими пред„ставленіями такъ, что мы, считая ихъ ма„ловажными, не печемся о ихъ истребленіи. „Непріятель же нашъ на противъ испыты„ваетъ насъ точнѣе, открываетъ каждое пят„нушко, каждое въ насъ несовершенство, и хо„тя злоба его, можетъ быть уже въ великомъ „свѣтѣ оное видитъ, но всегда есть тому ка„кое нибудь основаніе, что онъ объ насъ ска„зываетъ. Другъ нашъ возвеличиваетъ добродѣ„тели, а непріятель дѣлаетъ пороки гнуснѣй„шими. Благоразумный человѣкъ долженъ на о„боихъ прилѣжно смотрѣть и примѣчать, что „споспѣшествовать можетъ къ исправленію по„роковъ его, и къ убавленію изъ добродѣтелей. „Плутархъ написалъ цѣлое разсужденіе о вы„годахъ, какія можно имѣть отъ своихъ непрі„ятелей, и между прочими добрыми плодами, „враждою намъ приносимыми, считаетъ онъ о„собливо сіи, что мы чрезъ попреки, ею намъ „чинимые, видимъ худую нашу душу; она намъ „открываетъ глаза и показываетъ разныя пят„ны, пороки въ нашей жизни и обхожденіи, ко„торыхъ, безъ помощи такихъ худомыслящихъ „о насъ людей, мы бы не примѣтили.“

„Для достиженія же дальнѣйшаго познанія „о себѣ самомъ, должны мы съ другой стороны взвѣсить, коль много заслуживаемъ похвалы и благоволенія мірскаго, происходятъ ли „хвалимыя наши дѣянія отъ добрыхъ и хвалы „достойныхъ причинъ; и какъ много имѣемъ въ „себѣ добродѣтели, приписываемой намъ похвалою тѣхъ, съ коими обходимся. Таковое разсужденіе необходимо нужно, когда подумаемъ, „коль мы склонны превозносить насъ за мнѣніе „другихъ, или хулить, и суду людскому то „приносить въ жертву, что наше сердце намъ „сказываетъ."

Въ разсужденіи Плутарховомъ, на которое теперь идетъ ссылка, находятся весьма изрядныя вещи, принадлежащія къ сей матеріи, и для того думалъ я, что не безполезно будетъ нѣкоторыя мѣста оттуда выписать (*).

Знакъ очень худаго человѣка, если кто со всѣмъ нечувствителенъ къ тому, что гово-

---

(*) Безумцы и неосторожные люди уничтожаютъ и дружбу, но благоразумные и осмотрительные употребляютъ себѣ въ пользу и ненависть и непріязнь, противу ихъ воюющую.

Для чего врага нашего не считать намъ своимъ дядькою, который насъ даромъ наставлять хочетъ въ тѣхъ вещахъ, коихъ прежде мы не вѣдали. Ибо врагъ смотритъ и разумѣетъ въ

рять о немъ люди, и показываетъ такую надежду на познаніе о самомъ себѣ, что есть обыкновеннымъ и неложнымъ свидѣтельствомъ

вещахъ намъ пріятныхъ болѣе, нежели друзья наши, потому что любовь слѣпа, а презрѣнія, злость, ненависть, гнѣвъ и неуваженіе напротивъ того испытательны и проницательны.

Непріятель нашъ, для утоленія къ намъ своей ненависти, знакомится не только съ тѣлесными, но и съ душевными нашими несовершенствами, привязывается къ нашимъ порокамъ, дѣлаетъ о нихъ ненавистныя примѣчанія, и распространяетъ ихъ повсюду пріятными и лукавыми своими расказами. Изъ чего научаемся мы сему полезному ученію, по нихъ располагаемся въ свѣтѣ, и должны употреблять ихъ, то есть во всемъ, что ни говоримъ, или дѣлаемъ, научаемся быть толь осторожными и осмотрительными, какъ бы врагъ нашъ всегда былъ съ нами, и смотрѣлъ на дѣла наши.

Тѣ люди, которые мудрость, вліянную въ нихъ опасностію и омерзѣніемъ къ ихъ непріятелямъ, такъ далеко распространили, что живутъ разумно, мало по малу пришли въ готовность такъ жить, и въ своемъ повиновеніи добродѣтели укрѣпляются и утверждаются привычкою и употребленіемъ.

Нѣкто спросилъ Діогена, чѣмъ ему лучше всего отмстить своимъ непріятелямъ? Философъ отвѣчалъ: будь честнымъ и добрымъ человѣ-

незнанія о самомъ себѣ. Больше знающіе, всегда меньше о себѣ воображаютъ. И самопознаніе истинное есть такая глубокая и трудная

комъ. Несравненно хорошо говаривалъ Антисѳенъ: ежели кто хочетъ жить спокойно и безпорочно, то неотмѣнно долженъ имѣть честныхъ и чистосердечныхъ друзей, или весьма злыхъ непріятелей; ибо первые его воздержатъ отъ грѣховъ своими любви исполненными воспоминаніями, а вторые ругательствами.

Неимущій добраго друга, добрые ему совѣты подающаго, или его наказующаго за его проступки, долженъ съ терпѣніемъ сносить попреки своихъ непріятелей, и чрезъ то учиться исправлять пороки житія своего; таковой долженъ со тщаніемъ уважать — предметъ, на который цѣлятъ сіи горькіе попреки, и отнюдь не смотрѣть на упрекающаго. Ибо опредѣлившій смерть Ѳессальскому Прометею, подлинно спасъ жизнь его; вмѣсто смертнаго удара, который нанести хотѣлъ, открылъ только бывшій у него нарывъ. Такимъ же образомъ язвительные попреки недруговъ нашихъ могутъ изцѣлять нѣкоторыя душевныя болѣзни, коихъ прежде или мы не знали, или ни за что почитали, хотя ихъ злобныя слова не имѣютъ основаніемъ своимъ кромѣ ненависти и непріязненности.

Если что говорится о тебѣ ложное, то не пропускай сего, и не пренебрегай, хотя и не-

наука, что благоразсудительный человѣкъ никогда не будетъ имѣть къ себѣ толь великой довѣренности, будто всѣ его понятія о себѣ самомъ справедливы, хотябъ цѣлый міръ противное думалъ; ибо можетъ быть другіе имѣютъ лучшіе случаи и выгоды знать его, (а особливо въ нѣкоторыя времена) нежели онъ, потому что они въ семъ случаѣ никогда на самаго себя не смотрятъ сквозь обманчивый туманъ прельщенія.

правда; но испытай себя тотчасъ и разсуди, что ты говорилъ, или дѣлалъ такое, чтобъ могло подать основательный поводъ къ хуленію. Ничто неможетъ показать сильнѣйшаго доказательства благоразумія и человѣколюбія, какъ тихое и спокойное перенесеніе безумства и поношеній вражескихъ. Сіе для нѣкоторыхъ такъ трудно, какъ мимо каменной горы проплыть съ кораблемъ.

Чрезвычайное испытаніе человѣколюбія и ясный знакъ дѣйствительно благородной души пропускать ругательства непріятельскія, когда есть прекрасный случай къ отмщенію.

Примѣтимъ съ раченіемъ тѣ хорошія дѣянія, въ коихъ наши враги насъ превосходятъ, и тѣмъ постараемся взять верьхъ надъ ними, что мы порочнѣйшаго въ нихъ убѣгаемъ, а изящному въ нихъ подражаемъ. — Plut. Mor. Vol. I. p. 265 et. sequ.

ГЛАВА IV.

Частое обхожденіе съ людьми, которые болѣе насъ знаютъ, есть средство къ достиженію познанія о самомъ себѣ.

IV. Еще удобнѣйшее средство къ познанію о самомъ себѣ есть то, чтобъ сколько возможно обходиться съ тѣми людьми, кои превосходятъ насъ въ дѣйствительныхъ совершенствахъ.

Съ премудрымъ премудръ будеши. Примѣръ его послужитъ тебѣ не только побудительною — причиною къ похвальнымъ стараніямъ, но и зеркаломъ сердцу твоему. Чрезъ него можетъ быть ты у себя откроешь нѣкоторые пороки, или недостатки, или пропуски, кои прежде отъ глазъ твоихъ убѣгали. Увидишь неразумное суеты твоей и тщеславія, если примѣчать станешь, коль далеко другіе превзошли тебя въ прозорливости и во благѣ. Возрастеніе ихъ еще яснѣе тебѣ покажетъ недостатки твои, и сліяніемъ ихъ добродѣтели усмотришь ты гнусность твоихъ пороковъ, прилѣжностію ихъ лѣность свою, ихъ смиреніемъ гордость твою, ихъ тихостію свою горячность, и мудростію ихъ свое безуміе.

Примѣры не только трогаютъ, но и научаютъ насъ гораздо сильнѣе, нежели правила. Показываютъ намъ не только то, что такія-то добродѣтели могутъ быть исполняемы, но и какъ ихъ исполнять, и коль они намъ любезны кажутся, когда они исполнены. И по сему должны бы мы, если уже не можемъ всегда ихъ имѣть предъ глазами, стараться имѣть ихъ въ мысляхъ. А особливо великій примѣръ великія Главы нашея и Образа, давшаго намъ Самимъ Собою примѣръ, какимъ образомъ въ самыхъ худыхъ и опаснѣйшихъ обстоятельствахъ жизни человѣческой съ величайшею невинностію пребывать должно.

Глава V.

Что должно стараться содержать себя въ такомъ мыслеположеніи, которое наилучше способствуетъ къ познанію *самаго себя*.

V. Кто себя знать хочетъ, тотъ долженъ прилѣжно стараться искать быть въ такомъ расположеніи мыслей, которое дѣлаетъ его способнѣйшимъ къ достиженію сего познанія.

Поелику познаніе о самомъ себѣ не находитъ въ пути своемъ сильнѣйшихъ препятствій, какъ гордость и упрямство, то на противъ сего нѣтъ ничего, что споспѣшествовало бы ему болѣе смиренія и охоты къ удостовѣренію.

1) Старающійся о познаніи самаго себя долженъ вопервыхъ искать смиренія, а коль близкое сродство есть между сими обѣими, явствуетъ изъ того, что къ обѣимъ идутъ по одной дорогѣ. Тѣ же средства, коими достигается смиреніе, суть наиспособнѣйшія къ достиженію познанія о самомъ себѣ. Ежели непрестанно бдитъ око наше за нашими пороками и преступленіями, то мы становимся безпокойнѣе, и чрезъ сіе самое узнаемъ себя лучше. Когда мы разсматриваемъ, коль мало повинуемся предписанію и должности своей, и коль много другіе въ томъ насъ превосходятъ, а особливо когда ежедневно и прилѣжно поучаемся Божію Слову, тогда начинаемъ менѣе о себѣ думать, и чрезъ то самое начинаемъ получать лучшее о самихъ себѣ свѣденіе.

Гордый человѣкъ узнать себя не можетъ. Гордость есть бревно въ очахъ душевныхъ, дѣлающее его совсѣмъ слѣпымъ и невидящимъ пороковъ душевныхъ. И потому нѣтъ вѣрнѣйшаго знака незнанія о самомъ себѣ, какъ хвастовство и суета.

Въ самомъ дѣлѣ истинное самаго себя познаніе и смиреніе такъ необходимо соединены между собою, что одно на другомъ они основываются, и одно другое раждаетъ. Человѣкъ, самъ себя знающій, знаетъ свое хуждшее, и слѣдовательно долженъ быть смиренъ сердцемъ; а смиренная душа созерцаетъ чаще собственные свои пороки и слабости, чрезъ что она возрастаетъ въ познаніи о самой себѣ. И такъ познаніе самаго себя дѣлаетъ человѣка смиреннымъ; а смиреніе дѣлаетъ его всегда съ самимъ собою знакомѣе.

2) Охота учиться лучшему также нужна къ познанію самаго себя, какъ и смиреніе.

А какъ на пути къ истинному познанію нѣтъ никакого препятствія, кромѣ упрямства, затвердѣлости во мнѣніи и опасности оставить старыя понятія, которыя мы (можетъ быть прежде нежели еще были разсуждать въ состояніи) долго почитали за истинныя; то нѣтъ ничего познанію о самомъ себѣ и предосудительнѣе, какъ сильное отвращеніе, оставить тѣ мысли, кои о себѣ имѣемъ и къ коимъ слѣпо привыкли, также хуже о себѣ мыслить, нежели то дѣлать привыкли.

Подобное отвращеніе уничтожать наши опредѣленія происходитъ въ обоихъ случаяхъ отъ одной причины, то есть отъ нехотѣнія осу-

ждать самаго себя. Ибо пріемлющій новый родъ мыслей, противный его прежнему, давно имъ принятому, осуждаетъ въ томъ самаго себя за то, что онъ прожилъ въ заблужденіи. А начинающій усматривать въ себѣ пороки, коихъ онъ прежде не видалъ, самъ себя осуждаетъ, что онъ жилъ въ невѣденіи и во грѣхѣ. Сіе всего непріятнѣе, и ласкательство самому себѣ не всегда сіе выносить можетъ.

Но подобная закоснѣлость въ своемъ мнѣніи и нехотѣніе себя удостовѣрять, есть весьма нещастное и вредное души состояніе. Человѣкъ, предпріявшій никогда не хотѣть быть неправымъ, есть на прямой дорогѣ никогда не быть правымъ.

Какъ необманчивость не есть преимущество человѣческаго естества, то отнюдь не относится къ умаленію человѣческому, что онъ съ добрымъ разсужденіемъ и проницаніемъ впадаетъ въ заблужденіе, только бы онъ былъ внятъ въ готовности воспріять разсудокъ. Онъ дѣйствуетъ съ такою же свободою и непринужденіемъ, какъ и прежде, какое кто ни дѣлалъ бы ему напоминовеніе о прежнемъ. Собственный его разумъ и его проницаніе всегда ему служатъ путеводителями и являются въ великомъ превосходствѣ, научая его противоборствовать обманамъ суеты и мечтательно-

сти. Перемѣняя такимъ образомъ мнѣніе свое, признаетъ только то, что ему не возможно (такъ какъ и другимъ людямъ) не заблуждаться. Кратко сказать, великое достоинство и знакъ души тѣмъ превосходнѣйшей, если кто свободно опять что-либо принимаетъ чувствуя себя неправымъ, нежели, будучи правымъ, хочетъ оное всѣмъ показывать и утверждать(*).

И такъ всякой долженъ *захотѣть* себя узнать прежде, нежели *возможетъ* онъ узнавать себя самаго. Онъ долженъ открыть глаза, если видѣть хочетъ; обязанъ дать мѣсто доказательствамъ и увѣренію, хотя бы то было и на счетъ его разума, и съ оскорбленіемъ его суетности.

(*) Кто изобличитъ меня, что я въ такомъ-то дѣлѣ не правъ, то я перемѣнюсь охотно. Ибо я ничего не ищу кромѣ истинны; а сіе никому не вредно. Вредно намъ только то, когда мы закоснѣваемъ въ заблужденіи и невѣденіи. См. Марка Антонина Lib. 6. §. 21.

ГЛАВА VI.

Кто увѣренъ въ ложномъ своемъ познаніи, тотъ уже сдѣлалъ добрый шагъ къ познанію самаго себя.

VI. Хочешь ли ты знать самаго себя, то берегись ложныхъ познаній, и уклоняйся ихъ. *Блюдите, да не како свѣтъ, иже въ васъ, тьма будетъ.* И любимыя и главныя мнѣнія ваши да будутъ справедливы. Испытывай свой запасъ, и думай чему тебѣ опять учиться; ибо часто состоитъ въ томъ великая мудрость, чтобы знаніе, какое мы имѣемъ, опять забыть и того достигать, какого у насъ нѣтъ. Сіе можетъ быть было причиною, что Ѳемистоклъ предложившему учить его искуству примѣчать, отвѣтствовалъ, что онъ лучше бы желалъ учиться забывать.

Ученый, цѣлый свой вѣкъ надъ книгами сидѣвшій, найдетъ наконецъ въ своей Библіотекѣ много сору. И какъ перемѣнится его вкусъ, и уменьшится зрѣніе, то много выброситъ безполезныхъ вещей, кои можетъ быть прежде онъ почиталъ за великое и за которыя платилъ дорого. Праздныя мѣста наполнитъ нужнѣйшими и основательнѣйшими. Точно такъ мы должны об-

ходиться съ нашимъ разсудкомъ: житницу души нашей просматривать, плевелы отдѣлять отъ пшеницы, которая обыкновенно съ соромъ собирается. Во всю свою жизнь читать вздоръ и бездѣлицы, есть средство быть безпрестанно ребенкомъ и шалуномъ, а удивляться только своей первой наукѣ, значитъ препятствовать приращенію разсудка. Однимъ словомъ, если мы хотимъ направить разумъ къ драгоцѣнному намѣренію познанія самаго себя, то должно въ разсужденіи книгъ, нами читаемыхъ, также быть осторожными, какъ и въ разсужденіи бесѣдъ, нами посѣщаемыхъ.

„Трудъ, прилагаемый нами къ книгамъ и нау„камъ, содержащимъ вещи, ненужныя въ жи„зни человѣческой, есть упражненное недѣліе „Когда я учусь, говоритъ Монтань, тогда ни „въ какой другой наукѣ не упражняюсь, развѣ „въ той, которая трактуетъ о познаніи ме„ня самаго, и меня научаетъ, какъ мнѣ пра„вильно жить и хорошо умереть. Rule of Li„fe. pag. 82. 90.

Весьма плачевное умозрѣніе и ясное доказательство несовершенства человѣческаго разума, что мы, при точномъ изслѣдованіи запасной нашей камеры, примѣчаемъ многія вещи, о которыхъ думаемъ знать, а подлинно не знаемъ; и многое, что мы подлинно знаемъ, и че

го знать не должны; что большая часть науки, пріобрѣтенной нами въ цѣлую жизнь, есть ни что иное, какъ единое невѣденіе, да нѣчто и того хуже. Когда ты въ семъ увѣренъ, такъ знай, что сдѣлалъ весьма нужной шагъ къ познанію самаго себя.

ГЛАВА VII.

При особливыхъ случаяхъ весьма необходимо имѣть за собою примѣчаніе.

VII. Хочешь ли познать себя, то должно тебѣ въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ примѣчательно смотрѣть на разположеніе и движеніе души твоей.

Нѣкоторыя нечаянныя приключенія, съ тобою случающіяся, когда душа твоя отнюдь не на стражѣ, лучше откроютъ тайное ея расположеніе и господствующую склонность, нежели величайшіе случаи, къ которымъ она уже приготовилась.

1) Примѣчай, каковъ ты при неожиданномъ ругательствѣ и оскорбленіи, на лице твое относящемся. — Гнѣвъ безумнаго скоро открывается (Притч. 17. ст. 16), т. е. дурака скоро во гнѣвѣ познаешь.

Если гнѣвъ твой скоро возгарается, сіе значитъ, что тайная гордость лежитъ въ сердечномъ основаніи твоемъ, которая возпаляется какъ порохъ, при каждой искрѣ обиды. Ибо естественному сложенію что ни приписывай, однакоже то вѣрно, что гордость есть главная причина, если кто гнѣвается часто и сильно. Ибо гордость и гнѣвъ толь тѣсно между собою соединены, сколько смиреніе и тихость во нравѣ. Отъ гордости только происходитъ раздоръ, (Притч. 13. ст. 10.) и никто не узнаетъ, какое пятно находится на основаніи его сердца, если обиды его не тронутъ.

Аѳенодоръ Философъ по причинѣ древности лѣтъ своихъ просилъ у Августа позволенія отъ Двора удалиться, что ему Императоръ и позволилъ. При прощаніи своемъ сказалъ онъ: Блюдись, Государь, когда ты гнѣвенъ, что нибудь говорить и дѣлать, не выговоря двадцати четырехъ буквъ азбуки ясно и вразумительно про себя. При чемъ Августъ, взявъ его за руку, сказалъ: мнѣ еще нужно присутствіе твое, и удержалъ его у себя еще цѣлой годъ (*). Сіе какъ преизрядное правило восхваляется древними. Но христіанинъ можетъ предписать себѣ еще гораздо мудрѣйшее, то есть: когда ты во

(*) См. Plut. Mor. Vol. 1. pag. 238.

гнѣвѣ, не отвѣчай до тѣхъ поръ, пока не приведешь себѣ на память слѣдующаго прошенія въ молитвѣ Отче нашъ: *Оставь намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* И изъясненіе на то самаго Спасителя: *аще оставляете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ Небесный оставитъ вамъ согрѣшенія ваша; аще же не оставите человѣкомъ согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ Небесный не оставитъ вамъ согрѣшеній вашихъ.* (Мат. 6. ст. 14 и 15.)

Справедливо и разумно мыслитъ Маркъ Антонинъ о такихъ обстоятельствахъ говоря: „тотъ-то обходится со мною непристойно — „что мнѣ? онъ то дѣлаетъ, и его на то воля; слѣдовательно ему о томъ и стараться „надлежитъ. Ошибка и обида его, а не моя. „Что до меня касается, я въ томъ состояніи, въ какомъ Провидѣніе меня поставило, и „дѣлаю то, что мнѣ прилично. Meditat. L. 5. §. 25.

Сіе касается только до философическаго презрѣнія обиды, и гораздо не такъ похвально, какъ Христіанское прощеніе, къ которому насъ щастливымъ образомъ обыкновенно наклоняетъ познаніе о самихъ себѣ. И такъ чтобъ можно было судить о нашемъ въ томъ успѣхѣ, должны мы непрестанно и съ раченіемъ испытывать и примѣчать, какъ думаемъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

2) Какъ же ты поступишь въ жестокой и неожиданной печали, низпосланной на тебя отъ руки Божіей? Это есть также обстоятельство, гдѣ имѣемъ случай достигнуть истиннаго познанія самихъ себя.

Если въ насъ кроется вошедшее въ обыкновеніе неудовольствіе, или нетерпѣніе, то чрезъ сіе оно будетъ явно; а особливо когда огорченіе соединено съ нѣкоторыми изъ оныхъ оскорбительными обстоятельствами, умножавшими печаль Іова.

Часто огорченія насылаются на насъ въ такомъ намѣреніи, дабы они насъ научили познавать самихъ себя, и по сему они должны быть съ раченіемъ обращены на сей предметъ.

Чистосердечный и примѣчательный умъ увидитъ при томъ великую премудрость и благость небеснаго нашего Отца, Который не только соразмѣриваетъ степень наказанія съ силами сыновъ Своихъ, но и родъ онаго учреждаетъ сообразно ихъ мыслямъ, посѣщая того тѣмъ, а онаго симъ, зная что кому на пользу. Поелику малое оскорбленіе сего рода столькожъ намъ чувствительно и полезно, сколько большее другаго рода.

Извѣстное и истинное примѣчаніе, что благоразумный человѣкъ больше пользуется своими врагами, нежели друзьями; болѣе огорчені-

ями, нежели милостію; чрезъ что враги его дѣйствительно становятся его лучшими друзьями, а огорченія величайшими благодѣяніями. По крайней мѣрѣ столько извѣстно, что нѣтъ лучшаго случая въ настоящемъ и непритворномъ видѣ себя видѣть, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Если кто по сему дѣлаетъ прилѣжное наблюденіе, каковъ онъ при такихъ обстоятельствахъ, тотъ можетъ возрастать въ истинномъ познаніи самаго себя, которое впредь послужитъ ему къ такой пользѣ, а можетъ быть споспѣшествовать ему будетъ и къ неменьшему настоящему оскорбленію. Ибо нечаянная обида отъ человѣка, или сильная печаль отъ Бога, можетъ открыть нѣчто такое, которое долго такъ скрыто и неоткровенно было въ его сердцѣ, что онъ никогда не чаялъ тамъ его гнѣздящимся.

Если станемъ дѣлать примѣчаніе, какимъ образомъ сносимъ печали, какія угодно было Богу низпослать на насъ, и какую пользу отъ нихъ получаемъ, то можемъ достигнуть важнаго самихъ себя познанія.

3) Каково обыкновенное расположеніе души нашей во время покойное, во время благополучное и удовольствія, когда душа наименѣе себя примѣчаетъ?

Сіе есть теплая погода, подающая пищу сѣмени суетности, упованію на самаго себя, гордому другихъ презрѣнію, дѣлающая сіи пороки плодоносными. Когда въ сердцѣ есть сей горькій корень, то при сіяніи солнца ненарушимаго благополучія онъ произойти хочетъ, даже послѣ самаго мороза противности и невзгодья, ему вредъ нанесшаго, и отъ котораго онъ по мнѣнію нашему совсѣмъ будто вызябнулъ.

Благополучіе есть также опытъ, какъ и неблагополучіе, и обыкновенно сопровождается опасными искушеніями. И еслибы душа также важнымъ образомъ была склонна къ размышленію о самой себѣ, то въ первомъ имѣла бы лучшій случай достигнуть къ лучшему о себѣ самой познанію, нежели во второмъ. Но по нещастію, въ такихъ обстоятельствахъ она рѣдко бываетъ способна къ подобнымъ упражненіямъ. Тогда занимается чѣмъ нибудь другимъ; тогда надлежитъ ей опасаться разныхъ въ мірѣ приключеній; слишкомъ упражнена тогда наружными вещами, и не можетъ пещись о томъ, что въ мірѣ происходитъ, склоннѣе плавать въ удовольствіи, нежели самую себя изслѣдывать. Не смотря на то, сіе есть лучшее время къ испытанію самаго себя, и притомъ спокойнѣйшее, если она имѣетъ нужду къ до-

стиженію высочайшаго степени познанія самой себя.

Наконецъ когда мы обращаемся въ худой бесѣдѣ?

Ту бесѣду худою почитать должно, гдѣ и вида нѣтъ дѣлать, или получить доброе, но явная опасность или получить вредъ, или претерпѣть что либо. Я думаю, что мы другихъ или оскорбляемъ неосторожнымъ усердіемъ, или угожденіемъ наказанія достойнымъ грѣшимъ противъ самихъ себя.

Утопаемъ ли мы въ водахъ суетности и порока; восхищаетъ ли насъ остроумное словцо, или прелестная мысль такъ, что извиняемъ дерзское изреченіе? Ежели такъ, то скоро дойдетъ до такой крайности, что сіе сперва станетъ намъ нравиться, особливо ежели остро, а потомъ и сами употреблять будемъ.

Вотъ время, въ которое наижестокимъ опытомъ извѣдывается наше усердіе и благоразуміе, сила и твердость наша, и въ которое весьма часто мы примѣтить можемъ, что нечаянно вылетаетъ у насъ глупость, легкомысліе и безстыдство.

Въ подобное сему время можемъ о томъ, что въ сердцѣ нашемъ лежитъ сокровенно, узнать лучше, нежели въ покойныхъ и обыкно-

венныхъ въ жизни обстоятельствахъ, когда всѣ страсти тихи и мирны. И если отсюда хотимъ почерпать себѣ наставленіе, то должно намъ при такихъ случахъ быть весьма примѣчательнымъ на состояніе души нашей, на мысли наши, склонность и поведеніе.

ГЛАВА VIII.

Дабы умѣть знать себя самихъ, должно наружный видъ совсѣмъ отдѣлить.

VIII. Если хочешь познать себя самаго, долженъ ты, сколько возможно, стараться вліяніе наружныхъ вещей, или единый наружный видъ побѣдить.

Человѣкъ то, что его сердце. Познаніе самаго себя есть познаніе собственнаго своего сердца, которое есть вещь особливая и внутренняя. Слѣдовательно къ сему познанію наружныя вещи (по обстоятельствамъ человѣческимъ и состоянію его въ мірѣ) отнюдь споспѣшествовать не могутъ. Напротивъ того весьма часто они будутъ препятствовать ему въ стремленіи его къ познанію самаго себя, и положатъ преткновеніе на пути его.

1) Ежели обстоятельства твои въ мірѣ благопріятны и щастливы, то берегись, чтобъ ты по сему не очень выгодно судилъ о самомъ себѣ.

Сіи вещи суть внѣ тебя, и потому не могутъ быть мѣрою того, что внутри тебя; и сколько бы люди за нихъ тебя ни превозносили, ты отнюдь не сдѣлаешся чрезъ то благоразумнѣйшимъ человѣкомъ. И такъ если хочешь прямо судить о себѣ, то не долженъ взирать при томъ ни на достатокъ твой, ниже на рожденіе твое, ни на остроуміе, ниже на красоту, здравіе, природныя дарованія твои и проч. Что все не иное что, какъ принадлежность, случайность, внѣшнее украшеніе человѣка, гладкія и свѣтлыя рамы, въ которыя можетъ быть вставлена самая худая картина.

И безъ того можно быть добрымъ и щастливымъ человѣкомъ; а не имѣя ихъ, злымъ и жалкимъ; можно и съ ними быть еще хуже. Многаго недостаетъ, чтобъ оныя были добры и изрядны въ самихъ себѣ, такъ что мы часто видимъ, какъ Провидѣніе снабдѣваетъ ими хуждшихъ людей, и изъ любви къ нѣкоторымъ лучшимъ въ оныхъ отказываетъ. Наружности часто суть сильнѣйшимъ искушеніемъ и ставятъ человѣческую честность и благоразуміе въ опаснѣйшую пробу.

2) Когда состояніе твое въ мірѣ худо и плачевно, то не думай, что не владѣя наружными преимуществами, какими украшаются другіе, ты тѣмъ хуже ихъ (*).

Никто не станетъ думать о тебѣ хуже, для того, что ты не имѣешь наружныхъ украшеній выключая тѣхъ, которые думаютъ, что они тѣмъ лучше, что ихъ имѣютъ. Въ обоихъ случаяхъ покажутъ они поврежденное и развращенное разсужденіе. Сіи вещи, стоически говоря, суть внѣ насъ и не въ силахъ нашихъ. По чему человѣкъ ни лучше съ ними, ни хуже безъ нихъ, развѣ по доброму, или худому ихъ употребленію. И потому въ разсужденіи ихъ должно быть такъ равнодушну, какъ оныя въ разсужденіи насъ. Честный человѣкъ въ жалкихъ обстоятельствахъ еще для насъ любезнѣе; а злочестивецъ посредѣ благихъ своихъ, есть жалкая и бѣдная тварь(**).

(*) Такъ, промыслъ справедливо давъ глупымъ многи средства
Достойны ихъ мѣста, чтобъ жертвой быть бездѣйства.
Бѣдыже пасть должны на тѣхъ его сыновъ,
Кто къ мудрости хранитъ въ душѣ своей любовь.

(**) Былинка останется былинкою и на горахъ Алпійскихъ, а пирамида и въ долинѣ пирамида.
См. Ночныя размышленія.

Когда бы мы слѣдовали заключенію людскому, то судили бы о сихъ вещахъ со всѣмъ иначе, и чрезъ сіе заблужденіе получили бы ложное о самихъ себѣ понятіе. Но у насъ лучшее есть правило, коему должны мы послѣдовать, и если его держимся, то разсмотрѣніе наружнаго нашего состоянія, каковобъ оно ни было, не будетъ имѣть никакого предосудительнаго дѣйствія на душу въ стремленіи ея къ познанію о самой себѣ.

ГЛАВА IX.

Навыкъ въ познаніи себя самаго, употребленіе сего познанія, или упражненіе въ немъ, есть доброе средство къ споспѣшествованію оному.

IX. Да приложатъ стараніе привести въ навыкъ познаніе себя самаго.

Справедливое употребленіе науки, которою владѣемъ, есть лучшее средство къ большему въ ней преуспѣянію.

Великая цѣль познанія себя самаго есть господство надъ самимъ собою; безъ сего предмета оно есть, такъ какъ и другія науки, пустое только умствованіе. И поелику каждая

наука получаетъ свое достоинство отъ своего предмета, то сія наука есть изящнѣйшая потому только, что упражненіе въ оной есть наивеличайшей пользы.

„Прежде всѣхъ вещей, говоритъ старинный „добрый писатель, учи самаго себя. — Ибо ни „какая наука, основывающаяся на любопытствѣ „или умозрѣніи, не можетъ сравниться съ тою, „которая полезна. А между всѣми полезнѣйши „ми та наиполезнѣе, которая состоитъ въ дол „жномъ попеченіи о самомъ себѣ, и въ над „лежащихъ понятіяхъ о себѣ же самомъ. „Сіе ученіе есть должность, которою ка „ждый себѣ обязанъ. Не будемъ же такъ не „справедливы, чтобъ не заплатить сего дол „га; по крайней мѣрѣ обратимъ нѣсколь „ко времени и старанія на то, что имѣемъ „вѣрное на то право, если уже не хотимъ все „или большую часть онаго обратить на сіе „познаніе. Господствуй надъ страстями твои „ми; отправляй дѣла твои съ благоразуміемъ „и гдѣ ты ошибся, тамъ впредь исправляйся „Не буди жестоковыенъ и безпорядоченъ, но по „коряй все послушанію. Представляй себѣ всѣ „свои пороки, и дѣлай о нихъ такое строгое „опредѣленіе, какое дѣлаешь о другихъ, къ ко „имъ разумъ твой не пристрастенъ (*).“

(*) St. Bernars'd Medit. cap. 5.

Къ чему поможетъ намъ точнѣйшее и прилѣжнѣйшее самихъ себя испытаніе, когда мы останемся потомъ въ нечувствительности и лѣности? Или къ чему намъ послужитъ увѣреніе наше о многомъ несправедливомъ въ поступкахъ и бытіи нашемъ, когда нося увѣреніе сіе пребываемъ въ бездѣйствіи, не дѣлая ни шагу къ исправленію нашему? Сіе содѣлаетъ насъ виновнѣйшими предъ очами Всевидящаго Бога. И коль плачевно тогда будетъ, когда познаніе наше о самихъ себѣ станетъ обвинять насъ.

„Изслѣдываніе начинаютъ тогда, когда вещь „хотятъ исправить. Мы употребляемъ ее во „зло, и обманываемъ самихъ себя, ежели дол„жность знаемъ, а не исполняемъ. Мы должны „ежедневное житіе наше съ тѣмъ испытывать, „чтобъ послѣ могли исправлять его; и слѣ„довательно ежедневное испытаніе должно „намъ показывать, какому впредь надлежитъ „быть ежедневному старанію нашему.“— „Се„го дня, говоритъ Христіанинъ, изслѣдывая вве„черу, дѣла свои нашелъ, что потерялъ я столь„ко-то времени, а особливо въ . . . . много я упо„требилъ вольности; а паче въ . . . пропустилъ „я случай, которой могъ бы употребленъ быть „полезнѣе. Такую-то должность не хорошо я „исправилъ.— Нахожу, что такое-то небреже-

„ніе часто во мнѣ случается; старинная моя „слабость — еще привязана ко мнѣ; какъ лег„ко такой-то грѣхъ меня плѣняетъ! — Ахъ „если бы впредь быть осторожнѣе, и имѣть „за сердцемъ моимъ лучшее смотрѣніе, большее „примѣчаніе за путями моими! хотя бы завтре„шній день могъ я быть лучшимъ! — Познаніе „болѣзни есть уже великій шагъ къ излѣченію. „По крайней мѣрѣ онъ ведетъ насъ къ удоб„нымъ средствамъ, какъ изцѣлять себя. Позна„ніе самаго себя ведетъ къ исправленію са„маго себя. Проходящій мыслями своими въ „цѣлый день съ нимъ случившееся, испыту„ющій самаго себя, свое поведеніе и нравы, не „впадаетъ въ ту довѣренность и безуміе, кои „суть толь обыкновенны и толь опасны (*).“

Дабы увѣриться въ нѣкоторыхъ сокровенныхъ нашихъ порокахъ и слабостяхъ, и сдѣлаться къ нимъ примѣчательными, не худо сдѣлаемъ, когда ввечеру ихъ запишемъ, такъ какъ они случились съ нами въ теченіи дня. Чрезъ сіе не только лучше примѣтимъ ту часть нашего характера, въ разсужденіи которой мы обыкновенно слѣпы; но будемъ также въ состояніи открыть нѣкоторые недостатки и пороки, коихъ прежде можетъ быть никогда и не примѣчали. Ибо обманы и обороты сердца нашего

(*) Bennet's Crist. Orat. pag. 576.

суть иногда такъ не явны, что къ открытію и уясненію ихъ потребны точнѣйшее попечительное изслѣдываніе и непрестанное примѣчаніе.

„На примѣръ: сего дня читалъ я одного пи„сателя, котораго мнѣнія съ моими весьма раз„личны, и который изъясняется съ великою „горячестію и смѣлостію. Сіе признаюсь, воз„будило мое неблаговоленіе, и я тотчасъ вы„далъ строгое о немъ опредѣленіе, такъ что „ежелибъ онъ былъ предо мною, и говорилъ бы „такимъ голосомъ, то разгоряченное сердце мое „довело бы меня до непріятныхъ и неразмы„шленныхъ выраженій, что имѣло бы слѣдстві„емъ весьма не Христіанскую ссору. Но те„перь я разсуждаю, что если писатель сей и „заблуждается въ своихъ мнѣніяхъ, (ибо я еще „такъ думаю) то къ сему способу мыслить при„вели его особливыя обстоятельства его жиз„ни и образъ его воспитанія, такъ что пред„разсужденіе простить должно, а не мою не„любовь. — И такъ сіе произошло отъ моей „нелюбви, которая есть порокъ въ моемъ нра„вѣ; противъ коего я долженъ остерегаться и „въ коемъ прежде никогда я такъ не былъ увѣренъ, „какъ теперь послѣ сего разсужденія. Учись же „больше воздержанію, и употребляй впредь болѣе „осторожности противъ заблуждающихъ мыслей

„другихъ людей. Будь благосклоненъ къ другимъ,
„кои иныхъ мнѣній, нежели отъ нихъ желаешь,
„и отъ которыхъ ты далекъ своими мнѣніями.
„Ибо можетъ статься и ты столько же ма-
„ло, сколько и они, можешь вѣрно знать, что
„ты правъ.

„Впрочемъ сего дня я примѣтилъ за собою
„великую охоту нѣсколько споспѣшествовать
„къ уменьшенію изящнаго характера, приписан-
„наго отсутствующей особѣ однимъ изъ ея
„преданныхъ. Правда, я былъ надъ собою столь-
„ко властенъ, что могъ молчать. И хорошо,
„что столько смогъ; ибо горячность усердія
„его не стерпѣла бы хуленія. (Хотя еще ду-
„маю, что оно было нѣкоторымъ образомъ ос-
„новательно). Сіе причинило бы великій споръ
„о характерѣ того человѣка, при которомъ
„претерпѣлъ бы и мой, или причинилъ бы ве-
„ликую ссору и смятеніе. Но съ тѣхъ поръ я
„изслѣдываю тайный источникъ сего побужде-
„нія и нахожу, что то ненависть, въ чемъ то-
„гда не былъ я увѣренъ; но противникъ мой
„конечно приписалъ бы все страсти моей. А
„еслибъ онъ осмѣлился мнѣ о томъ сказать,
„то весьма сомнѣваюсь, имѣлъ ли бы я терпѣ-
„ніе того Философа, который, будучи дѣй-
„ствительно обиженъ, и спрошенъ, осердился ли
„онъ или нѣтъ, отвѣтствовалъ: нѣтъ, но я

„самъ съ собою разсуждаю, сердиться ли мнѣ? „Я боюсь не имѣть столько покойнаго духа, „но тотчасъ почелъ бы сіе ложнымъ и злымъ „обвиненіемъ. Но сіе подлинно ничто иное бы„ло, какъ зависить; ибо особа, бывшая пред„метомъ похвалы, была въ большемъ уваженіи, „нежели я. Берегись же впредь сего порока.

„Впрочемъ сего дня я весьма удивлялся, при„мѣтя въ себѣ знаки такого порока, отъ ко„тораго всегда считалъ себя чистымъ, кото„рымъ въ другихъ болѣе всего мерзилъ, и сей „порокъ есть скупость; ибо что бы иное мо„гло меня удержать отъ извлеченія изъ бѣдно„сти подобнаго мнѣ сочеловѣка, если не пу„стая причина, что онъ не во всѣхъ случаяхъ „есть истиннымъ предметомъ моего соболѣз„нованія, или для чего я дозволилъ другому „толь мало онымъ пользоваться, о которомъ „я зналъ уже, что онъ любви моей достоинъ. „По одной только пустой причинѣ, что я не „давно въ другомъ случаѣ имѣлъ великую издер„жку. Сіе могло происходить не отъ инаго че„го, какъ отъ тайной склонности къ сребро„любію, котораго хотя и прежде за собою ни „когда не примѣчалъ, но вѣроятно, что дру„гіе примѣтили. О коль неиспытанны суть „глубины и обманы человѣческаго сердца! — „Ежелибъ врагъ мой обвинялъ меня въ нечув-

„ствительности, въ нерасторопности, въ гор-
„дости, или въ нетерпѣніи, или въ излишней
„чувствительности къ поруганію и оскорбле-
„нію, то сіи обыкновенія утверждало бы соб-
„ственное мое сердце, и принуждало бы счи-
„тать себя виноватымъ. — Когда бы онъ ви-
„нилъ меня въ лицемѣріи, самохвальствѣ и въ
„любохуленіи, то подумалъ бы я, что сіе про-
„изходитъ отъ его сердца, склоннаго къ симъ
„порокамъ; потому что я примѣчалъ оные за
„собою весьма рѣдко. Но ежелибъ онъ обвинялъ
„меня въ скупости, то сіе я почелъ бы за яв-
„ную обиду и ругательство, и на хулу его взи-
„ралъ бы съ негодованіемъ, торжественно пре-
„небрегая оную. И при всемъ томъ нахожу я,
„что обвиненіе весьма было справедливо. — О
„какъ же трудно познать мнѣ самаго себя! —
„Въ сей наукѣ, также какъ и въ прочихъ, чѣмъ
„больше я постигаю, тѣмъ больше увѣряюсь
„во множествѣ моихъ въ оной недостатковъ (*).

(*) Цицеронъ конечно былъ суетнѣйшій человѣкъ въ мірѣ; въ противномъ случаѣ не могъ бы онъ быть такъ безстыденъ, что просилъ Луксея, писавшаго Римскую Исторію, сколь можно превознесть время его Консульства, хотя бы то было въ предосужденіе Исторической истинны; и испрашивая подобнаго угожденія отъ самаго Катона, употребляетъ онъ странныя слова сіи:

Трудность владѣть самимъ собою и имѣть надъ собою власть, произходитъ отъ трудности совершеннаго о самомъ себѣ познанія, которое къ оному необходимо. Совершеннаго, говорю, познанія самаго себя, какъ о немъ предложено уже въ различныхъ отрасляхъ (часть 1.). Ибо какъ господство надъ самимъ собою, взирая на него, яко на добродѣтель, совершенно не возможно тамъ, гдѣ невѣжество о самомъ себѣ царствуетъ, то и трудность будетъ уменьшаться постепенно, ежели познаніе о самомъ себѣ возрастать будетъ.

Многіе можетъ быть склонны будутъ почитать сіе противорѣчущимъ, и вообразятъ, что знаютъ свои господствующія страсти и слабости, но совсѣмъ трудно имъ исправить ихъ. Пусть они еще разсмотрятъ отдѣленіе сіе, и найдутъ можетъ быть, что оная трудность произходитъ отъ недостатка ихъ въ познаніи самаго себя; (ибо въ сей наукѣ, так-

---

ежели бы кто былъ удаленъ отъ желанія суетной славы и благоугожденія народнаго, такъ это я. И что я въ томъ имѣю отъ натуры, то усилилось еще во мнѣ, по моему мнѣнію, разумомъ и науками. — Ахъ! какъ тайно не только вкрадывается, но и сокрывается незнаніе о самомъ себѣ и въ ученѣйшихъ и разумнѣйшихъ людяхъ.—Читатель! берегись.

же какъ и въ прочихъ искуствахъ, думаютъ быть гораздо сильнѣе, нежели въ самомъ дѣлѣ суть;) а можетъ быть и отъ ихъ небреженія приводитъ въ навыкъ ту степень самопознанія, какую они дѣйствительно имѣютъ. Знаютъ они особливые свои пороки, но не хотятъ сохранять себя отъ ихъ нечаянныхъ искушеній. И часто въ нихъ впадаютъ, стонутъ подъ бременемъ ихъ, или не зная отдаленнѣйшихъ искушеній, или не охраняя себя отъ вводящихъ потомъ въ другія, еще нечаяннѣе находящія, и кои суть опаснѣйшія, что не несправедливо назвать можно прехожденіемъ отъ искушенія во искушеніе. Примѣчать оныя, и сохранять себя отъ нихъ, составляетъ весьма необходимую часть познанія самаго себя. Велико искусство избѣгать опасности, и оно по настоящему слабому нашему состоянію, есть лучшее средство пребывать отъ грѣха свободнымъ.

Думаютъ, что сердечное наше желаніе и великій предметъ всѣхъ нашихъ испытаній самихъ себя, состоитъ въ исправленіи того, что несправедливо, и въ употребленіи того, что въ насъ есть добраго. Но ежели мы къ тому не прилагаемъ труда, то все наше стараніе о познаніи самихъ себя будетъ тщетно. И подлинно такъ, если мы о томъ не стараемся, то не льзя сказать, что сердечно того желаемъ.

„Ибо тамъ есть лучшее усердіе, гдѣ лучшая „воля, и тамъ лучшая воля, гдѣ есть лучшее „стремленіе, а гдѣ есть лучшее стремленіе, „тамъ обыкновенно лучшія слѣдствія. Такъ „что рвеніе должно доказывать чистосердеч„ное желаніе наше, и хорошія слѣдствія обыкно„венно доказываютъ чистосердечіе нашего стре„мленія" (*). Сіе, кажется мнѣ, вѣрно сказать можно, не приписывая человѣческой волѣ многой силы; когда разсмотрѣть, что мы разумныя и свободнодѣйствующія творенія, и если вспомнить, какая сильная помощь пріуготовляется ищущимъ ее для доставленія стараніямъ своимъ, ежели они чистосердечны, щастливаго успѣха, что приводитъ насъ къ содержанію слѣдующей главы.

ГЛАВА X.

Теплая и твердая молитва есть сильнѣйшее средство къ достиженію истиннаго о самомъ себѣ познанія.

Наконецъ покажу послѣднее средство къ познанію самаго себя: теплая и благоговѣйная мо-

---

(*) Baxter.

литва къ Источнику свѣта и Отцу душъ нашихъ, помогающему намъ въ семъ важномъ стараніи, и дарующему намъ истинное познаніе самихъ насъ.

Сіе привожу я въ концѣ не для того, якобы маловажнѣйшее, но паче яко важнѣйшее и лучшее изъ всѣхъ средствъ къ достиженію справедливаго и совершеннаго о самомъ себѣ познанія; средство, всѣмъ другимъ подающее силу; средство, въ послѣдокъ приведенное, но первое, которое употреблять бы долженствовали.

Если хотимъ познать самихъ себя, то должны мы не токмо чаще размышлять сами съ собою, но и бесѣдовать съ Богомъ въ молитвѣ. Мы должны повергаться предъ нимъ въ глубокомъ смиреніи, и молить Отца духа нашего, да научитъ насъ познавать Его, *во свѣтѣ бо Его можемъ мы узрѣть свѣтъ*, гдѣ прежде была единая только тьма; да откроетъ Онъ намъ глубину и лесть нашего сердца. Ибо безъ Его благодати и безъ дѣйствія божественнаго Его просвѣщенія, и безъ Его наставленія, наше сердце насъ обманетъ, не смотря на всѣ попеченія и труды наши познать Его. Самолюбіе такъ ослѣпило разумъ нашъ, что всегда будетъ насъ содержать въ невѣденіи о себѣ самихъ.

Первое, что мы должны сдѣлать для достиженія къ познанію о себѣ самихъ, есть

себя увѣрить, что сердце наше обманчивѣе всего. А второе, помышлять, что Господь испытуетъ сердца и утробы, то есть, что Онъ Сердцевѣдецъ. Онъ знаетъ его, какъ бы оно обманчиво ни было. Сіе примѣчаніе представляетъ намъ не только наисильнѣйшія побудительныя причины, придающія намъ силы стараться о истинномъ познаніи самихъ себя, но и показываетъ намъ купно, какъ должны мы достигать сего познанія, то есть: смиренною и усердною молитвою къ Тому; Коему все то извѣстно, что слѣдуетъ къ изученію нашему. И сіе можетъ Онъ, посредствомъ свободнаго и точнаго доступленія, какое духъ нашъ имѣетъ къ Его Святому Духу, учинить сильнымъ различными образы. Когда онъ направитъ къ тому вниманіе наше; способность нашу содѣлаетъ живою; изтребитъ предразсужденія, дѣлающія то, яко ложное стекло предъ глазами разума нашего, что вещи не въ истинномъ и не въ собственномъ ихъ свѣтѣ видѣть можно; убіетъ гордость нашу; укрѣпитъ силы разума и разсужденія; впечатлѣетъ въ душу нашу живое увѣреніе, и видъ великаго ея блаженства и должности; и возбудитъ такимъ образомъ душу отъ плотской безопасности и равнодушія къ важнѣйшимъ ея

обязанностямъ, къ которому приводитъ ее обыкновенно излишнее ея вниманіе къ міру.

Сверхъ того молитва есть весьма удобное средство къ достиженію познанія самаго себя, потому что дѣйствительное упражненіе мысли въ семъ благоговѣйномъ навыкѣ есть уже вспомоществующимъ къ тому средствомъ. Ибо никогда мысли не обрѣтаются въ лучшемъ расположеніи, какъ въ то время, когда они усердно и благоговѣйно заняты сею должностію. Въ то время онѣ дѣлаютъ лучшія представленія о Богѣ, справедливѣйшія о себѣ самомъ понятія, и справедливѣе думаютъ о земныхъ вещахъ, имѣютъ яснѣйшія представленія о собственной своей слабости, живѣйшее увѣреніе о своей постыдности; и слѣдовательно находятся въ наилучшемъ разположеніи къ достиженію истиннаго и правильнаго самопознанія.

Ахъ! если бы мы могли всегда такимъ образомъ о себѣ мыслить, или когда бы могли быть всегда въ такомъ разположеніи, такъ о себѣ мыслить, какъ иногда мыслимъ во внутреннемъ усердіи нашего смиренія предъ престоломъ милосердія; вскорѣ великіе успѣхи оказали бы мы въ сей важной наукѣ. Она ясно показываетъ намъ, сколь нужны такія благоговѣйныя и смиренныя упражненія души нашей, и какія они

суть средства къ достиженію справедливаго познанія о самомъ себѣ.

Теперь, читатель мой, взявшій трудъ прочесть листы сіи, будь ты кто хочешь. Каковы бы ни были твое состояніе, и обстоятельства на земли; твои способности и умъ твой; дѣла и упражненія; каковыбъ ни были любимыя твои мнѣнія и начальныя положенія твои; какомубъ толку исповѣданія приверженъ ты ни былъ; но будь увѣренъ, что читанное тобою весьма близко тебя касается, хочешь ли ты внимать тому, или нѣтъ. Ибо сіе касается до тебя не менѣе, какъ собственная твоя безопасность, до собственнаго твоего спокойствія и пользы въ семъ мірѣ, и до твоего блаженства на томъ свѣтѣ; — касается всего того, поелику ты человѣкъ, и поелику Христіанинъ. — Можетъ быть въ представленномъ тебѣ зеркалѣ увидѣлъ ты нѣсколько и своего образа; хочешь ли прочь отойти, и позабыть каковъ ты? — Можетъ статься и такое нашелъ ты, чего прямо не разумѣешь, или не вовсе оправдаешь. Но должно ли сіе отвратить твое вниманіе отъ тѣхъ вещей, кои ты разумѣешь, одобряешь, и въ необходимости которыхъ увѣренъ? — Ежели ты не получилъ никакой пользы и выгоды отъ сего весьма яснаго практическаго объясненія, тобою прочтеннаго, такъ прочти

еще въ другой разъ. Одинакая мысль, какъ тебѣ самому извѣстно, въ одно время сильнѣе впечатлѣвается, нежели въ другое. И мы чрезъ второе прочтеніе книги, получаемъ иногда большую пользу нежели чрезъ первое. Я бы желалъ надѣяться, что ты найдешь нѣчто, что, займетъ твои мысли, и съ помощію Божіею, содѣлаетъ тебя примѣчательнѣйшимъ, усерднѣйшимъ, мудрѣйшимъ и твердѣйшимъ Христіаниномъ.

Но развѣ ты хочешь, не смотря на сіе, сдѣлать тоже съ сею, прочтенною теперь книгою, что сдѣлалъ со многими поученіями, тобою слышанными? Развѣ хочешь судить о сей книгѣ по принятому тобою понятію; ученіе, въ ней содержащееся откинуть, или одобрить потому только, что она тебѣ мила, или противна. Хочешь хулить книгу сію, или хвалить ее потому только, что она пріятна, или непріятна твоему вкусу, не смотря на величіе, важность и необходимость матеріи, о которой она писана? Или развѣ ты хочешь довольствоваться единымъ прочтеніемъ только нѣсколькихъ страницъ, доставившихъ тебѣ нѣкоторую пріятность, не уважая и не одобряя важности вещи, справедливость мнѣній, искусство нѣкоторыхъ примѣчаній, и хочешь по этому ее изъ головы своей выбросить, не заботясь о ней болѣе? — Такъ вѣрь мнѣ, Христі-

нскій читатель, то едва стоило труда прочесть ее, ежели только вся польза твоя въ ономъ состоять будетъ. Книга сія имѣла честное намѣреніе доставить тебѣ большую пользу. Она хотѣла тебя познакомить съ лучшимъ, которому ты оказываешь отличное почтеніе, и который есть и лучшій твой другъ, и люнѣйшій врагъ вмѣстѣ; и сей-то есть *ты самъ.*— Она должна была тебя увѣрить, что когда ты хочешь поступать и жить пристойно человѣку — Христіанину, то долженъ знать самъ себя. Она должна была посредствомъ вышеизложенныхъ побудительныхъ причинъ и посредствомъ упомянутаго указанія, подвигнуть тебя къ тому, чтобы познаніе самаго себя ты счелъ важнѣйшимъ упражненіемъ твоимъ въ жизни, и сіе познаніе доставило бы тебѣ господство надъ самимъ тобою. Всемогущій Богъ да укрѣпитъ тебя въ семъ предпріятіи, и благодать Его да поможетъ тебѣ въ семъ важномъ упражненіи противустать всѣмъ будущимъ препятствіямъ и разсѣяніямъ. Ему вручаю я благіе плоды всѣхъ трудовъ моихъ, Ему же честь и хвала во вѣки.

Конецъ третей и послѣдней части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

Предисловіе . . . . . 3.

О ПОЗНАНІИ САМАГО СЕБЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Важность и свойство сего познанія . . . . 9.

Глава II.

О различныхъ вѣтвяхъ познанія самаго себя. Намъ должно знать, какія мы творенія, и что будемъ . . . . . 23.

Глава III.

О различныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ мы находимся въ разсужденіи Бога, Христа Спасителя и намъ подобныхъ твореній . . . . . 35.

Глава IV.

Мы должны надлежащимъ образомъ сохранять степень и состояніе, на которое Провидѣніемъ поставлены, и уважать по приличію, къ украшенію онаго относящееся . . . . . 53.

Глава V.

Каждый человѣкъ долженъ собственныя свои дарованія и способности точно знать, умѣть употреблять, и возвышать ихъ наилучшимъ образомъ . . . . . 58.

Глава VI.

Мы должны вѣдать немощи наши, и то, въ чемъ отъ природы имѣемъ недостатокъ, знать

такъ же, въ какихъ достоинствахъ предъ другими преимуществуемъ . . . . . 62.

Глава VII.

О познаніи нашихъ грѣховъ, недостатковъ въ темпераментѣ . . . . . 65.

Глава VIII.

Познаніе о нашихъ опаснѣйшихъ искушеніяхъ къ познанію самаго себя необходимо нужно 73.

Глава IX.

Познаніе самаго себя открываетъ тайныя предубѣжденія сердца . . . . . 78.

Глава X.

О необходимости и средствѣ познанія своего темперамента . . . . . 98.

Глава XI.

О тайныхъ побужденіяхъ нашихъ дѣяній . 105.

Глава XII.

Всякой себя знающій, очень вѣдаетъ, коль сильно въ немъ господствуетъ желаніе похвалы . . . . . 108.

Глава XIII.

Какой родъ знанія мы теперь имѣемъ, и какое достоинство оному приписываемъ . . . . 114.

Глава XIV.

О познаніи, надзираніи за нашими мыслями, и управленіи оными . . . . . 122.

Глава XV.

О памяти . . . . . 142.

Глава XVI.

Въ разсужденіи нравственнаго вкуса. . . 147.

Глава XVII.

О великихъ и главныхъ нашихъ намѣреніяхъ въ мірѣ . . . . . 154.

Глава XVIII.

О томъ, какъ узнавать истинное состояніе души своей, и способны ли мы къ смерти . 158.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О ИЗЯЩЕСТВѢ И ВЫГОДАХЪ СЕГО РОДА НАУКИ.

Глава I.

Познаніе самаго себя есть основаніе, на коемъ созидать можно господствованіе надъ самимъ собою . . . . . 164.

Глава II.

Познаніе самаго себя приводитъ къ разумному и постоянному распоряженію самимъ собою . . . . . 169.

Глава III.

Смиреніе есть слѣдствіе познанія самаго себя 171.

Глава IV.

Любовь есть такъ же дѣйствіе познанія самаго себя . . . . . 174.

Глава V.

Воздержаніе (abstinence) есть дѣйствіе познанія самаго себя . . . . . 177.

Глава VI.

Познаніе самаго себя исправляетъ силу разсудка . . . . . 181.

Глава VII.

Познаніе самаго себя руководствуетъ къ истинному исполненію Христіанской должности,

состоящей въ отрицаніи и отверженіи самаго себя . . . . . 184.

Глава VIII.

Познаніе самаго себя дѣлаетъ насъ полезнѣйшими въ мірѣ . . . . . 188.

Глава IX.

Познаніе самаго себя научаетъ насъ поступать прилично и сообразно нашему характеру 192.

Глава X.

Благочестіе есть дѣйствіе познанія самаго себя . . . . . 196.

Глава XI.

Познаніе самаго себя научаетъ насъ справедливому исполненію должностей Св. вѣры . . . 197.

Глава XII.

Познаніе самаго себя есть наилучшее приготовленіе къ смерти . . . . . 201.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О ТОМЪ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ДОЛЖНО ДОСТИГАТЬ ПОЗНАНІЯ САМАГО СЕБЯ . . . . . 205.

Глава I.

Испытаніе самаго себя необходимо нужно къ сему познанію . . . . . 209.

Глава II.

Къ познанію себя самаго нужно непрестанное бдѣніе. . . . . 230.

Глава III.

Мы должны и на то смотрѣть, что другіе, а особливо наши непріятели, о насъ думаютъ, . 232.

Глава VI.

Частое обхожденіе съ людьми, которые болѣе насъ знаютъ, есть средство къ достиженію познанія о самомъ себѣ . . . . . 239.

Глава V.

Что должно стараться содержать себя въ такомъ мысленоложеніи, которое наилучше способствуетъ къ познанію *самаго себя* . . . 240.

Глава VI.

Кто увѣренъ въ ложномъ своемъ познаніи, тотъ уже сдѣлалъ добрый шагъ къ познанію самаго себя . . . . . 245.

Глава VII.

При особливыхъ случаяхъ весьма необходимо имѣть за собою примѣчаніе . . . . . 247.

Глава VIII.

Дабы умѣть знать себя самихъ, должно наружный видъ совсѣмъ отдѣлить . . . . 254.

Глава IX.

Навыкъ въ познаніи себя самаго, употребленіе сего познанія, или упражненіе въ немъ, есть доброе средство къ споспѣшествованію оному . . . . . 257.

Глава X.

Теплая и твердая молитва есть сильнѣйшее средство къ достиженію истиннаго о самомъ себѣ познанія . . . . . 267.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

BJ1561
.M417
1819